Десоветизация в контексте трансформации беларусского общества

Сборник статей

Под редакцией Владимира Мацкевича

Вильнюс
2012

Книга издана беларусским Центром европейской трансформации (http://cet.eurobelarus.info)

при поддержке Международной неправительственной организации «EuroBelarus» (http://eurobelarus.info)

и Фонда им. Генриха Белля (http://www.boell.de)

Десоветизация в контексте трансформации беларусского общества: Сб.статей / Под ред. В.Мацкевича. – Вильнюс, 2012. – 162 с.

Советское прошлое в самых разных формах своего проявления продолжает оказывать существенное влияние на состояние современной Беларуси. Сборник оформляет результаты исследования, проведенного Центром европейской трансформации в 2012 году. Исследование было посвящено состоянию процессов десоветизации в различных сферах жизни и деятельности в Беларуси: труда и занятости, науки, предпринимательства, праздничной культуры и пр.

Книга предназначена для широкого круга исследователей, культурных и общественных деятелей, включенных в процессы трансформаций постсоветских стран, а также для всех интересующихся ходом и состоянием этих процессов.

СОДЕРЖАНИЕ

Феномен советского: проблемы исследования
(вместо введения)

Владимир МАЦКЕВИЧ

Феномен потому и феномен, что его нельзя описать, объяснить и понять спекулятивно, основываясь на понятиях и категориях, только рассуждая о нем. Феномены подлежат исследованию, измерению, наблюдению. Феномены нужно наблюдать, чтобы что-то о них знать, но это нужно не самим феноменам, а тем, кто хочет их объяснить и понять. Сами же феномены постоянно ускользают от наблюдения. Ускользают, чтобы не сказать прячутся. Природные феномены точно не прячутся, поскольку природа изощрённа, но не злонамеренна. А вот социальные и гуманитарные феномены и ускользают, и прячутся.

Как это возможно? Да очень просто. Люди могут стыдиться советского в себе, поэтому готовы прятать советское от окружающих. Люди могут не догадываться о наличии советского в себе, но не любят, когда их пристально наблюдают и исследуют, поэтому прячутся от исследователя – соответственно, прячут и феномен советского. Люди могут ненавидеть советское в себе, поэтому вытесняют все советское в глубины бессознательного, делая его незаметным для самих себя и вводя в заблуждение исследователей. Это все касается гуманитарной составляющей советского.

Почти так же обстоят дела с семиотическим измерением, социальным, культурным. Есть нарочитые советские знаки и символы, например: серп и молот, красный флаг с пятиконечной звездой, портреты Ленина и Сталина. Эти символы и знаки используются намеренно и выставляются напоказ. Иное дело – портрет Гагарина, Фиделя Кастро или Че Гевары. Даже сами Советы. В СССР все представительные органы назывались советами, но и вне СССР многие советы так и называются: советы учредителей, наблюдательные советы, верховные советы (парламент Украины). В искусстве СССР выделяли особый стиль – социалистический реализм. Но было время, когда социалисти-

ческий реализм невозможно было отличить от того, что называлось критическим реализмом XIX века. Было и другое время, когда картины Рокуэлла Кента невозможно было отличить от работ художников социалистического реализма, или фрески Ривейры и Сикейроса, ставшие образцами для советского декоративно-прикладного оформления официальных сооружений. Советское в искусстве, может, и не прячется, но (вынужденный каламбур) искусно маскируется.

Отношение к советскому на пространстве бывшего СССР выстраивается по-разному. Так или иначе, большинство политических режимов, установившихся в постсоветских странах, пытается уйти от советского прошлого. Кто-то уходит в архаику, восстанавливая более древние институты и формы общественной жизни. Например, если не вдаваться в детали, именно так можно понять действия политических режимов в Туркменистане и Узбекистане. Кто-то торопится сделать вид, что уже не сохранилось ничего советского в их стране, например Грузия, Украина, Молдова. Большинство постсоветских стран вступило на путь медленной и не очень публичной модернизации, где процессам десоветизации есть место, но они не акцентируются и не выдвигаются на первый план. Есть только два примера на постсоветском пространстве, где десоветизация не только не проводится, но сохранение всего советского стало ядром государственной политики. Это Республика Беларусь после референдума 1995 года и государственного переворота 1996 года и самопровозглашенная Приднестровская Республика.

В Приднестровье силы сопротивления с самого начала отстаивали советские институты, советский строй и образ жизни. Такие силы были во всех частях бывшего СССР, но только в Приднестровье они победили, смогли оторвать значительную часть территории Молдовы, где и сохранили советское почти в полной неприкосновенности. Если там и происходит десоветизация, то только как естественный процесс энтропии: советское просто разрушается от времени, люди умирают, институты адаптируются.

В Беларуси дела обстоят несколько иначе. Независимость приветствовала бóльшая часть населения страны, поэтому власти вынуждены были сделать несколько шагов в направлении десоветизации. Но затем реванш взяли советские силы, которые начали со сворачивания едва запущенных реформ, а затем попробовали восстановить советское. Однако из этого ничего не получалось. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку,

нельзя остановить время и историю. Попытки советизации Беларуси не приводят к успеху, однако и десоветизация не проводится. В результате Беларусь представляет собой редкий феномен: здесь все советское сохранилось в достаточной степени, чтобы наблюдать и видеть его вживую. Не в карикатурных формах, как это сохраняется в Приднестровье, но в живых и адаптированных. В формах конвергенции и взаимопроникновения двух систем, рыночной и плановой экономик, квазидемократических институтов и советской системы управления. Эти конвергентные формы и симбиоз можно наблюдать и в социальной действительности, и в антропологической, и в семиотической, и в практической.

Беларусь давно описывается в категориях симбиоза и сосуществования разного. Беларусы – многоконфессиональная нация, Беларусь – многоэтническая страна. К этому следует добавить и многоукладность жизни и деятельности беларусов. В стране уживаются институциональные формы, характерные для разных исторических периодов.

И в советские, и в постсоветские времена часто приходилось слышать, что Беларусь – самая советизированная страна, что в Беларуси советская пропаганда, воспитание, организация жизни достигли наибольших успехов. Возможно, в этом есть значительная доля правды. Но вместе с тем советизация в Беларуси не смогла вытеснить более архаичные формы жизни – языческие календарные праздники, христианские обычаи католиков и протестантов (а во многом и православных), крестьянский уклад жизни. Все это вписывалось в советский контекст и советские формы. Вписывалось, конечно, не так просто. Конвергенция и сосуществование порождают очень запутанные структуры и отношения. В современной Беларуси эти запутанные структуры и отношения еще более усложняются наслаиванием новых форм организации жизни – и индивидуальной, и институциональной. И это подлежит специальным исследованиям.

Чтобы развернуть полномасштабную программу исследований, необходимо теоретическое, методологическое и организационное обеспечение этих исследований. И во всех этих трех аспектах в Беларуси отсутствует систематическая работа.

Поскольку организация научной деятельности практически не изменилась с советских времен, то ни НАН РБ, ни университеты и отраслевые НИИ не могут выступать организаторами программы исследований феномена советского или процессов десоветизации. Для

беларусской гуманитарной науки исследования в этой области невозможны. Значит, их могут вести только неинституционализированные группы или отдельные исследователи. Но такие группы и отдельные исследователи не располагают необходимыми ресурсами, а часто и компетентностью, и необходимой квалификацией.

Теоретическое обеспечение для программы исследований феномена советского и процессов десоветизации отсутствует, разумеется, не только в Беларуси, но и вообще в науке. Советология, развивавшаяся в период холодной войны, прекратила свое существование с победой Перестройки и с падением Берлинской стены. Даже если советология и имела какие-то теоретические достижения, то они не пригодны для организации исследований в наше время. Точно так же невозможно воспользоваться теоретическими наработками советской науки. Концептуально-теоретические положения как советологии, так и советских социальных и гуманитарных наук очень тенденциозны. Первые критичны и подчинены либо целям победы в холодной войне, либо целям конвергенции двух систем. Хотя обе группы целей уже потеряли актуальность, теоретическое переосмысление их не проводится в силу того, что сама советология стала неактуальной. Вторые, наоборот, откровенно апологетичны и совсем не научны, а идеологичны. Квазитеоретические положения идеологии вряд ли могут быть применимы при проведении собственно исследований.

Методологическое обеспечение программы исследований феномена советского и процессов десоветизации пока является одной из серьезнейших проблем и задач, хотя это и не осознается широкой научной общественностью. С одной стороны, методология исследований в этой области требует преодоления трудностей психологического метода интроспекции. Советское доступно внешнему наблюдению в большей степени, чем внутреннему. Внешнее исследование можно было бы организовать в рамках советологии, если бы она продолжала существовать в новых исторических условиях, или науки в постсоветских странах, но при одном условии – при провозглашении программы десоветизации как политики в стране. А пока этого нет, то исследователи попадают в архаичную методологическую ситуацию эпохи дискуссий Вильгельма Вундта и Карла Бюлера о границах метода интроспекции. Эти проблемы так или иначе решены во многих школах и подходах психологии и социологии. Но там они решаются локально

и фрагментарно, поэтому их методология плохо переносима в другие области и на другие объекты исследовательского интереса.

Одна из основных методологических проблем исследования советского и процессов десоветизации – это формирование объекта и предмета исследования. Что может подлежать исследованию? С одной стороны, все что угодно. «Советское» пронизывает все уровни жизни, деятельности и мышления, а значит, оно может быть обнаружено во всем. И это очень плохо, поскольку практически невозможно выставить границы и рамки предметности, а значит, невозможно оставаться в рамках дисциплинарности, в которых исследователям наиболее удобно работать.

С другой стороны, очень трудно установить, что именно советского есть в том, на чем мы остановили свой исследовательский интерес. Когда-то было очень легко найти советского человека. Им был любой прохожий в СССР. А сейчас? Почти никто не признается, что он советский. То же самое и с институтами. Колхоз – это точно нечто советское. А ЗАО, в форме которого зарегистрирован бывший колхоз как актуальный хозяйствующий субъект? Легче всего с артефактами, с произведениями искусства, книгами, структурами.

В нашей попытке организовать исследование процессов десоветизации главным препятствием становится именно выбор объекта исследования и материала, подлежащего изучению. Если мы обращаемся к институтам и формам социальной организации, то почти все институты существенно мимикрировали за два десятилетия. Внешне они приняли форму несоветских институтов, и увидеть в них советское содержание не просто трудно, но порой невозможно, поскольку все советское старательно прячется от внешнего наблюдателя.

Если мы обращаемся к людям, то сталкиваемся с искаженной идентичностью. Даже те, кто испытывает ностальгию по советским временам, уже не идентифицируют себя с чем-то советским. Иногда люди маркируют себя символами советской эпохи, принадлежат к коммунистической партии, украшают то, что им принадлежит, советскими символами, но это делается либо нерефлексивно, без понимания, либо в целях эпатажа. Но в любом случае они осознают себя уже не советскими людьми. Что же мы тогда можем исследовать?

Советское становится идеальным, а не феноменальным. Мы пытаемся исследовать некую сущность, субстанцию, имеющую идеальное содержание, которое не встречается в реальности в чистом виде.

Но идеальное содержание требует особого отношения к себе. Сначала нужно создать концепт советского, описать его в том виде, каким советское должно быть в идеале. Должно было бы быть. Но советская эпоха закончилась, поэтому уже никто не стремится к тому, чтобы реализовать это долженствование, никто не стремится к советскому идеалу. И поэтому никто не хочет о нем думать, определять понятие советского и конструировать концепты.

Другое дело – исследование в рамках запущенного и реализующегося процесса десоветизации. Тогда концептуализация и идеализация советского была бы возможна не как то, что должно быть, а как то, от чего следует избавляться. В процессе десоветизации советское тоже существует как субстанция и материал, которые заменяются на что-то иное. И для этой замены требуется изучение. Но сегодня в Беларуси нет реализующейся программы десоветизации, в рамках которой могли бы ставиться такие задачи.

Итак, сегодня советское не есть идеал, к которому стремятся, не есть то идеальное зло, от которого избавляются. Советское существует как наличное, присутствующее здесь и сейчас, но ускользающее, как только мы пытаемся обратить на него внимание, как только мы начинаем с ним работать. Вот всего один пример из области языка и лингвистики. Беларусы – уже не советские люди, но и не прошедшие десоветизацию. Поэтому беларусы не знают, как обращаться друг к другу ни в официальных ситуациях, ни в быту.

До 1917 года они обращались друг к другу по-русски словами «господин», «сударь», «сударыня», «барышня». По-беларуски и по-польски соответственно «пан», «пани», «паненка». В советское время было введено в обиход обращение «товарищ» и «таварыш» – без различения социального статуса, пола и возраста. После 1991 года слово «товарищ» не было выведено из обращения. Официальные лица зачастую до сих пор обращаются к публике со словом «товарищи». Это же обращение в ходу в армии, в милиции и некоторых других сферах официального взаимодействия. В период кратковременной беларусизации при поддержке государства обращение «товарищ» попытались заменить словами «спадар» и «спадарыня». Нельзя сказать, что эта попытка была успешной. На официальном уровне такое обращение так и не прижилось. В быту тоже. И вряд ли оно получит широкое распространение. Все же в нашем регионе обращения «пан», «пани» более органичны,

но не очень приемлемы, поскольку несут на себе некий отпечаток полонизации. И хотя с точки зрения истории это не так, феномены сознания и осознания не всегда считаются с исторической правдой.

Слова обращения и формы играют важнейшую роль не просто в языке, но и в процессе самоидентификации человека. Если нет ясности с тем, как к кому обращаться, это ведет к социальной энтропии, вытеснению социальной реальности некоей иной, биолого-демографической, например. Получают распространение слова-обращения «мужчина», «женщина», «девушка», «молодой человек», «отец», «бабушка» и т.д. Этими словами обращаются друг к другу незнакомые люди в бытовых ситуациях: в общественных местах, в приемных официальных структур, даже в СМИ. Эрозия социальных ролей под воздействием таких поло-возрастных обращений – совершенно неизученный феномен. Остается совершенно неясным, как это влияет на поведение людей, на социализацию детей и молодежи, на социальные отношения. На культуру, в конце концов. Ведь при отсутствии общественного согласия о том, как к кому в каких ситуациях следует обращаться, в речи и языке происходят стихийные процессы проникновения инородных форм обращений и идентичности. Так, получившая распространение в кругах малообразованных людей и в номенклатурной среде привычка обращаться друг к другу по отчеству не свойственна беларусской культуре и традиции. Мало того, что это в значительной степени вульгаризирует бытовую речь, это как-то влияет на формирование идентичности, и не только этнической (имплантация элемента чужой культуры), но и возрастной, гендерной и т.д.

Другой феномен языка связан с употреблением слов «республика», «республиканский». Сами по себе эти слова давно утратили свой исходный смысл и культурное содержание. Вместо характеристики общественного устройства и типа государственного правления эти слова обозначают административные единицы и уровень административно-территориальной компетенции. Такие рудименты советского значения этих слов искажают значение слов «страна», «нация», «национальный». Когда вместо «национального уровня» говорят «республиканский», то содержание слова «национальный» вытесняется в иную область. Это уже не уровень управления или статус организации или закона. «Национальный» отсылает нас либо к этническому, либо к идеологическому содержанию. В такой ситуации, например, становится со-

вершенно непонятно, что означает желание руководства Беларусского государственного университета переименовать университет в Беларусский национальный. Что они хотят этим сделать? Что имеется в виду?

Начиная с феноменальности речи-языка мы можем перейти к другим областям и сферам, где возникают те же самые проблемы. Эти проблемы невозможно разрешить, не имея обширного исследовательского материала, не имея сформированного представления о советском в современных структурах, институтах, повседневности. В процессах десоветизации Беларуси мы можем двигаться от решения исследовательских задач к распространению знаний и представлений во-первых, через систему образования и подготовки, и во-вторых – через сферу средств массовой информации и коммуникации. Осознавая все обозначенные выше трудности, в первую очередь методологического характера, мы не можем отказываться от задачи расширения круга исследований, обеспечивающих процессы десоветизации в нашей стране.

Исследование, результатам которого посвящен этот сборник, проводилось в мае-сентябре 2012 г. Центром европейской трансформации при поддержке Фонда им. Генриха Белля (Германия). Спектр затронутых тем весьма разнообразен: трансформация советских практик борьбы с инакомыслием в сфере труда и занятости (Т.Водолажская); советское наследие в официальной праздничной культуре (Ю.Галиновская) и науке (А.Швецов); процесс десоветизации школьных учебников биологии (А.Мелешко); трансформации городского пространства (С.Стурейко) и развитие агроэкотуризма (О.Белячиц) как элементы десоветизации.

Представленные в данном сборнике результаты исследований не претендуют на полный охват всей проблематики, репрезентацию самого феномена советского и процесса десоветизации или на разрешение теоретических и методологических проблем. Они, с одной стороны, проливают свет на некоторые аспекты присутствия советского в современном беларусском обществе, а с другой – отражают проблемы исследований этого феномена и этого процесса. В этих двух ракурсах они являются вкладом в область исследований десоветизации и, надеемся, будут востребованы не только учеными и экспертами, но и практиками, которые ставят задачи трансформации беларусского общества.

Борьба с инакомыслием в сфере труда и занятости. Запрет на профессию: новое явление на старом фундаменте

Татьяна ВОДОЛАЖСКАЯ,
кандидат социологических наук,
эксперт Агентства гуманитарных технологий

В сегодняшней беларусской жизни есть явления, которые мы причисляем к «советскому наследию», обнаруживая очевидное сходство сегодняшнего дня и нашего недавнего прошлого. Среди таких явлений – запреты на профессиональную деятельность, чинимые властью (под ее влиянием и от ее имени) и связанные с идеологическими или политическими взглядами, а не профессиональной квалификацией, качеством работы и т.д.

За 2010-2011 годы Агентством гуманитарных технологий была собрана база данных, содержащая упоминания о фактах преследований за профессиональную деятельность, представленных в материалах СМИ[1]; в мониторинге нарушений прав человека Правозащитного центра «Вясна» (с 1998 по конец 2011 года)[2]; в мониторинге нарушений прав журналистов и СМИ Беларусской ассоциации журналистов[3].

В базу данных попали фамилии более 500 человек, по отношению к которым в период с 1996 по 2011 год были применены различные действия – от препятствий в творчестве или в доступе к публике (по-

---

1 «Радыё Свабода», веб-сайт ПЦ «Вясна», веб-сайт ОО «Белорусская ассоциация журналистов», «Радыё Рацыя», «Народная Воля», «Наша Ніва», «Еврорадио», «Польскае радыё для замежжа», Deutsche Welle, БелаПАН, Naviny.by, БелТА, «Свободные новости плюс», Tut.by, «БДГ. Деловая газета», «Завтра твоей страны», Euromost.org, «Салідарнасць», Белсат, Telegraf.by, «Белорусский партизан», «Новы Час», «Ежедневник», «Тут і Цяпер» и др.

2 Обзоры нарушений прав человека в Беларуси, подготовленные ПЦ «Вясна»: 1998-2011 гг. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://spring96.org/be/reviews

3 Мониторинги Беларусской ассоциации журналистов [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://baj.by/be/monitoring

требителю) до увольнения, отчисления и лишения лицензий. Все эти случаи связываются с активной гражданской и политической позицией и соответствующей деятельностью.

Собранная база представляет собой только небольшую часть реальной практики, поскольку включает только случаи, преданные огласке. Размеры подводной части этого «айсберга» остаются неизвестными, поскольку далеко не все, столкнувшиеся с подобными проблемами и препятствиями, готовы о них открыто говорить или предпринимать действия по правовой защите.

Но даже этих данных достаточно, чтобы говорить о распространенности случаев увольнения (свершившегося или только угрозы) по причинам, не связанным с профессиональной деятельностью. На первый взгляд, эти данные показывают, что в данной сфере не произошло существенных преобразований, советская практика осталась неизменной и профессиональная и трудовая деятельность по-прежнему является сферой решения не только производственных, но и политических и идеологических задач. В то же время мы не должны упускать из виду, что ряд внешних обстоятельств, оказывающих существенное влияние на данную сферу, претерпел изменения – от появления частных предприятий до отмены статьи уголовного кодекса о тунеядстве. Это требует более глубокого исследовательского отношения и разбора современной и советской практики.

Сфера, в рамках которой мы будем исследовать и анализировать процесс десоветизации, находится на стыке борьбы с инакомыслием и трудовой, профессиональной деятельности (говоря иначе, это сфера трудовой деятельности в рамках борьбы с инакомыслием). Этот «стык» не исчерпывает ни всей сферы трудовых отношений, ни всего многообразия форм и способов борьбы с инакомыслием. Более того, интересующая нас сфера представляет собой незначительную часть и того, и другого. И в нашу задачу не входит глубокий анализ каждой из этих сфер отдельно. Мы остановимся на их пересечении не только чтобы ограничить исследовательскую тему, но и в силу того, что на этом пересечении возникало специфическое пространство советской практики, где сходились и институционализировались (закреплялись как общественные установления) вполне определенные формы действий и отношений, характеризующих именно советское общество. Видимое сходство сегодняшней беларусской действительности с еще памятной советской ставит исследовательскую задачу разобраться, *являются ли*

эти действия и отношения прямым воспроизводством советской практики (ресоветизация) или же новым, хоть и внешне сходным явлением.

Далее мы рассмотрим современные проявления борьбы с инакомыслием в сфере труда, а затем попытаемся проанализировать сходство и отличия советской и современной беларусской практики.

Основным материалом исследования будет выступать упомянутая база данных, которая включает в себя следующие характеристики: лицо, которое подверглось репрессивным действиям (увольнения, отчисления, угрозы), место и время воздействия, сфера и профессиональная принадлежность, общие характеристики произошедшего (эта характеристика не стандартизирована в силу специфики открытых источников, которые с различной степенью глубины фиксируют случаи репрессивных воздействий).

Имеющийся для анализа материал характеризует интересующее нас социальное явление лишь ограниченно. Во-первых, фиксация случаев запрета или препятствия профессиональной деятельности отражает специфику правозащитной и журналистской деятельности. Так, к примеру, фиксация отчислений студентов стала систематичной и активной после 2006 года. Всплеск отчислений из вузов активизировал журналистский интерес, а появление «Программы Калиновского» как реакция правозащитников по смягчению и компенсации проблем студентов, в свою очередь, спровоцировало более активное публичное озвучивание случаев со стороны пострадавших. Во-вторых, люди, подвергаясь репрессиям в профессиональной сфере и не имея реальных механизмов защиты, выбирают различные стратегии дальнейшей жизни, и предание огласке своей ситуации посредством СМИ или обращение в правозащитные организации является не самой распространенной стратегией. Такой шаг в большинстве случаев существенно обостряет ситуацию и нередко ставит крест на возможности легального трудоустройства по специальности, по крайней мере в течение нескольких лет. Его могут позволить себе в основном те, чье имя и так является известным, и факт препятствий в профессиональной деятельности уже не может повредить, а иногда даже наоборот – может в определенном смысле добавить позитивного имиджа и помочь преодолеть поставленные препятствия. Это люди публичных профессий: писатели, артисты, музыканты, журналисты. При этом значительное число людей из иных профессиональных сред, которые сталкиваются с

проблемами, связанными с их политической позицией или общественной деятельностью, рассчитывают на исправление ситуации: ищут другую работу, улаживают отношения с прежним работодателем и т.д., и огласка им не нужна и даже вредна.

Учитывая эти ограничения, мы не можем претендовать на полноту анализа. Тем не менее имеющийся материал способен репрезентировать широту охвата практики преследования по политическим мотивам (территориально, по видам учреждений и предприятий, по должностям и профессиям). Этот материал дает представление о контексте (ситуациях, возможных причинах и поводах) совершаемых действий, что, в свою очередь, позволяет интерпретировать задачи и установки власти для разворачивания данных действий. Кроме того, мы имеем информацию, хоть и частичную, об ответных действиях или реакции тех, кто подвергся увольнениям или угрозам увольнений. В комплексе этот материал, даже с учетом всех ограничений, позволяет, на наш взгляд, выделить специфику пересечения сферы труда и профессиональной деятельности с практикой борьбы с инакомыслием в современной Беларуси и проанализировать ее сходство и отличия от того же пересечения в рамках советского общества.

Дополнительным материалом в ходе исследования послужат законодательные акты, регулирующие сферу труда и занятости, а также аналитические материалы о преобразованиях в сфере социальной защиты.

Формы, методы и последствия преследований в сфере труда и занятости

На основании анализа собранной базы данных о случаях препятствования в осуществлении профессиональной деятельности можно выделить несколько наиболее общих характеристик данного явления.

1. Препятствия в осуществлении профессиональной деятельности, связанные с политическими и идеологическими мотивами, распространены **во всех сферах профессиональной деятельности, охватывают всю территорию страны и присутствуют как в госструктурах, учреждениях и предприятиях государственной формы собственности, так и в частных учреждениях и предприятиях**.

Среди собранных фактов около трети занимают случаи, произошедшие в Минске. Такое непропорциональное распределение по отношению ко всей стране легко объяснимо двумя факторами: а) более насыщенной политической жизнью в столице (а значит, проявлений,

которые подлежат реагированию со стороны власти, гораздо больше); б) большим вниманием к событиям, происходящим в Минске, со стороны СМИ и правозащитных организаций, которые служили источником составления базы данных. Остальные регионы представлены практически равномерно[4]. По обозначенным выше причинам наиболее часто случаи угроз и увольнения встречаются в областных центрах. В то же время в собранных материалах фигурируют такие населенные пункты как Барановичи, Барань, Берёза, Бобруйск, г.п. Большая Берестовица, Борисов, Буда-Кошелёво, Верхнедвинск, Вилейка, Волковыск, Ганцевичи, Горки, г.п. Городея (Несвижский р-н Минской обл.), Городок, Дрогичин, Жлобин, Жодино, Заславль, Калинковичи, Клецк, Кличев, Кобрин, д. Копти (Витебский р-н Витебской обл.), Кричев, Крупки, Лепель, Лунинец, д. Ляцкие (Каменецкий р-н Брестской обл.), Любань, Мозырь, Молодечно, Мосты, Несвиж, Новогрудок, Новолукомль, Новополоцк, д. Овсянка (Горецкий р-н Могилевской обл.), Орша, Осиповичи, г.п. Островец, п. Вежи (Слуцкий р-н Минской обл.), Полоцк, Пружаны, Светлогорск, д. Сергеичи (Кировский р-н Могилевской обл.), Слоним, г.п. Смиловичи (Червенский р-н Минской обл.), Сморгонь, Солигорск, Туров, Чашники, Шклов и др.

Профессиональная принадлежность людей, подвергшихся репрессивным действиям по месту работы, очень разнообразна: деятели культуры и искусства (писатели, музыканты, художники и т.д.); ученые (от докторов наук до аспирантов); преподаватели вузов и школьные учителя; журналисты, редактора газет и ведущие телевизионных передач; работники силовых и правоохранительных структур (милиция, вооруженные силы), а также работники прокуратуры, судов и адвокаты; инженеры; экономисты и бухгалтеры; работники сельского хозяйства и рабочие заводов и предприятий (строители, техники, водители, машинисты, сварщики, слесари, разнорабочие и т.д.); студенты. Кроме того, в отдельную категорию следует выделить предпринимателей, которые столкнулись с давлением и в итоге ликвидацией собственного бизнеса. Каждая из этих категорий представлена не единичными случаями.

Практика увольнений, давления и угроз не ограничивается только государственными предприятиями и учреждениями. Случаи ее применения фиксируются и в открытых и закрытых акционерных обществах,

---

4 Учитывая специфичность базы данных, которая не позволяет давать сколь-нибудь значимых и репрезентативных количественных характеристик, мы воздержимся от вычисления долей и процентов.

совместных предприятиях, а также коммерческих вузах или фирмах. Например, в 2003 году из-за давления со стороны властей и руководства ЕГУ был вынужден уволиться из университета В. Силицкий. М. Груздилович в 2009 году была уволена из филиала британского образовательного центра «SOL Minsk» якобы за оппозиционную пропаганду среди учеников. В 2011 году в Минском институте правоведения были отстранены от работы сразу два преподавателя – активных общественных деятеля: Н. Василевич и А. Завадский. По словам коллег, на администрацию института оказывалось давление со стороны КГБ.

2. **Особые всплески активности репрессивных мер сопряжены с политическими кампаниями или событиями**. Каждая избирательная кампания – от выборов президента до парламентских выборов или даже выборов в местные советы – сопровождается волной угроз и увольнений. Давлению и увольнениям подвергаются члены избирательных штабов и доверенные лица, а также сами кандидаты в депутаты парламента и советов разного уровня. В 2006 году за активное участие в предвыборных кампаниях оппозиционных кандидатов на пост президента были уволены О. Дьячков (Могилев), В. Каратышев (Лунинец), В. Войтюк (Волковыск), С. Липяк (Верхнедвинск), В. Салей (Мосты), А. Юрков (Горки) и др. В 2008 году выдвигавшиеся в Палату представителей от своих округов И. Добротвор, К. Жуковский, В. Подчиненков, Т. Кабанчук и др. лишились своих рабочих мест.

В качестве профилактических мер перед избирательными кампаниями активно практикуется давление на работников, которые *являются членами политических партий или оппозиционных общественных инициатив и объединений* (вне зависимости от степени активности участия в данной кампании). Традиционным в этой ситуации является предложение «выйти из партии». В качестве характерного можно привести следующий случай. В середине января 2010 года руководительница управления образования Миноблисполкома вызвала шестерых учителей из разных школ Минской области, являвшихся членами оппозиционных партий, и поставила перед ними ультиматум: они либо пишут заявления о выходе из партий – либо пишут заявления об увольнении с работы «по собственному желанию»[5]. По словам учи-

[5] Заява Партыі БНФ у абарону настаўнікаў [Электронный ресурс] // Режим доступа: / http://zabarona-na-prf.livejournal.com/5867.html; Пракуратура растлумачыла Данілевіч, чаму нельга чапаць настаўнікаў // Праваабарончы цэнтр «Вясна» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://spring96.org/be/news/31809/

телей, свое требование чиновница аргументировала следующим образом: если вам платит деньги государство, вы обязаны проводить государственную идеологию. Зная, насколько безынициативны в своих действиях беларусские чиновники, можно предположить, что чиновница из Миноблисполкома не занималась самодеятельностью, а выполняла указание, полученное сверху: провести «зачистку» школ от политически неблагонадежных элементов в преддверии кампании по выборам депутатов в местные Советы. Скорее всего, подобного рода беседы проводились и с «учителями-оппозиционерами» из других регионов Беларуси, однако не все, кто подвергся угрозе увольнения, находят в себе мужество предать это дело широкой огласке (что вполне понятно). Учительница же истории из д. Талька Пуховичского р-на Наталья Ильинич (член Партии БНФ) и учитель физкультуры из Несвижа Алесь Язвинский (член КХП-БНФ) подали жалобы в прокуратуру. Кроме того, очевидно не без их согласия, в защиту преследуемых учителей выступили с публичным заявлением Партия БНФ и правозащитные организации. Пока прокуратура разбиралась с обстоятельствами дела, для некоторых строптивых учителей по месту их работы была создана ситуация моббинга[6].

Наиболее массовая и активная практика репрессий наблюдается *после публичных политических акций.* Традиционно массовые акции протеста или иные политические выступления влекут за собой значительное число задержанных, а также подвергшихся административному аресту. Затем сам факт ареста или отбывания наказания становится основанием для увольнения. Массовая фиксация таких случаев началась с участников палаточного лагеря 2006 года (А. Бильдюк, А. Музыченко и др.), хотя подобная практика реализовывалась и в предшествующие годы (А. Павловский – «строители, просящие милостыню», Могилев, 2002 г.[7]; А. Монич – «Стоп Лукомол», 2004 г.[8]; все участники группы «Палац» (уволены из Белконцерта) – митинг на площади Бангалор,

[6] Моббинг (от английского «*to mob*» – нападать стаей, травить) – это психологическое давление в трудовом коллективе, когда сотрудники ополчаются против одного или нескольких своих членов с целью изгнать.

[7] Обзор-хроника нарушений прав человека в Беларуси в 2002 году. Правозащитный центр «Вясна». Мн., 2003 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://spring96.org/files/book/2002_review_ru.pdf

[8] Обзор-хроника нарушений прав человека в Беларуси в 2004 году. Правозащитный центр «Вясна». Мн., 2005. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://spring96.org/files/book/2004_review_ru.pdf

2004 г.[9]). В таких случаях причины увольнения даже не маскируются. Так, актер Павел Харланчук-Южаков был уволен 28 декабря 2006 года из Национального академического драматического театра со следующей характеристикой: «В марте 2006 года П. Харланчук-Южаков принял участие в акции, направленной против государственной власти в РБ. За свои действия П. Харланчук-Южаков был привлечен правоохранительными органами к административной ответственности. П. Харланчук-Южаков нарушил морально-духовные основы театра, вместо признания допущенной ошибки на собрании труппы вел себя с чрезвычайным вызовом и неэтично, несмотря на многочисленные беседы с ним руководителей театра. Тем самым он противопоставил свои личные убеждения общепринятым нормам соблюдения законности»[10].

Таким образом, очевидна *«профилактическая» и «наказывающая» роль,* которая отводится методам борьбы с инакомыслием через препятствия в профессиональной деятельности.

3. Если основные профилактические и наказывающие практики (привязанные к политическому календарю) распространены среди всех профессий и сфер деятельности, то **для отдельных профессиональных сфер можно выделить особые задачи, которые решаются через увольнение или иные препятствия в осуществлении профессиональной деятельности**.

«Очистка» от идеологически нелояльных граждан сфер деятельности, в которых идет работа со знанием, общественным сознанием, идеями и т.д.

СМИ, образование и наука – сферы, через которые осуществляется интенсивное и массовое воздействие на взгляды, идеи, настроения и мнения людей. Жесткий контроль учебных программ, общее идеологическое руководство телевидения и радиовещания, периодической печати, согласование научных программ с политическими приоритетами не могут полностью исключить распространение «ненужных» взглядов. Идеи, мнения и позиции просачиваются в эти сферы

---

9 Музыканты группы «Палац» 21 июля выступили на оппозиционном митинге на площади «Бангалор» и в этот же день были уволены из «Белконцерта». Правозащитный центр «Вясна». 29/07/2004 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://spring96.org/ru/news/8091

10 Нарушение прав человека в Беларуси в 2006 году: аналитический обзор. – Мн., 2007. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://spring96.org/files/book/2006_review_ru.pdf

через учителей, педагогов, ученых и журналистов. Необходимость их устранения или хотя бы локализации «негативного» воздействия дает дополнительные поводы для пристального внимания к представителям этих профессий.

Так, *учителя и преподаватели* чаще других подвергаются «зачистке» не только в преддверии политических кампаний, но и между ними. Поводы разнообразны: от активной деятельности, сотрудничества или членства педагогов в оппозиционных структурах, проявления ими активности в общественно-политической жизни (В. Мацкевич, О. Манаев, Н. Ильинич, А. Ковальчук, С. Солодкин, Н. Агафонова и др.) до непосредственной «пропаганды» среди учеников (Л. Мухина, Ю. Бачища и др.), а также просто публичных высказываний критических суждений, в том числе относительно образовательного процесса или качества образования. В качестве объяснения причин нередко используются формулировки типа: «совершение аморального поступка, несовместимого с дальнейшим выполнением воспитательных функций педагогического работника».

Практикуются увольнения *ученых и исследователей*, чья работа содержательно не совпадает с политической и идеологической линией. Особенное внимание здесь уделяется социальным и гуманитарным наукам, особенно истории, в которых формируется знание о стране, а также дается оценка и номинация актуальным процессам (А. Киштымов, Т. Протько, Г. Саганович, А. Кравцевич, И. Янушкевич, С. Тарасов и др.). Так, например, И. Янушкевич был вынужден уйти из ряда научных учреждений, в том числе из Комитета по архивам и делопроизводству (теперь – Архивный департамент Министерства юстиции РБ). Руководство последнего отрицательно отнеслось к деятельности ученого по подготовке празднования 200-летия В. Дунина-Марцинкевича: «На изучение Дунина-Марцинкевича в архивной отрасли нет денег...», «Дунин-Марцинкевич столько не написал, сколько вы его исследуете...» и т.д. Иногда под репрессии попадают представители естественных наук, чья деятельность связана с актуальными социальными проблемами, например Чернобыльской катастрофой и ее последствиями (Ю. Бандажевский).

В научной сфере в качестве способов выставления препятствий в профессиональной деятельности используются не только увольнение (через неаттестацию или непродление контракта), но и препятствия в защите кандидатских и докторских диссертаций, во включении в

финансируемые государством программы отдельных тем и проблем, в публикации, в доступе к различным формам необходимой научной коммуникации (конференции, стажировки) (С. Тукало, А. Казакевич и др.). В этой связи следует отметить еще и практику отстранения (попыток отстранения) от должности руководителя учебного заведения тех, кто пытался строить академические и педагогические процессы на «автономных» основаниях (А. Михайлов, Европейский гуманитарный университет; В. Колас, Национальный государственный гуманитарный лицей имени Я. Коласа). Показательно, что деятельность обоих учреждений в Беларуси была прекращена.

Особое внимание уделяется *средствам массовой информации,* где наблюдается тщательное вытеснение из информационного пространства всей нелояльной и критической журналистики:

– закрытие (приостановка деятельности) независимых газет, радиостанций, программ и т.д.: радиостанций «Беларусская молодежная» (1994 г.), «Радыё 101.2 FM» (1996 г.), «Авторадио» (2011 г.); газет «Навіны» (1999 г.), «Пагоня» (2001 г.), «Местное время» (2002 г.), «Товарищ» (2009 г.); журнала «Forum Lambda» (2001 г.) и др. В случае с «Пагоней» главный редактор Н. Маркевич и журналист П. Мажейко были осуждены;

– увольнение (отстранение от должности) редакторов и журналистов из государственных или подконтрольных государству СМИ после появления нежелательных, нелояльных или критических материалов. Так, были отстранены от должности главного редактора А. Старикевич (газета Федерации профсоюзов Беларуси «Беларускі час»), И. Середич («Народная газета»), Н. Демчихин («Гомельские ведомости»), Е. Миронова («Комсомольская правда») и др. В начале 2003 года был прецедент увольнения сразу шести журналистов газеты «Беларускі час». Им было объявлено о сокращении их ставок и увольнении. В газете остались работать только технические сотрудники;

– увольнение отдельных журналистов: Е. Волошина (газета «Звязда»), В. Мацкевича, С. Дорофеева (ток-шоу «Выбор»), Я. Беклемешева («Крок-2)», А. Левчука (газета «Знамя юности»).

Эти действия не лишают редакторов и журналистов возможности работать полностью, но вытесняют их в независимые, а часто и нелегальные СМИ, имеющие значительно меньший охват аудитории, деятельность в которых часто сопряжена с социальной и профессиональ-

ной незащищенностью. По отношению к независимым СМИ, в свою очередь, практикуется *создание препятствий в деятельности* через отказы в аккредитации, обыски редакционных помещений и аресты журналистов с изъятием техники и носителей информации («Наша Ніва», «Еврорадио», «Белсат»); выдворение журналистов из страны, сопряженное с уголовным преследованием или даже лишением гражданства (П. Шеремет, П. Можейко, А. Ступников); задержание и аресты журналистов во время несанкционированных мероприятий, судов и т.д. Наиболее выраженное применение этой практики наблюдалось в 2011 году, когда число журналистов, столкнувшихся с этим явлением, стало исчисляться десятками.

«Борьба» с авторитетами и публичными людьми, проявляющими нелояльность

Особое внимание уделяется задаче деперсонификации страны, которая также осуществляется через создание препятствий в профессиональной деятельности людей, которые обычно становятся «совестью и голосом нации», «лидерами мнений» – деятелей культуры, *интеллектуалов.* Начавшееся в конце 1980-х – начале 1990-х годов национальное возрождение и развитие стало постепенно выдвигать в публичное пространство значимые, авторитетные фигуры. Большинство таких людей по отношению к власти, пришедшей в 1994 году, были настроены критически. Это послужило основанием для разворачивания широкомасштабной практики *ограничения деятелей культуры в творчестве и доступе к широкой публике* (читателям, зрителям, слушателям): исключение книг из школьной программы, негласные «черные списки» представителей творческих профессий для государственных учреждений культуры, радио и телевидения. Целая группа деятелей культуры и искусства, олицетворяющих национальное беларусское возрождение, активно критиковавших власть и поддерживавших оппозиционных политиков, была изолирована от широкой аудитории. Первый пик пришелся на вторую половину 1990-х годов, и это были в основном писатели. Были вынуждены эмигрировать В. Быков, С. Алексиевич, А. Розанов, С. Адамович, В. Некляев (временно). Позже из школьной программы были исключены произведения Р. Бարадулина, Н. Гилевича, Г. Буравкина, С. Законникова, В. Казько, О. Ипатовой[11].

[11] Министерство образования перед составителями учебников поставило задачу

Все они имеют проблемы с изданием собственных произведений, а также организацией встреч с читателями. Появилось негласное распоряжение Министерства образования, согласно которому запрещаются встречи беларусских литераторов в учебных заведениях без разрешения Министерства и проправительственного Союза писателей. Соответственно, всем членам независимого Союза писателей такие встречи не разрешаются.

Следующую волну составили музыканты. Концерт 2004 года на площади Бангалор для всех его участников закончился «черным списком» – негласным запретом на концерты, радиотрансляцию и телевизионный показ (А. Куллинкович («Нейро Дюбель»), А. Камоцкий, А. Помидоров, Д. Войтюшкевич, О. Хоменко («Палац»), Л. Вольский («N.R.M.») и др.). «Черный список» вобрал в себя всех наиболее популярных и влиятельных музыкантов, транслирующих в своем творчестве идеи, неприемлемые для официальной идеологии. Фактически все площадки и каналы трансляции находятся либо в прямом государственном подчинении, либо под его жестким контролем. Это позволяет отменять любые концерты под «благовидными предлогами»: технические неисправности, нераскупленные билеты и т.д. Каждое крупное политическое событие вызывает обновление «черных списков». С конца 2010 года его пополнили группы «Ляпис Трубецкой», «Нака», «Крама» и др.

Ограничения касаются не только писателей и музыкантов, но и других известных деятелей культуры: А. Марочкин (художник), В. Халип (драматург), З. Бондаренко (диктор, народная артистка), Н. Купа-

---

«минимизировать использование произведений оппозиционно настроенных писателей: повсюду, где использование произведений Н. Гилевича, Г. Бородулина, Г. Буравкина и других не вызвано крайней необходимостью характеристики их творчества как представителей литературы второй половины XX века, заменить их произведения на сочинения других писателей и поэтов. Предельно минимизировать содержание монографических тем, посвященных творчеству Н. Гилевича, Г. Бородулина (до 2-3 стихотворений) и других, исключить попадание в учебные программы произведений националистического, политизированного характера. Исключить из списков литературы для изучения и внеклассного чтения произведения С. Алексиевич, С. Законникова, О. Ипатовой, В. Орлова, М. Скоблы, В. Чаропки и других оппозиционно настроенных писателей «средней руки». Исключить из иллюстрированных материалов произведения художника А. Марочкина». См.: Нарушение прав человека в Беларуси в 2007 г.: аналитический обзор. – Мн., 2008. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://spring96.org/files/book/2007_review_ru.pdf

ва (художник), А. Пушкин, Ю. Хащеватский (кинорежиссер-документалист) и др.

«Зачистка» органов управления, силовых и правоохранительных структур

Все, кто имеет непосредственное отношение к исполнению и претворению в жизнь административных и политических решений действующей власти, находятся под наиболее пристальным вниманием.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов, когда в государственном управлении и на ответственных постах еще оставались люди, пришедшие туда ранее и имевшие оппозиционные взгляды по отношению к набирающему силу режиму, наблюдается планомерная работа по *избавлению от нелояльных элементов в органах государственного управления.* Так, в 1999 году был уволен из райисполкома (Большая Берестовица) О. Ромашкевич, член БСДП(Г); А. Ярошук в 2002 году был отправлен в отставку с должности председателя Беларусского профсоюза работников агропромышленного комплекса; Г. Руцкий, член БСДП(Г), в 2001 году был уволен с должности начальника Брестской государственной семейной инспекции. В более поздний период кадры на руководящих государственных постах всех уровней стали проверяться на лояльность еще до приема на работу. В 2002 году прокатилась серия отстранений от должности руководителей ряда крупных концернов Беларуси: «Беллегпром», «Белгоспищепром», «Беллесбумпром», «Белбиофарм»; в этом же году отстранен от должности министр здравоохранения. Причины этих увольнений остаются неясными, но среди версий присутствует и проявление нелояльности к руководству страны. В последующие годы публично высказанная критика или партийная принадлежность также оборачиваются увольнениями: в 2006 году В. Каратышев был уволен с должности директора Дома культуры г. Лунинца в связи с «несовместимостью государственной работы и политической деятельности в качестве руководителя предвыборного штаба А. Милинкевича по Лунинецкому району». В 2009 году П. Беспальчук был уволен с должности ректора БГМУ по причине публичной критики системы распределения выпускников вузов.

4 ноября 2011 года Палатой представителей РБ были приняты поправки в Закон «О государственной службе», которые устанавливают запрет госслужащим на пользование льготами и преимуществами, предоставляемыми иностранными государствами в связи с политиче-

скими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью, а также на получение документов, предоставляющих такие льготы и преимущества. Поправками закрепляется обязанность госслужащих передавать эти документы в кадровую службу госоргана. Несоблюдение этого требования может являться основанием для освобождения госслужащего от занимаемой должности.

Отдельно необходимо упомянуть *наказание руководителей за проявление политической активности своих «подопечных»*. Так, в 2004 году Н. Качуро, заместитель директора по воспитательной работе Барановичского колледжа легкой промышленности, была снята с должности за то, что ячейка БРСМ колледжа в полном составе перешла в оппозиционное молодежное движение «Зубр». В январе 2005 года были уволены Р. Венцель, проректор по воспитательной работе БарГУ, и И. Кицун, заместитель проректора по воспитательной работе того же вуза. Поводом для увольнения стала шутка студентов 5-го курса во время выступления в КВН в БНТУ: студенты разыграли сценку, критикующую главу государства.

Для *правоохранительных органов и силовых ведомств лояльность не ограничивается политическими взглядами, но часто связана с корпоративными интересами.* Оглашение тех или иных сведений (О. Батурин[12]) или причастность к громким делам (М. Козлов [13]) служат основанием не только для увольнения, но и для обвинений и арестов. Особым случаем является *очистка адвокатуры*. Практика увольнения и лишения лицензии по отношению к наиболее активным защитникам политической оппозиции применялась давно (Г. Погоняйло, 1998

---

[12] Старший лейтенант милиции Олег Батурин, который сделал сенсационное заявление о том, что стычки участников «Марша Свободы» 17 октября 1999 года с милицией были заранее спланированы и спровоцированы «лицами в гражданской одежде», которые находились среди участников шествия, был уволен из органов милиции. Официальной причиной увольнения стало непоявление О. Батурина на службе. См.: Агляд-хроніка парушэньняў правоў чалавека ў Беларусі ў 2000 годзе. Праваабарончы цэнтр «Вясна». 2001. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://kamunikat.fontel.net/www/knizki/palityka/chronika/2000/index.htm

[13] Бывший подполковник гродненской милиции Михаил Козлов был обвинен в служебном бездействии в ходе расследования дела Н. Автуховича, обвиняемого в подготовке теракта против высокопоставленных белорусских чиновников. Правозащитники считают, что это обвинение стало итогом попыток М. Козлова доказать невиновность обвиняемых. См.: Мікалаю Аўтуховічу і ягоным саўдзельнікам пагражае сьмяротная кара. Радыё Свабода [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.svaboda.org/content/article/1979844.html

г.; И. Рынкевич, 2007 г.). А после массовых арестов и судов, последовавших после событий 19 декабря 2010 года, прошла широкая волна лишения лицензий адвокатов (Т. Сидоренко, Т. Гораева, В. Толстик, П. Сапелко, Т. Агеева, О. Агеев). Затем переаттестация довершила исключение всех нелояльных, включая проявивших солидарность со своими коллегами (А. Бахтина, Д. Липкина, И. Бурак, А. Пыльченко).

4. Следует отметить **случаи увольнений (или угроз увольнений), связанные с нелояльностью, несогласием или протестами в отношении содержания или условий труда,** самоорганизацией работников, действием независимых профсоюзов или несогласием работников с идеологизацией и политизацией их труда. После краткого периода развития независимого профсоюзного движения Беларусь фактически вернулась к прежней советской системе, когда «официальный» профсоюз прочно связан как с администрацией предприятий, так и с государством и не выступает механизмом защиты прав работников в отношениях с этими субъектами. Тем не менее отдельные работники, а на некоторых предприятиях – ячейки независимых профсоюзов регулярно проявляют реальную профсоюзную активность, вступая в конфликты с руководством предприятий. Такая общественная деятельность (даже не связанная с политическими взглядами) пресекается, и основным способом пресечения выступают увольнения либо угрозы увольнения. Чаще всего в этот разряд попадают представители независимых профсоюзов (С. Вакуленко, профсоюз работников РЭП, Брест, 2002 г.; В. Стуков, председатель первичной ячейки Свободного профсоюза, Полоцк, 2004 г.; массовое давление на членов Беларусского независимого профсоюза «Гродно Азот» и их родственников с требованием выйти из профсоюза, 2010 г.; В. Цурпанов, профсоюз работников РЭП, Могилев, 2011 г., и др.). Встречаются случаи не профсоюзной инициативы, которые также заканчиваются увольнениями (Н. Лущинская, Клецкий механический завод, 2006 г.; Г. Полянин, Барановичский комбинат пищевых продуктов, 2009 г.; О. Дайнеко и В. Васильев, Пружанский молочный комбинат, 2010 г., и др.).

Зафиксированы также случаи увольнения государственных служащих и работников госпредприятий, причиной которых стал **профессионализм, идущий вразрез с необходимым проявлением лояльности**. М. Пастухов во время общественно-политического кризиса осенью 1996 г. остался верен присяге судьи Конституционного суда, отказавшись признавать итоги республиканского референдума,

за что был отстранен от занимаемого поста судьи Конституционного суда. И. Турко в 2003 году был уволен из Государственного академического симфонического оркестра Беларуси за то, что отказался отвечать за идеологическую работу в коллективе. Подполковник милиции М. Козлов в 2008 году во время парламентских выборов заявил о случае фальсификации на избирательном участке, который охранял в период досрочного голосования. В результате административного давления вынужден был уволиться.

5. **Итогом увольнения или иных препятствий в профессиональной деятельности становится не полное лишение человека возможности найти работу (и даже работу по профессии), но вытеснение в маргинальный, социально не защищенный сектор или как минимум ухудшение возможностей профессионального роста и самореализации.** Можно выделить несколько «стандартных» путей дальнейшего трудоустройства. Прежде всего, это поиск работы за рубежом или у зарубежных работодателей. Этот путь характерен прежде всего для творческих профессий, а также ученых, исследователей, преподавателей и журналистов. Он сопровождается полной или частичной эмиграцией. Второй путь – поиск другого рабочего места, чаще всего с менее выгодными условиями (оплатой) труда, необходимостью менять профессию или место жительства. Высококвалифицированные кадры (преподаватели, ученые, управленцы) вынуждены искать работу прежде всего на коммерческих предприятиях, где – зная их историю трудовых отношений – им часто предлагают худшие условия, на которые приходится соглашаться, чтобы в принципе сохранить возможность работы по специальности. В малых городах увольнение по политическим мотивам ставит человека практически на грань выживания. Во-первых, число рабочих мест, особенно для квалифицированных специалистов (учителя, инженеры и т.п.), ограниченно; во-вторых, все работодатели составляют узкий круг, находятся в тесной коммуникации, информация распространяется быстро, не говоря уже о сильной зависимости от местных властей; в-третьих, доля частных предприятий и неформальный сектор невелики. Эти обстоятельства в комплексе практически не оставляют шансов трудоустроиться в своем городе, что заставляет либо переехать, либо пойти по третьему пути. В данном случае это профессионализация в качестве оппозиционного политического или общественного деятеля. Вытеснение из нормаль-

ной профессиональной деятельности и попадание в нишу «оппозиции» нередко приводит людей к потере прежней профессии и освоению роли «вечного борца». В итоге в стране постепенно формируется слой (пусть пока и небольшой) людей, для которых политическое поле остается единственным пространством не только для самореализации, но и трудоустройства.

Вытеснение в маргинальный (неофициальный) сектор занятости или в маргинальное положение по отношению к иным работникам приводит к ряду ощутимых последствий, касающихся профессионального развития и социального статуса таких людей. Во-первых, в маргинальной, неофициальной деятельности нет действующих механизмов оценки квалификации и качества работы (ни рыночных, ни институциональных), что способствует *профессиональной деградации*. Иногда, правда, именно неформальная среда позволяет сформировать особо высокие требования к квалификации, но это единичные случаи, характерные для небольших сообществ (например, сообществ исследователей). Во-вторых, люди, перешедшие в теневую сферу профессиональной деятельности, как правило, полностью *лишены социальных гарантий*: оплаты больничных листов, пенсионного обеспечения и т.п. Это ставит их на грань выживания в период нетрудоспособности. В то же время отсутствие официальной работы и преследования делают их уязвимыми в отношениях с окружающими законопослушными гражданами, на них порой навешивают ярлыки – «пятая колонна», «недоброжелатели» или даже «враги народа» и т.д.

6. **Препятствия в профессиональной деятельности часто имеют не окончательный характер, если работник в последующем проявляет лояльность, прекращает активную деятельность или власть считает более эффективным (менее проблемным) не трогать его.** А. Курейчик, О. Манаев, Е. Крыжановский – случаи, когда препятствия в профессиональной деятельности (увольнение из штата преподавателей учебных заведений, сокращение появлений на экране) были временными.

Следует отметить и единичные случаи, когда независимым профсоюзам и правозащитникам удавалось восстановить работника, апеллируя к трудовому законодательству (Дарья Бахарь, 2010 г.[14], А. Габри-

[14] Перамога ў судзе актывісткі БХД з Наваградка. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://bchd.info/index.php?newsid=2877

эль – в 2009 году был уволен, затем восстановлен, а затем по опротестованию вновь уволен[15]).

7. **Для создания препятствий в профессиональной деятельности используется следующий набор средств:**

Увольнение. В большинстве случаев увольнению предшествует **период давления и угроз**, чтобы человек либо отказался от политической и общественной активности, либо самостоятельно написал заявление об уходе. В арсенале средств давления используются апелляции к как бы общеизвестности последствий, например, участия в оппозиционных акциях и мероприятиях: «Если вы сами не напишете заявление, будет только хуже». При этом довольно часто работодатель не имеет в виду ничего конкретного и рассчитывает на понимание работника и его соответствующую реакцию – «добровольный» уход. Иногда к **организации давления подключается трудовой коллектив** (т.н. моббинг), когда неблагонадежный работник начинает чувствовать себя изгоем или виноватым в том, что его коллеги сталкиваются с проблемами и неприятностями. Основанием для увольнения по инициативе работодателя часто становится **нарушение трудовой дисциплины** – как реальное, так и надуманное.

После 2004 года, когда трудовые отношения на всех предприятиях и учреждениях стали оформляться как **срочные контракты**[16], возможность избавиться от нежелательного работника получила простой и беспроигрышный с юридической точки зрения механизм. «Окончание контракта» стало наиболее частой формулировкой в обозначении разрыва отношений работодателя и работника, проявляющего нелояльность.

Разновидностью увольнения является **отчисление из вуза** или иного профессионального учебного заведения, где фактически повторяются все средства и формы давления и обоснования причин. Для отдельных профессий и занятий, для которых требуется подтверждение

---

[15] Нарастает давление на независимые профсоюзы // Беларусский партизан. 06.06.2010 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.belaruspartisan.org/bp-forte/?page=100&news=63298

[16] Анализ контрактной системы как противоправного механизма борьбы с инакомыслием в научной и педагогической сфере. См.: Граблевский О. Кадровая политика в вузах. Юридический аспект. Сайт «Наше мнение» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://nmnby.eu/news/analytics/4821.html

профессиональной пригодности, практикуется **лишение лицензии** (адвокатура) и **неаттестация** (научные работники и педагоги).

В отношении предпринимателей практикуются **препятствия в ведении бизнеса**: лишение лицензий, непрекращающиеся проверки (налоговая, пожарная и т.д.), парализующие деятельность, отказы в аренде или покупке помещений и т.п.

По отношению к людям творческих профессий используются **«черные списки», или негласные запреты на издание, трансляцию, предоставление помещения для выступлений или творческих встреч**. Большинство средств массовой информации, а также предприятий и учреждений находится в государственной собственности и полностью подконтрольно власти. Частные учреждения, издательства или площадки для концертов и выступлений находятся под не меньшим давлением, чем государственные.

Аналогом «черных списков», но по отношению не к людям, а к определенным темам, становятся приоритеты государственных программ в области исследований. В силу практически полного отсутствия в современной Беларуси легальных альтернативных источников финансирования исследований, помимо подконтрольных государству фондов, невключение определенных тем в приоритеты государственного финансирования исключает возможность работы в этих направлениях.

По отношению к журналистам независимых изданий практикуется сходный по своей сути механизм: им ставятся **физические препятствия в осуществлении журналистской деятельности** (задержание, изымание техники и т.д.).

Крайней формой запрета на профессию становится **уголовное преследование**. Используется в основном в отношении чиновников или работников силовых ведомств. В итоге человек не только оказывается на определенный срок за решеткой, но и после лишается возможности продолжать карьеру и занимать определенные посты и должности. Иногда используется по отношению к предпринимателям, что в корне подрывает их бизнес с экономической точки зрения, создает негативный имидж и уничтожает социальный капитал в данной сфере.

Практикуются (хотя и не часто) ограничения в труде и профессиональной деятельности по отношению к родственникам политически активных людей. После выборов в парламент 2004 года не был продлен контракт не только с активистом Витебской городской организации

БСДП(Г) А. Гаврутиковым, но и с его женой. В январе 2009 года с Е. Дубской не был продлен контракт, согласно которому она занималась воспитанием двоих детей, взятых из приюта, на основании того, что ее родной сын Артем Дубский был осужден по «политическому делу» и осуществляет «антигосударственную деятельность».

Итак, с самого начала становления современного беларусского режима мы наблюдаем в сфере трудовых отношений практику: а) достаточно распространенную, охватывающую все профессиональные области; б) ориентированную на создание трудностей и маргинализацию людей, имеющих оппозиционные политические взгляды и проявляющих общественную и политическую активность, в) нацеленную на создание препятствий для широкого распространения не соответствующих государственной идеологии идей, взглядов и норм поведения, г) опирающуюся в качестве механизмов реализации на широкие возможности влияния на государственные и частные предприятия, на систему всеобщей контрактизации, а также на слабость независимых профсоюзов и отсутствие практики отстаивания прав в трудовых отношениях.

Является ли нынешняя беларусская практика борьбы с инакомыслием прямым продолжением советской практики? Чтобы решить это, нам необходимо кратко обозначить основные характеристики советской практики борьбы с инакомыслием в сфере трудовых отношений.

Советская практика борьбы с инакомыслием в сфере труда и занятости

Сфера труда всегда была неотделима от политической жизни страны и занимала в программе строительства социализма (и коммунизма) центральное место. Советское общество строилось как общество трудящихся, поэтому труд, трудовые отношения были местом политической и идеологической борьбы и строительства. В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа»[17], давшей основные положения и принципы для написания советских конституций, обозначалось, что лица, живущие на нетрудовые доходы или использующие наемный труд, должны быть лишены политических (гражданских) прав. Участие в трудовых отношениях подчинялось не только экономи-

[17] «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», утверждена 18 (31) января 1918 года на объединенном III съезде Советов, вошла в Конституцию РСФСР 1918 года.

ческим или производственным установлениям, но и было элементом выстраивания самого общества – местом и средством формирования нового советского человека.

Особенностью сферы труда советского общества была конфигурация двух аспектов. С одной стороны, труд полагался в качестве обязанности и долга каждого советского человека. 12-я статья Конституции СССР 1936 года[18] гласила: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: „кто не работает, тот не ест“». На основании этой статьи в мае 1961 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «*Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни*»[19]. Он гласил: «Установить, что совершеннолетние, трудоспособные граждане, не желающие выполнять важнейшую конституционную обязанность – честно трудиться по своим способностям, уклоняющиеся от общественно полезного труда, извлекающие нетрудовые доходы от эксплуатации земельных участков, автомашин, жилой площади или совершающие иные антиобщественные поступки, позволяющие им вести паразитический образ жизни, подвергаются по постановлению районного (городского) народного суда выселению в специально отведенные местности на срок от двух до пяти лет с конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путем, и обязательным привлечением к труду по месту поселения». Этим же мерам подвергались «лица, устраивающиеся на работу на предприятия, в государственные и общественные учреждения или состоящие членами колхозов лишь для видимости, которые, пользуясь льготами и преимуществами рабочих, колхозников и служащих, в действительности подрывают дисциплину труда, занимаются частнопредпринимательской деятельностью, живут на средства, добытые нетрудовым путем, или совершают иные антиобщественные поступки, позволяющие им вести паразитический образ жизни». Причем, кроме постановле-

[18] Конституция СССР 1936 года // Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0_1936_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0

[19] Тунеядство // Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Тунеядство

ний суда, основанием для воздействия становились «общественные приговоры, выносимые коллективами трудящихся по предприятиям, цехам, учреждениям, организациям, колхозам и колхозным бригадам».

Этот указ лишь закреплял и легализовал общую идеологическую установку – открытую и бескомпромиссную борьбу со всем, что можно было отнести к тунеядству, иждивенчеству или паразитическому образу жизни, нетрудовым доходам и т.д.[20].

С другой стороны, в трудовых отношениях, и только в них, советский человек, согласно концептуальным положениям социальной теории, на которой строилось советское общество, обретал свою сущность. В этом смысле труд, профессиональная деятельность выступали не только как обязанность, но и как форма социализации. Марксова формула человека как суммы общественных отношений упрощалась и сводила его (человека) к представителю определенного класса или социальной группы. В свою очередь, классы и социальные группы определялись местом в производственных отношениях, а значит – через сферу трудовых отношений. Объективность существования и научное обоснование характеристик классов, социальных групп и слоев приводило к тому, что образ жизни, интересы, мотивы, а также образ мысли любого представителя советского общества был заранее определен и нормирован. Причем это нормирование было не общественной конвенцией, а носило характер научной объективности. Нормы и стандарты, задаваемые местом в трудовых (профессиональных) отношениях, фактически

---

[20] В 1917 году в статье «Как организовать соревнование» В.И. Ленин рассуждал о необходимости выработать многообразные средства борьбы с жуликами и тунеядцами. «Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунами, мелкими ячейками в деревне и в городе. Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: очистки земли российской от всяких вредных насекомых, от блох – жуликов, от клопов – богатых и прочее и прочее. В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы… В другом – поставят их чистить сортиры. В третьем – снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ до их исправления надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом – расстреляют на месте одного из десяти виновных в тунеядстве. В пятом – придумают комбинации разных средств и путем, например, условного освобождения добьются быстрого исправления исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов. Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает – ибо только практика может выработать – наилучшие приемы и средства борьбы». – В. И. Ленин, ПСС, т. 35, стр. 204.

исчерпывали человеческую индивидуальность. Они включали в себя не только сугубо профессиональные обязанности, но и определенные политические взгляды, установки, формы поведения и на работе, и в быту. В рамках таких предустановлений о сути и природе человека и индивидуальности отклонение от соответствующего классу или слою образа мысли и жизни было ошибкой, девиацией, требующей исправления, воспитания, развития. Ограничения в доступе к определенным профессиям или получению постов и должностей для отдельных людей или даже целых групп обосновывалось их несоответствием необходимым (объективно обоснованным) характеристикам. Апелляция к научности марксистско-ленинского учения о классах и общественном устройстве не просто позволяла использовать такую практику в политических целях борьбы с оппонентами и антисоветчиками, но и обеспечивала общественную поддержку. Массированная трансляция средствами образования, искусства, медиа, а также идеологическая и политическая накачка нормированных образов «советского инженера», «советского врача», «труженика села» и т.д. создавала установку на полное подчинение проявлений индивидуальности производственно-классовой позиции.

В отсутствие сферы политики трудовые отношения вбирали в себя всё содержание гражданской позиции и поведения человека.

Механизмом реализации таких функций трудовой деятельности являлась полная монополия государства на сферу труда и занятости. Частные предприятия отсутствовали, а кооперативные, коллективные и совместные хозяйства управлялись государством через встроенные партийные структуры и централизованное планирование не только производственных показателей, но и занятости. Общественные организации были огосударствлены. Профессионально реализовать себя и обеспечить средствами к существованию вне государственной системы занятости было невозможно. Частные подсобные хозяйства воспринимались как вспомогательные, но работа в них не могла быть причислена к «общественно-полезному труду», а доходы от частных хозяйств считались нетрудовыми.

Советские профсоюзы, утратив исконную функцию отстаивания прав работников в отношениях с работодателями, стали «приводными ремнями партии», обеспечивая проведение все той же политической и идеологической линии в производственных, трудовых отношениях.

При таком полном включении сферы труда в решение политических и социальных задач социалистического строительства борьба с инакомыслием в рамках этой сферы приобретала специфические черты и особенности.

Поскольку трудовые и профессиональные отношения выступали сферой производства и воспроизводства советского человека, то очевидно и логично, что эта сфера была полностью закрыта для тех, кто проявлял свою антисоветскость. Для такого рода людей увольнения становились обычно первым этапом на пути лишения их гражданских прав – уголовного преследования или иных репрессивных мер. Можно предположить, что введение закона о тунеядстве было восполнением осуждаемой в начале 60-х практики открытых политических репрессий. В результате критикующие советскую идеологию и практику вынуждены были переходить на малооплачиваемые и низкие по социальному статусу профессии – сторожей, дворников и т.п. – и кочевать с места на место, постоянно находясь под угрозой лишения гражданских прав.

Иной род борьбы с инакомыслием – это деиндивидуализация, стандартизация образа жизни и образа мысли, которая реализовывалась именно через доступ к профессиональной деятельности. Партийная принадлежность, активная общественная деятельность и другие формы проявления лояльности и преданности советской идеологии были необходимыми атрибутами для занятия руководящих постов или сколь-нибудь важных должностей. В свою очередь, особенности происхождения, национальная или иная культурная принадлежность являлись преградой в определенных профессиях. Приобретение (имитация) тех или иных социальных, мировоззренческих и образожизненных характеристик (или отказ от них) выполнял социализирующую функцию. Инакомыслие проявлялось не только в выражении каких-то политических взглядов или критике советского строя. Инакость взгляда на сам труд, на профессию, на способ самореализации часто становилась основанием для вытеснения из легальной сферы труда. Нелегальная же занятость сразу становилась объектом действия закона о тунеядстве.

Таким образом, советская практика борьбы с инакомыслием в рамках трудовых отношений и профессиональной деятельности выступала не просто неотъемлемой частью репрессий по отношению к несогласным, но частью строительства социалистического общества.

Через эту практику советское общество «перевоспитывало», «вливало» в свои ряды в соответствии с представлениями о социально-производственной природе советского человека. Именно этот компонент *полностью отсутствует в современной беларусской практике.* Она направлена на вытеснение в маргинальный сектор политических и идеологических оппонентов без какой-либо установки на «социализацию». Если в советской системе сфера труда была одним из основных пространств ведения классовой (политической) борьбы, то в беларусской ситуации все строится по-иному. В идеологии беларусского государства с труда снята роль, которая отводилась ему в советском обществе. Труд не является «долгом», хотя «человек труда» по-прежнему остается позитивной фигурой, мерилом общественной полезности и значимости. Уголовное преследование тунеядства отменено в 1991 году, самозанятость признана в качестве «нормальной» формы занятости, также «нормальным» признано существование безработицы. Стремление власти минимизировать безработицу вызвано иными по сравнению с советским временем мотивами: низкая безработица является показателем эффективности экономики и социальной направленности государства. Введение частной собственности на средства производства фактически демонополизировало сферу труда, по крайней мере юридически.

Итоги десоветизации

То, что мы сегодня наблюдаем в Беларуси, является не продолжением или возвращением к советской практике – это заново создаваемая практика борьбы с инакомыслием, решающая иные задачи в новых условиях. При этом основным материалом осуществления и выстраивания такой практики являются обломки советской системы борьбы с инакомыслием. С распадом Советского Союза (прежде всего – крушением идеологии и ее социально-теоретических оснований) разрушен фундамент существования прежней практики борьбы с инакомыслием через сферу труда. А именно – была разрушена целостность онтологических, нравственных и деятельностных (закрепленных в законодательстве и в практике организации производства) оснований. Профессиональная деятельность и принадлежность к трудовому классу перестали быть единственной формой самоопределения и нормирования образа жизни и мысли человека. В комплексе с демонополизацией го-

сударства в сфере производства и трудовых отношений, появлением негосударственных работодателей и началом рыночных отношений профессиональная деятельность стала формой индивидуального (а не социально-классового) самоопределения человека.

Задачи современной практики борьбы с инакомыслием – маргинализация и вытеснение политических и идеологических оппонентов, а также профилактика их появления. Сегодня сфера труда воспринимается уже не как матрица определения человеческой сущности, а как возможность получить средства к существованию и как сфера индивидуальной самореализации. Ограничивая доступ и к первому, и ко второму, беларусское государство нацелено не на социализацию (воспитание, преобразование), а на ослабление, снижение социального статуса, ограничение возможностей действовать в стране для тех, кто имеет иные политические взгляды или просто нелоялен, проявляет инициативу и способен к самоорганизации.

Становление новой социальной и политической практики широко опирается на рудименты советской системы, которые мы обнаруживаем как в недеконструированных социальных институциях, так и в общественном сознании, моделях образа жизни и поведения. Отметим наиболее значимые формы использования прежних элементов в новых условиях.

1. Восстановление государственных профсоюзов. Хотя функция «приводных ремней партии» профсоюзами утрачена, они, во-первых, используются как административный ресурс для проведения государственных политических кампаний, во-вторых, выступают буфером для реальной самоорганизации и защиты прав работников, в-третьих, воспроизводят практику распределения доступа к ресурсам предприятия или учреждения (специальные поликлиники, детские сады, санатории, летние лагеря и т.д.).

2. Система социальной защиты по-прежнему привязана к государству и рабочим местам. Альтернативные формы накопления средств (например, пенсионных) или оказания услуг хоть и существуют, но воспринимаются как крайне неустойчивые и ненадежные. То же самое относится к иным аспектам социальной защиты. Это воспроизводит страх потерять не просто работу, а работу, легализованную в Беларуси, с официальным доходом, а значит – и с «социальным пакетом».

3. Сохранение контроля государства (режима) практически над всей легальной сферой занятости. Несмотря на то что официально в государственной собственности и управлении находится только 50% предприятий и учреждений, тем не менее реально контроль осуществляется и над частными и акционерными предприятиями: через высокую долю собственности государства в акционерных обществах и наличие государственного инспектора, через назначение руководителей (например, ректоров частных вузов), а также через широкую систему налогового и иного контроля, который опирается на неустойчивое и непрозрачное законодательство в этой сфере.

4. Зависимость судов. Правозащитная практика по отстаиванию прав работника имеет крайне низкую эффективность при существующей ситуации с зависимостью судов. Возможность решить через них вопросы несправедливого увольнения оценивается крайне низко. При слабой известности позитивных примеров правозащитной деятельности в сфере труда и занятости люди практически не видят каких-либо реальных действенных механизмов восстановления своих законных прав. Единственным инструментом является «улаживание вопроса» в индивидуальном порядке.

5. Общественное мнение во многом еще опирается на постоянно воспроизводимые стереотипы, в которых общественная, политическая деятельность, а также творчество, не связанное с какими-либо организациями, воспринимается как «тунеядство» и «нетрудовые» доходы. Создавая дополнительные сложности с официальным оформлением такого рода деятельности, государство поддерживает негативный имидж маргинализированных, вытесненных из официальных структур людей.

Все эти рудименты советского порядка культивируются современной беларусской властью, и из них строится уже иная система и практика борьбы с инакомыслием. Эта новая практика по своей сути ближе к тому явлению, которое вслед за прецедентом 70-х годов в Западной Германии получило название «запрет на профессию». «Berufsverbot» («Beruf» – профессия, «Verbot» – запрет) обозначает практику лишения людей возможности заниматься своей профессиональной деятельностью по основаниям, не связанным непосредственно с выполнением работы (квалификацией, выполнением норм и т.д.). В современном значении это явление стало известно с 1972 года, когда в Западной Герма-

нии в качестве сопротивления росту леворадикальных настроений на федеральном уровне был принят «Закон об экстремизме». Данный закон определял, что граждане, нелояльно относящиеся к существующему конституционному строю, лишаются права состоять на государственной службе. В результате применения этого закона, по данным немецких правозащитников, в Западной Германии лишилось работы около 11 тысяч человек и, по некоторым оценкам, более миллиона прошли через процедуру проверки специальными комиссиями на лояльность. Практически одновременно с началом действия закона, благодаря стараниям западногерманского гражданского общества, «запрет на профессию» стал предметом активных общественных дискуссий. Была развернута кампания, в том числе и на международном уровне, по прекращению действия закона. Благодаря активным действиям гражданского общества к концу 1970-х годов удалось практически остановить увольнения людей по идеологическим мотивам. В большинстве земель Западной Германии «Закон об экстремизме» был ликвидирован, а в землях, где он остался, его применение каждый раз связано с большими скандалами и общественными протестами. С этих пор «Запрет на профессию» как концепт стал развиваться и охватывать широкий круг явлений.

Запрет на профессию, в отличие от советской практики борьбы с инакомыслием, строится как частное, преимущественно не только неправовое, но и незаконное вторжение сферы политики в сферу труда и занятости. Ключевым отличием здесь являются локальность включения (даже при высокой степени распространенности) в противовес тотальности подчинения сферы труда и принципиальная – декларированная и обеспеченная хотя бы частичной легитимацией и институциализацией – независимость сферы труда от политики и идеологии. Сегодня в Беларуси запрет на профессию действует только по отношению к гражданской и политической активности, но практически не касается культурного, мировоззренческого разнообразия.

Проведенный анализ позволяет сделать два вывода о содержании современной практики борьбы с инакомыслием, реализуемой в Беларуси.

1. Запрет на профессию является мягкой формой репрессий в политической борьбе современного беларусского режима со своими оппонентами. Эта мягкая форма эффективно использует возможности маргинализации и ослабления своих политических оппонентов и их поддержки. Создаются «гетто», условия существования которых

достаточно жестко контролируются: независимые профсоюзы, политические партии, деятельность общественных объединений, частных и самоорганизованных инициатив, в том числе частный бизнес, и т.д. Значительная часть деятельной энергии в этих «гетто» направлена на самосохранение. В то же время эта «не до конца уничтоженная» часть общества выступает интеллектуальным, деятельностным и творческим ресурсом, который может быть использован (и иногда используется) государством для решения тех или иных задач. Условия резервации характеризуются достаточно плотным взаимодействием с европейскими институциями, возможностью саморазвития и частичной самореализации. Это создает, с одной стороны, довольно эффективный механизм «снятия внутреннего напряжения». По уровню жизни эта часть общества актуально мало чем отличается от остальных «лояльных» беларусов. А качество жизни – разнообразие, возможности саморазвития – иногда даже шире. Но все эти достоинства, во-первых, крайне неустойчивы и зависят от контролируемых государством условий, а во-вторых, не обеспечивают никакой социальной и материальной защиты в случае болезни, потери трудоспособности и т.д. С другой стороны, это усиливает социальную изоляцию этой группы, «отрыв от народа». Идентификация и включенность в европейские контакты, освоение норм и стандартов профессиональной и карьерной траектории делает их частью скорее европейского, чем беларусского пространства. Это работает не только на увеличение потока эмиграции, но и на воспроизводство культурного и социального барьера между «лояльными» и «нелояльными» гражданами страны. Этот барьер – мощное средство против солидарности и гражданской консолидации.

2. Несмотря на распространенность явления «запрета на профессию» и глубокие основания его воспроизводства, оно, в отличие от советского аналога, лежит в сфере правозащитной практики и культурной политики. Беларусское общество, политическая и социальная система обладают практически всеми необходимыми институциями для борьбы с этим явлением, хоть и крайне слабо развитыми, а иногда лишь номинально продекларированными. Профессиональные союзы, правозащитное сообщество, имеющие прецеденты сопротивления, – это те социальные институции, которые позволяют влиять на продвижение к реальному отделению сферы занятости и труда от политики и идеологии.

Праздник по-советски: официальная праздничная культура в Беларуси

Юлия ГАЛИНОВСКАЯ,
Агентство гуманитарных технологий

«В Утопию нельзя попасть реально, ее можно только придумать. Когда вы приезжаете в Беларусь, вы в знаках и символах видите то, что жители этой страны про себя и свою страну придумали, миф страны. Вы путешествуете в миф».

Владимир МАЦКЕВИЧ,
«Наивное путешествие в Беларусь»

В качестве эпиграфа был взят отрывок из статьи беларусского методолога Владимира Мацкевича[1] – этот текст о рассогласовании в знаках и символах беларусского культурного пространства во многом выступает отправной точкой данного исследования. Обращение к знаковому и символическому пространству современной беларусской идентичности, а конкретно к тому, как это проявляется в праздниках и праздничной культуре Беларуси периода независимости, – есть попытка разобраться в том, что за миф придумали беларусы про себя и свою страну. Как этот миф был придуман, с помощью каких механизмов введен в культуру, чем обеспечена его трансляция?

Данное исследование посвящено анализу этих вопросов с учетом до сих пор актуальной для Беларуси задачи десоветизации как необходимости осмысленной деконструкции советского наследия. Законодательные акты, устанавливающие календарь официальных праздников, а также программы и сценарии массовых мероприятий, проводимых на разных уровнях (национальном, городском, районном, областном), и журналистские статьи в электронных СМИ по теме прошедших праздников были проанализированы нами в поисках ответов на вопросы:

---

1 Мацкевич В. Наивное путешествие в Беларусь [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://worvik.com/thinkbel/put2.htm

– Можно ли проследить какую-то культурно-историческую динамику праздника в переходный период от советского времени к независимой Беларуси?

– Можно ли говорить о контроле и управлении со стороны действующих властных структур над развитием праздничной культуры беларусов? Или же существующие тренды, тенденции являются естественным следствием процессов, успешно запущенных в предшествующий исторический период (период СССР)?

– Можно ли говорить о воссоздании в современной беларусской календарной сетке праздников устойчивой советской модели?

– Какие существуют тенденции развития современной праздничной культуры Беларуси? Можно ли говорить, что массовые праздники и мероприятия в Беларуси продолжают транслировать «лучшие образцы советской праздничной культуры»?

I. Трансформации календаря праздников в Беларуси периода независимости: тенденции, закономерности

Что мы можем увидеть в праздничном календаре? В первую очередь события, которые утверждены как знаковые, важные для истории и развития страны. Можно предположить, что именно в таких событиях мы найдем отражение целевых установок государства, идеологической поддержки существующего общественно-политического строя, ценностных ориентиров общества. Немаловажно и то, в какой событийный ряд помещается та или иная дата, т.е. задаются ли в календаре какие-то тематические циклы, где выделяется доминанта – основной праздник – и ее «окружение»: праздники, работающие на усиление функций доминанты.

Исследователи отмечают, что наделение политической функцией праздника – это давняя традиция: «Массовые праздники и зрелища со времен античности активно использовались структурами власти, при этом смена государственного строя и социокультурной системы однозначно влечет за собой смену праздничного календаря»[2]. В принципе, это не всегда должно выглядеть как установление новых праздников, это может быть и наделение праздника новыми смысловыми оттенками. Для нас сейчас важно зафиксировать, что принцип, по которому фор-

[2] Литвинова М. Массовые праздники и зрелища как культурный феномен / автореферат диссертации / [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/massovye-prazdniki-i-zrelishcha-kak-kulturnyi-fenomen

мируется праздничный календарь, наличие или отсутствие какой-либо классификации или иерархии праздников (государственные, профессиональные, религиозные, выходные/рабочие дни и т.д.), опирается на определенный идеологический событийный ряд. Следуя логике последовательности «смена власти – смена календаря», можно предположить и обратную последовательность: активные изменения календарной сетки праздников свидетельствуют о смене политического вектора в стране – но не только. Семантика новых праздников характеризует, какими именно идеологическими установками, ценностными ориентирами руководствуется действующая власть.

В истории независимости Беларуси можно выделить два периода, когда активно вносились изменения в календарь праздничных дат.

Первый период – 1991-1994 годы, первые годы после обретения независимости. Новый праздничный календарь был установлен Законом Республики Беларусь от 19 декабря 1991 года N 1317-XII. Закон определяет только выходные дни и не затрагивает общенациональные праздники, не являющиеся выходными днями, хотя в постановлении о введении этого закона в действие оговаривается, что Президиуму Верховного Совета поручается разработать список таких дней. Праздничными (нерабочими) днями были названы: 1 января – Новый год, 7 января – православное Рождество, 8 марта – День женщин, по календарю православной и католической конфессий Пасха – день первый и день второй, Радуница, 1 мая – Праздник труда; 9 мая – День Победы; 27 июля – День независимости; 2 ноября – День памяти; 25 декабря – Рождение Христово (католическое Рождество).

На основании этого закона можно говорить о приоритетах правящей политической элиты того периода и выделить следующие тенденции.

Десоветизация: из календаря было исключено большинство советских праздников, у оставшихся изменены названия. Таким образом, в новом календаре независимой Беларуси остались следующие праздники «советского» типа: День женщин (8 Марта); День труда (1 Мая), День Победы (9 Мая), а также Новый год (1 Января) – несмотря на то, что этот праздник не имеет ярко выраженной идеологической окраски, традиции его установления, а также ритуальная сторона праздника – советские по сути[3].

---

[3] Леонтьева С. Детский новогодний праздник: сценарий и миф [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2003/1/detskiy-novogodniy-prazdnik-scenariy-i-mif

Попытка христианизации: утверждение христианских ценностей как основополагающих и частичное восстановление церковной сетки праздников: Рождество, Пасха (2 выходных дня) католической и православной конфессий, Радуница, День памяти (Дзяды). Кроме того, закон запрещал перенос рабочих дней на воскресенье, называя его «праздничным днем», что не может не связываться с христианской традицией: «Седьмой день недели – воскресенье – как день праздничный не может Правительством Республики Беларусь в порядке замены быть объявлен рабочим днем». В постановлении о введении в действие этого закона о праздниках есть пункт, предусматривающий расширение списка религиозных дат главными праздниками верующих других конфессий. Примечательно, что в Законе нет разделения праздников на государственные и религиозные – т.е. христианские праздники задаются как важные в масштабах страны и государственной политики.

Попытка беларусизации: появление праздников, не только транслирующих иную, антисоветскую норму, но и работающих на появление новой нормы беларусскости. Это даты, связанные с историей беларусской государственности и возрождения: 27 июля – день подписания Декларации о независимости; День памяти жертв сталинизма и политических репрессий (Дзяды) – этот день отмечается как одно из ключевых событий беларусского национально-культурного возрождения (первое массовое шествие на Дзяды прошло в 1988 году).

К сожалению, мы ничего не можем сказать о том, как расширялся список праздников в 1992-1993 годах, поскольку в архиве законодательных актов за этот период нам не удалось найти новую версию закона, как, впрочем, и постановлений о внесении дополнений к закону о праздниках. Можем предположить, что с таким скромным списком праздников беларусы прожили до 1994 года.

Один из основных советских праздников – День Октябрьской революции – снова стал отмечаться в Беларуси на республиканском уровне в 1995 году. Разнообразных праздничных и памятных акций, мероприятий в Беларуси наверняка проводилось гораздо больше – это было время высокой общественной, политической, культурной активности. Возможно, именно потому, что для проведения таких «праздников снизу» не существовало сложных процедур согласования, не было и острой необходимости регулировать эти процессы через изменение официального календаря государственных праздников.

Второй период активных изменений праздничного календаря выделяем **в 1994-1998 годах**, когда можем наблюдать новые тенденции в развитии праздничной культуры беларусов, установление нового идеологического курса развития страны. Пограничным здесь можно назвать 1998 год, поскольку в этом году был издан указ президента, прописывающий основные даты и основные тенденции праздничного календаря, по которому мы сейчас живем[4]. Основные действия по изменению календаря относятся к 1995 и 1996 годам.

Итак, какие тенденции мы можем зафиксировать:

1). Практически полностью меняется календарная сетка государственных праздников. Центральным событием становится победа в Великой Отечественной войне и героический подвиг советского народа. В этом событийном ряду оказывается 2 государственных праздника (День Победы и День независимости) плюс памятная дата 22 июня – День всенародной памяти жертв Великой Отечественной войны. Введение памятной даты 22 июня можно интерпретировать в двух контекстах: первый из них (не очевидный, но вполне реалистичный) – это идеологический ответ на получивший оппозиционную окраску День памяти жертв Чернобыльской АЭС (26 апреля), который вошел в новый календарь скорее потому, что его нельзя было проигнорировать, но по своей семантике и содержанию он транслировал явно отрицательное отношение к советскому периоду, акцентировал внимание на проблемных для правящей элиты вопросах заброшенных территорий чернобыльской зоны. Эта дата была малоперспективна для идеологии нового режима, и нужно было найти в истории иную трагическую дату и повод, соразмерные масштабам страны.

Однако более интересен второй контекст, в котором день 22 июня выполняет важную идеологическую функцию. Во-первых, этот день не просто поддерживает общую тенденцию культа Великой Отечественной войны, а продолжает восходящую линию событий, кульминацией которых становится главный праздник страны – День независимости. Календарная близость дат 22 июня и 3 июля позволяет не только расширить период подготовки основного события, но и разделить акцен-

[4] Указ Президента Республики Беларусь от 26 марта 1998 г. №157 «О государственных праздниках, праздничных днях и памятных датах в Республике Беларусь» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://busel.org/texts/cat4xw/id5twhfei.htm

ты и ритуалы: скорбь и осознание принесенной жертвы – и радость, благодарность потомков за «новый мир», полученную «свободу». Если посмотреть на это как на семиотическую модель, то можно обнаружить сходство с подготовкой к христианскому празднику Пасхи, которому предшествует Страстная неделя. И не только. Польский социолог Казимеж Жигульский отмечал, что самые устойчивые древние праздники у большинства народов были связаны с мифом о насилии, и многие долгое время сопровождались жертвоприношениями: «С праздниками с самого начала связывались насильственные события, которые нарушали установленный мировой порядок и которые во время праздника должны быть искуплены, возмещены и оправданы»[5]. Если посмотреть на современные «культурные» формы таких праздников, то в них акт жертвоприношения заменен символическим ритуалом, совершаемым в память о принесенной когда-то жертве. Новая дата празднования Дня независимости – 3 июля – устанавливается по схожей семиотической модели, где присутствуют акценты: деструкция, нарушение миропорядка, принесенная жертва, восстановление миропорядка.

Наблюдения за тем, как организуются официальные праздники майско-июньского периода, показывают, что и День государственного герба и флага, и День молодежи, который в Беларуси отмечается, по советской традиции, в последнее воскресенье июня (установлен Указом Президента РБ от 23 июня 1995 года N 229 «Об установлении Дня молодежи»[6]), также подчинены кульминационному событию – Дню независимости. Более подробно эти механизмы мы постараемся раскрыть в следующих частях статьи. Сейчас же нам важно только зафиксировать такую характеристику нового календаря как наличие определенных циклов, семиотических цепочек, в которых праздники «завязаны» друг на друга и подчинены одному мифу.

2). Ресоветизация: восстанавливается сетка основных идеологических советских праздников и переосмысливается их место и роль в

[5] Жигульский З. Праздник и насилие // Жигульский К. Праздник и культура. Пер. с польск. – М.: Прогресс, 1985, с. 93-100. [Интернет-ресурс] // Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/f/Festival.html

[6] Указ Президента Республики Беларусь от 26 марта 1998 г. №157 «О государственных праздниках, праздничных днях и памятных датах в Республике Беларусь» [Интернет-ресурс] // Режим доступа: http://busel.org/texts/cat4xw/id5twhfei.htm

истории страны. Так, для **7 Ноября** (День Октябрьской революции) придумывается миф об обретении Беларусью государственности и возможностей развития нации: «Благодаря Октябрьской революции белорусский народ обрел государственность, создал экономический и интеллектуальный потенциал, сберег и обогатил национальную культуру» – это цитата из официального пресс-релиза по случаю праздника в 2011 году[7]. **23 Февраля** – не только восстанавливает гендерный баланс (по отношению к празднику 8 Марта), но в первую очередь поддерживает воспитанное десятилетиями советское милитаристское сознание с его образами «врага», «возможной угрозы», «военной мощи страны», «страны, нуждающейся в защите». Приведем некоторые выражения современного дискурса Дня защитников Отечества, транслируемые государственными СМИ в Беларуси: «безграничная любовь к Родине», «верность долгу и присяге», «готовность отдать жизнь служению Родине», «армия – гарант защиты внешних границ государства», «армия должна быть начеку, погашать все происки реакционеров и националистов» (из опроса, проведенного телеканалом СТВ[8]). Наиболее ярким примером, транслирующим советское содержание праздника 23 Февраля, выступают речи президента: «…В наши дни защита Отечества уже перестала быть прерогативой одних лишь военных. Сейчас это дело всех и каждого – офицера, ученого, бизнесмена, рабочего, программиста, агрария. <…> залогом нашего успеха является сплав военной мощи, научного потенциала и высочайшего патриотизма населения»[9]. Примечательно, что об этом президент говорил на празднике 23 Февраля в 2012 году!

3). «БССРизация» – практически все праздники (за исключением Дня Конституции), установленные в первые годы независимости, выступающие символами беларусской государственности, замещаются новыми, в которых историческим контекстом развития страны становится период БССР. Праздники, которые были оставлены в календаре,

---

7 В Республике Беларусь сегодня отмечается праздник – День Октябрьской революции [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/V-Respublike-Belarus-segodnja-otmechaetsja-prazdnik---Den-Oktjabrskoj-revoljutsii_i_580969.html

8 Что значит праздник 23 Февраля для современной Беларуси? / Новости СТВ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.ctv.by/node/50620

9 Лукашенко: Запад готов реализовать в Сирии, Иране и других странах сценарий насильственной смены власти [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/politic/2012/02/23/ic_news_112_387638

теряли свою политическую функцию. Так, День памяти (Дзяды) определяется указом президента исключительно как «религиозный»[10].

В список новых событий, формирующих образ беларусской государственности, вошли:

– **День беларусского герба и флага**: по результатам референдума 1995 года у страны появились новые герб и флаг – символы государственной власти, прототипами которых стали герб и флаг БССР (с небольшими корректировками). Немногим позже гимном независимой Беларуси станет переработанный гимн БССР.

– **День независимости:** по результатам референдума 1996 года празднование Дня независимости с 27 июля – дня принятия Декларации о суверенитете Беларуси – было перенесено на 3 июля, дату, которую условно принято считать днем освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков. Новая дата с ее обоснованием и мифологией более гармонично вписывалась в систему идеологических праздников советского типа: во-первых, расширяла исторический контекст, определяя знаковым событием для независимости страны освобождение Минска, а по сути – победу советского народа в ВОВ. Беларусь, к слову, единственная страна из числа бывших советских республик, которая связала такую важную для государственности дату с периодом ВОВ, что можно воспринимать как символический акт присвоения победы и возложения ответственности на себя за тот мир и уклад, которые были добыты ценой кровавой жертвы. Выбор новой даты праздника был сделан удачно и «экономно»: необходимая для идеологического праздника такого статуса «хрестоматия по гражданственности» из культурного, научного, знакового и другого материала уже существовала благодаря празднованию Дня Победы. Опять же, введение новой даты в праздничную культуру беларусов было обеспечено представлением на разных уровнях мифа о том, что суверенитет страны был получен не случайным образом, а ценой народных страданий и подвига. В этом смысле прежняя дата, 27 июля, не была обеспечена такими культурными механизмами. Для этого необходимо было бы организовать политику памяти таким образом, чтобы

[10] Указ Президента Республики Беларусь от 26 марта 1998 г. №157 «О государственных праздниках, праздничных днях и памятных датах в Республике Беларусь» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://busel.org/texts/cat4xw/id5twhfei.htm

выстроить негативную оценку советского периода: предположим, это могло произойти либо через признание советского периода временем оккупации беларусской территории и культуры, либо через признание соучастия в совершенных советским режимом преступлениях (т.е. через покаяние). Это масштабная задача, которая должна была решаться программно и которая, к сожалению, не была решена к 1994 году.

Воскрешение всего пласта советского нарратива о войне и героическом подвиге советского народа (плавно трансформировавшегося в «подвиг беларусского народа») сопровождалось расставлением акцентов и проводило границы в определениях свой/чужой как на внешне-, так и на внутриполитическом уровне. Используя понятные и вбитые в сознание «партизанской нации» образы «врага», «предателя», новая власть намеренно актуализировала тему коллаборационизма на беларусских землях. В этом контексте прежние символы и символические события Беларуси (бел-чырвона-белы сцяг, национальное движение) обрели негативные характеристики, а вместе с тем однозначные негативные оценки получают и все те, кто разделяет эти ценности, т.е. деятели беларусского культурного возрождения – поэты, писатели, оппозиционные политики и др. Посредством переноса Дня независимости властью в первую очередь решались политические задачи.

4). Актуализируется дискурс интернационализма. В таком контексте вполне осмысленно назначение праздника «День единения народов Беларуси и России» (отмечается 2 апреля). Несмотря на новизну этой даты, семантика праздника восходит к образу «союза нерушимого республик свободных», хотя и в урезанном до двух «республик» варианте. Этот праздник работает на восстановление советской модели интернационализации культуры. В комплексе с ним следует воспринимать и многочисленные фестивали национальных культур, проводимые в нашей стране (как на городском, так и на национальном уровне).

5). Возрождается тенденция установления профессиональных праздников, даты большинства которых апеллируют к советской истории. Отметим при этом, что в других постсоветских странах в календаре также присутствуют профессиональные праздники, однако поводом к их возникновению стали события национальной, а не советской истории. Приведем лишь несколько примеров:

– история *Дня банковского работника в Беларуси* начинается с 3 января 1922 года, когда в Минске начала функционировать Белорус-

ская контора Гознака. Для сравнения: в Армении этот день отмечается в связи с введением национальной валюты вместо дензнаков СССР;

– *День работника прокуратуры в Беларуси* связан с датой 26 июня 1922 года, когда во время третьей сессии ЦИК БССР была учреждена Государственная прокуратура. Украинские коллеги отмечают этот праздник 1 декабря, поскольку в этот день в 1991 году Верховная рада приняла Закон Украины «О прокуратуре», а также ряд других нормативных актов, регламентирующих деятельность этой организации;

– *День работников статистики* в Беларуси указом президента установлен 23 августа, и дата, конечно, была выбрана «не случайно», поскольку в 1920 году в этот день Военно-революционный комитет Беларуси принял решение о создании в советской республике Центрального статистического бюро. За примером другого решения вопроса обратимся снова к Украине, где работники статистики отмечают свой профессиональный праздник 5 декабря, что связано с началом проведения в 2001 году первой Всеукраинской переписи населения.

Возможно, для самих «виновников торжества» эти тонкости и не имеют особого значения, ведь многие профессиональные праздники давно превратились в повод для обычного корпоратива. Однако контекст события, которое стало основанием праздника, актуализируется в поздравительных посланиях президента, горисполкомов, а также в СМИ, которые в отдельных случаях пишут статьи о том или ином профессиональном празднике. А это работает на продление «советского летоисчисления».

6). Христианские праздники выводятся в отдельный «класс» (что как бы «уравнивает» их с другими видами праздников). Для христианских праздников в новом календаре отведена категория «религиозные» и статус «праздничного дня». Это означает, что новый календарь обозначает эти праздники институционально, задавая рамочными условиями их существования государственную политику в религиозной сфере, в отличие от календаря 1991 года, который задавал христианские праздники как ценностный фактор, практически как рамочное условие (как, например, установление воскресенья праздничным днем, на который государство не может посягать). Кроме того, было сокращено количество выходных дней: Пасха – только 1 день, который выпадает на воскресенье, второй день Пасхи – понедельник – является рабочим днем, День памяти перестал быть выходным днем

вообще. Комментарий к Трудовому кодексу позволяет в исключительных случаях переносить рабочий день на воскресенье (решение по переносу принимает президент), не все религиозные дни прописаны в Трудовом кодексе как выходные. В частности, праздник Пасхи не обозначен как «нерабочий день»[11]. А вот комментарий юристов по этому поводу: «Религиозный праздник „Пасха", согласно Указу Президента Республики Беларусь от 26.03.1998 N 157, как по календарю православной, так и по календарю католической конфессии не объявлен нерабочим днем, а день празднования постоянно приходится на воскресенье. Следовательно, для работников, у которых режим рабочего времени определен графиком работы (сменности) и время работы (смены) приходится на воскресенье (праздничный день „Пасха"), оплата работы в указанный день производится в обычном порядке, т.е. как за работу в рабочий день»[12].

7). Праздники «европейского типа»: из несоветских тенденций нового праздничного календаря можно отметить появление таких праздников как Международный день семьи (15 мая), День матери (14 октября), День прав человека (10 декабря). В отличие от перечисленных идеологических праздников, День семьи и День матери можно назвать «человекосоразмерными поводами», которые позволяют уйти от политизации, идеологизации праздника и вести речь о семье, о роли мужчины и женщины в обществе, о человеческих взаимоотношениях. Тем не менее в праздновании этих дней в Беларуси также можно обнаружить «элементы советского»: к примеру, проведение церемонии награждения многодетных матерей орденом Матери, которая переводит отношение к семье, матери практически на уровень отношений, закрепленных Трудовым кодексом РБ. Или же проведение праздничных производственных совещаний по случаю этих праздников. Вот строки из сообщения о том, как отметило этот праздник руководство Высшего хозяйственного суда г. Минска: «По этому поводу в суде проведено праздничное совещание, на котором руководство суда поздравило матерей. В их честь заместителем председателя хозяйственного

[11] Комментарий к Трудовому кодексу РБ. Глава 11. Перерывы в течение рабочего дня. Государственные праздники, праздничные и выходные дни [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://busel.org/texts/cat1el/id5dwzcnd.htm

[12] Как в Беларуси оплачивается работа в праздничные дни [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://m.mojazarplata.by/main/rabota-i-prava/rabota-v-prazdnichnye-dni

суда г. Минска Кулаковским С.Л. были сказаны теплые слова благодарности и надежды, высказаны пожелания добра и счастья, прочитаны стихи»[13]. Примечательно также, что День матери отмечается в день, когда православные верующие празднуют Покров Пресвятой Богородицы, однако сам праздник редко транслирует христианскую норму – публикации в официальных СМИ чаще обращаются к образу «женщины-труженицы», «хранительницы семейного очага, нравственных идеалов общества» и др.[14]

Что касается Дня прав человека, то в Беларуси на уровне официальных СМИ о нем говорят довольно формально, декларируя, что «сегодня вся политика государства направлена на соблюдение основных прав и свобод человека». Представления о правах человека сводятся к социальным аспектам: «возможность молиться в любом храме», «равные права национальных меньшинств», «право на труд»[15].

Описанные тенденции трансформации праздничного календаря Беларуси характеризуют период начиная с 1994 года как время возврата к трансляции советской нормы в культуре праздников – чем-то вроде повторной советизации, которая, в отличие от проходившей в 20-е–30-е годы XX века, случилась гораздо быстрее. Советский календарь вводился в культуру в условиях устойчивых механизмов трансляции дореволюционного календаря, основной составляющей которого были церковные праздники. Календарь праздников, установленных в 1994-1998 годах в независимой Беларуси, вводился в условиях, когда в культуре уже существовали отлаженные механизмы трансляции советского ритуала, советской нормы организации праздника. Попытка запустить процессы беларусизации и христианизации, предпринятая в 1991-1994 годах, оказалась неудачной, возможно, потому, что не со-

[13] День матери [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://court.by/minsk-city/news/b8d065b5b844d8ea.html

[14] День матери сегодня отмечается в Беларуси [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/Den-materi-segodnja-otmechaetsja-v-Belarusi_i_577424.html

[15] 10 декабря в мире отмечают Международный день прав человека [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.ctv.by/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/10-%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B1%D1%80%D1%8F-%D0%B2-%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B5-%D0%BE%D1%82%D0%BC%D0%B5%D1%87%D0%B0%D1%8E%D1%82-%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%8C-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2-%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0

провождалась комплексом всех необходимых мер по деконструкции советского праздничного календаря, «вскрытию» механизмов устойчивости советской праздничной культуры.

Характерно, что как сами праздники нового календаря, так и механизм их установления были по сути своей советскими: в Беларуси в период 1994-1998 годов практически все праздники были «утверждены», а потом технологично введены в праздничный календарь беларусов «сверху». При всем внешнем сходстве с ситуацией 1991 года, когда праздники тоже были приняты законом, имеется два существенных отличия: хотя в законе 1991 года было прописано минимальное количество праздников, была оставлена принципиальная возможность доработки, внесения изменений в календарь праздников с учетом различных групп интересов[16].

II. Типологические черты «советского» в семантике беларусских праздников

В этой части исследования мы попытаемся ответить на вопрос: можно ли констатировать, что официальная праздничная культура современной Беларуси обнаруживает типологическое сходство с культурой празднования во времена СССР? Для этого рассмотрим семантику и особенности сценария официальных праздников. В качестве материала исследования обратимся не только к календарным государственным праздникам, но и к традиции проведения праздников города, городских фестивалей, ритуалов посвящения.

По мнению некоторых современных исследователей, многообразие функций праздника в современной культуре можно свести к основным двум: «праздники приобретают характер дуалистической модели, выступая, с одной стороны, как способ этнокультурной идентификации, с другой – как форма социокультурной манифестации структуры власти»[17]. Рассмотрим более подробно, как это проявляется в преломлении к официальной праздничной культуре в Беларуси.

---

[16] Постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 19 декабря 1991 г. №1318-XII «О введении в действие Закона Республики Беларусь «О праздничных днях в Республике Беларусь» / [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://old.bankzakonov.com/obsch/razdel26/time2/lavz1399.htm

[17] Литвинова, М. Массовые праздники и зрелища как культурный феномен /автореферат диссертации/ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/massovye-prazdniki-i-zrelishcha-kak-kulturnyi-fenomen

Праздник как форма социокультурной манифестации структуры власти

С таких позиций праздник репрезентирует прежде всего основные культурные символы и атрибуты власти и является символической реальностью некоторого установившегося порядка, а в условиях диктатуры власти становится собственностью тех, кто этот порядок установил. Т.е. праздник выступает политическим инструментом, который работает на легитимизацию власти и реализацию ею своего господства. В силу особенности своей пространственно-временной организации, многообразия форм воздействия на участников именно массовый праздник позволяет максимально реализовывать эту функцию. Для достижения ожидаемого результата весь процесс организации и проведения праздника необходимо сделать управляемым, и наиболее удобной формой для этого оказываются «массовые зрелища». Понятие заимствовано нами у исследователя Маргариты Литвиновой, которая настаивает на принципиальном разведении понятий «праздничное действие» и «массовое зрелище» относительно современной праздничной культуры: «Подмена истинного праздничного действия зрелищем парализует активный посыл участников праздника, трансформируя их в пассивных созерцателей. Зрелище – наиболее удобная и активно используемая форма официально-парадных массовых действ, позволяющая эксплицировать через визуальный ряд основные культурные символы и атрибуты власти (силу, мощь, стабильность, агрессию)»[18].

«Массовое зрелище» как общественное ритуальное действие – распространенная форма официально-массовых мероприятий в советские времена. Обратимся к книге немецкого социолога Рольфа, в которой он исследовал традиции установления советских праздников в 20-е–30-е годы XX века[19]. Опираясь на работы Мюррея Эдельмана, автор рассматривает советский массовый праздник как проявление «символьной политики», а «церемониальные инсценировки» – как часть «системы оповещения», в рамках которой группа,

[18] Литвинова М. Массовые праздники и зрелища как культурный феномен / автореферат диссертации / [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/massovye-prazdniki-i-zrelishcha-kak-kulturnyi-fenomen

[19] Рольф М. Советские массовые праздники. Ч.1. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5046

«во-первых, постоянно самоутверждается в своей идентичности и сплоченности с помощью опознавательных знаков, отличающих ее от других, а во-вторых, заявляет о своих властных полномочиях в общении с внешним миром»[20]. В таком понимании массовые праздники превращались в «общественное ритуальное действие, участники которого призваны непосредственно выражать свою причастность к партийно-государственному проекту по переустройству общества и человека»[21]. Участники ритуала, идущие в праздничных колоннах, исполняли предписанную им в общественном ритуале роль – т.е. проигрывали миф о том миропорядке, который идеологически необходим власти.

Такое отношение к празднику предполагало две формы участия: «пассивное созерцание» (зритель) либо «условно активное участие» (проигрывание заранее предписанной роли). За время развития советской праздничной культуры эти две формы настолько «удачно» устоялись, что постепенно праздничная культура стала транслироваться только в ритуалах и отдельно существующих клише праздничных сценариев. Опыт культурных менеджеров советских праздников «успешно» применяется при организации массовых торжеств в современной Беларуси. Возврат к советскому праздничному календарю в Беларуси вернул и принцип наследования единого праздничного стандарта, причем для этого не потребовалось больший усилий – это сработало на уровне сложившегося архетипа. Один из ярких примеров такого доведенного до абсурда действия описан Андреем Егоровым в книге «Игра в города»[22]. Когда в г. Мстиславле впервые проводился фестиваль рыцарской культуры, работники местного Дома культуры предложили включить в программу фестиваля возложение венков к памятнику Неизвестному солдату. Также «стандартным» пунктом в программе празднования для заместителя председателя по идеологии было выступление на открытии фестиваля с отчетом о достижениях района в области экономики, сельского хозяйства и пр.

---

[20] Рольф М. Советские массовые праздники. Ч.1. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5046

[21] Рольф М. Советские массовые праздники. Ч.1. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5046

[22] Егоров А. История взлета и падения Мстиславского феста // Игра в города: по материалам экспедиций в малые города Беларуси. / Сост., научн. ред. Т. Водолажская / – Минск: И.П. Логвинов, 2009.

Наиболее показательно в беларусской официальной праздничной культуре праздник как форма манифестации власти отражен в сценариях Дня Победы и Дня независимости. Обязательной частью сценария этих праздников, проходящих во всех беларусских городах, являются традиционные шествия, военные парады в советском стиле, возложение венков. С недавнего времени было добавлено еще одно ритуальное действие – «споем гимн вместе». Предполагается, что в одно и то же время во всех городах на центральных площадях соберутся граждане Беларуси, чтобы исполнить гимн Беларуси. Сначала это была инициатива телеканала, реализованная в Минске, потом действие разрослось до масштабов страны. В 2012 году коллективное исполнение гимна было обязательным пунктом программы празднования Дня независимости во всех городах. В ряду таких ритуальных действий – и визуальное обозначение своей сопричастности празднику: ношение на груди ленточек (георгиевской и красно-зеленой, символизирующей государственный флаг Беларуси).

Такого рода общественные ритуальные действия работают на то, чтобы вызывать чувство эмоциональной солидарности с широкой группой и ее нормами, воздействуют на тех, кто наблюдает за этим действием с позиции зрителя.

Праздник как механизм обеспечения связи поколений

Для успешной передачи необходимого в рамках идеологических и ценностных установок социального опыта важным элементом становится демонстрация духовной связи поколений. С этой целью в сценариях беларусских официальных праздников акцентируется роль молодежи и детей. В предпраздничный и праздничный периоды официальные СМИ делают материалы на тему молодежных акций и инициатив в подготовке к празднованию, освещают «вахты памяти», где молодое поколение выступает как носитель и продолжатель лучших традиций старшего поколения, инициатор возрождения комсомольских, пионерских и октябрятских традиций. Довольно частой является практика организации накануне важного идеологического праздника детских и молодежных тематических лагерей как на национальном, так и на местном уровне. Например, в конце июня на границе Беларуси, России, Украины организуется молодежный лагерь «Дружба»[23]. При-

[23] Международный молодежный лагерь на границе Беларуси, России и Украины

близительно в это же время (конец июня – начало июля) в Рогачеве проводится детский палаточный лагерь дружбы детей славянских народов Беларуси, России, Украины, Литвы «Крынічка». Оба события проходят накануне Дня независимости, выступая сначала своеобразной подготовительной частью праздника, а потом становясь частью основного праздничного действия. Конечно, формальным поводом проведения таких лагерей является День молодежи, однако, как уже указывалось выше, этот день находится в одной цепочке событий, транслирующих миф о победе в ВОВ как центральном событии в истории беларусской государственности.

В праздничных шествиях и парадах молодые люди, идущие в праздничных колоннах, должны символизировать стабильность и перспективность осуществляемой политики (это уже не старое поколение «советских людей», которых можно упрекнуть в мифологизированности их сознания). Наиболее богатые визуальные образы дают праздники 9 Мая, День независимости и праздник города – особенно в тех случаях, когда праздник города и День независимости отмечаются одновременно (к примеру, в Клецке, Рогачеве, Могилеве, Копыле, Молодечно, Березино, Сенно, Городке). Следует отметить, что основная часть мероприятий официальных массовых праздников проходит с участием молодежи и детей. По сложившейся традиции, концертные программы, показательные выступления и другие части праздничной программы закрепляются за действующими в городе центрами молодежного и детского творчества, спортивными клубами, кружками по интересам и т.д., причем все выступления предварительно проходят согласование в местной администрации. В таком подходе мы также видим трансляцию советской нормы. Автоматически в программу празднования попадают и встречи с ветеранами (в некоторых случаях это касается и празднования Дня города, когда он совпадает с датой его освобождения от немецко-фашистских захватчиков), акции БРСМ, в параде или шествии принимают участие октябрята и пионеры в форме. В наследство от советских времен в сценарии беларусских праздников включены и такие ритуалы как «вахта памяти» (чаще проходит накануне официального праздника, но есть случаи, когда она начинает-

---

пройдет 27-30 июня [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/Mezhdunarodnyj-molodezhnyj-lager-na-granitse-Belarusi-Rossii-i-Ukrainy-projdet-27-30-ijunja_i_600069.html

ся в сентябре и длится на протяжении учебного года – к примеру, Могилев), «неделя памяти героев», в которой обязаны участвовать все городские школы и гимназии. Декларируется, что в вахтах памяти участвуют лучшие ученики и студенты училищ. В городах часто публично проходит торжественное открытие таких акций[24].

Понимание праздника как транслятора ценностных установок отражено и во всех обрядах инициаций, взятых из советской праздничной культуры и организуемых как публичное действие. Например, торжественный обряд получения паспорта гражданина РБ в День Конституции (акция «Мы – граждане Беларуси», которую курирует БРСМ); обряд вступления в октябрята, пионерскую организацию, БРСМ. Последние обычно приурочены к праздникам 9 Мая, Дню государственных символов – беларусского герба и флага, есть также случаи полного совпадения с советским сценарием подобных праздников, когда событие организуется в преддверии 22 апреля – дня рождения Ленина.

Праздник как форма общественной рефлексии актуального состояния страны

Такая праздничная «рефлексия» технологично организована и управляема, причем и форма и результаты ее довольно четко заданы. Пласт «отчетности за прожитый период» – важная составляющая сценария советского праздника, в праздничной культуре Беларуси также ставшая обязательной частью практически каждого мероприятия, проводимого на официальном уровне. Образ процветающей страны, региона, города подкрепляется разного рода публичными церемониями награждения «за достижения в области…».

Праздник как форма трансляции образа сильной здоровой нации

Наиболее ярко эта тенденция видна в организации праздничного парада и шествия в День независимости, в который все чаще можно увидеть, как шествие спортсменов и молодежи выстраивается по образцу советских прототипов. Самый наглядный пример последних лет – «живая ваза», о которой официальные СМИ восхищенно со-

[24] Торжественное открытие Вахты памяти прошло сегодня на Советской площади Могилева [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://region.mogilev.by/ru/node/11251

общали: «После длительного перерыва (знаменитая «живая ваза» до этого последний раз была показана в 1987 году) в 2007-м в Минске в День независимости студенты Белорусского университета физической культуры выстроили 8-метровую 5-этажную «вазу». Так возродилась красивая и волнующая традиция. «Живую вазу» в Беларуси видели во всех областных центрах, кроме Витебска»[25]. Массовые акции «пропаганды здорового образа жизни» включены в программу практически всех массовых мероприятий. Довольно часто к участию в массовых пробегах, легкоатлетических эстафетах привлекаются трудовые коллективы города и района. Об идеологическом характере таких мероприятий свидетельствует и практически обязательное наличие лозунгов: пробег «За независимую Беларусь» или «эстафета памяти», приуроченная к празднованию Дня Победы.

«Праздник для всех»: интернационализация праздничной культуры

Если обратиться к комплексу текстов о советских праздниках, написанных в советские времена, практически обязательным в них будет упоминание о таком факторе развития системы праздников и обрядов как «интернационализация всех сфер жизни». К примеру, цитата из типичной для того времени статьи: «...Интернационализация действовала как фактор развития советского образа жизни, формирования духовного облика советских людей, утверждения интернационалистского сознания. <...> В советском обществе процесс интернационализации являлся объективной основой развития, расцвета и сближения наций, создавал широкий простор для расцвета национальных культур, интенсивного духовного обогащения народов СССР»[26]. Интернационализация культуры, направленная на преодоление национальных различий, обнаруживает, как следствие, нивелирование национальных начал в отличие от межкультурной коммуникации, которая акцентирует внимание на национальных особенностях и различиях. В официальной праздничной культуре Беларуси мы наблюдаем возоб-

[25] Ваза, полная ярких эмоций. Георгий Рабиль – о секретах знаменитой гимнастической композиции / «АиФ» в Беларуси / [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.aif.by/ru/social/persone/item/17368-vaza.html

[26] Закович Н.М., Зоц В.А. Праздники и обряды как элемент советской культуры / Вопросы научного атеизма, 1980. Вып. 26. С. 165-177 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://religio.rags.ru/journal/anthology1/a1_27.pdf

новление традиций интернационализма, которые выступают частью целого комплекса культурных механизмов, восстанавливающих советскую культурную традицию.

Эта советская тенденция находит свое проявление как в отдельных фестивалях, акциях, так и в качестве элемента (иногда обязательного) сценария государственных праздников. Конечно, этому способствует и реальная ситуация: Беларусь – многонациональное, многоконфессиональное государство. Однако национальная и конфессиональная ситуация в Беларуси не намного «разнообразнее» ситуации в соседних странах – Польше, Украине, Литве. Поэтому то, что подается как «объективная закономерность», есть намеренно транслируемый образ государства модели «советского союза», где для всех народностей созданы прекрасные условия развития, все живут в дружбе и понимании… Это, конечно, во многом работает на ослабление, размывание националистических тенденций, в некоторых случаях выполняет функцию «глушителя» разгорающихся конфликтов власти с национальными меньшинствами. Интересно отметить, что самый масштабный праздник такого типа – республиканский фестиваль национальных культур – проходит в Гродно, где существует сильная община поляков и неразрешенный конфликт с оппозиционным Союзом поляков. Интернациональный компонент присутствует в программе многих общегородских праздников в областных и районных городах. Кроме того, в каждом из областных центров проходит свой мини-фестиваль национальных культур, где осуществляется отбор делегатов на республиканский фестиваль в Гродно.

Примеры других событий такого типа: фестиваль «Венок дружбы» – проходит в Бобруйске с 2002 года; фестиваль «Зори над Днепром» (Рогачев), в котором участвуют города-побратимы разных стран. Приглашение коллективов из городов-побратимов можно рассматривать как мини-формат межнационального фестиваля. В Рогачеве же проходит и уже упоминавшийся ранее международный палаточный лагерь дружбы детей славянских народов Беларуси, России, Украины, Литвы «Крынічка». Фестиваль славянских культур «Славянское единство» (Гомель) напрямую выстраивает свою традицию от 1969 года – когда состоялась встреча делегаций приграничных областей (Гомельской, Черниговской, Брянской). Правда, на современном этапе в программе фестиваля и его концепции все большая роль

отводится православной культуре и православию как духовной основе славянской дружбы. Тем не менее в программе фестиваля присутствуют «советские» элементы (возложение венков).

Характерной чертой таких интернациональных фестивалей и праздников является отсутствие соревновательного компонента. Обычно цель таких мероприятий обозначается как «не выявить лучших, не ранжировать исполнителей по уровню мастерства, таланта и опыта, а наладить культурные межнациональные связи». Красноречивы и лозунги, под которыми проходят концерты национальных культур: «Беларусь – наш общий дом»; «Мы дружбой неразделимы» и др.

Очень часто «интернациональные» фестивали совмещаются с днем города и проходят в преддверии Дня независимости либо совпадают с ним. Во многом это объясняется экономическими причинами – для городского бюджета было бы накладно проводить несколько масштабных культурных мероприятий на достаточно высоком уровне (учитывая, что такие события как День независимости, 9 Мая должны выделяться на этом фоне разнообразной программой и высоким уровнем выступлений). Совмещение праздников позволяет за счет одного бюджета решать несколько вопросов. Однако именно такой «праздничный компот» из праздников разного порядка располагает к наиболее яркому проявлению всех архетипических моделей советского.

Интересен и тот факт, что в тех городах, где день города, фестиваль соединялись с Днем независимости, в сценариях всех праздников можно обнаружить бóльшую степень типологического сходства с советской моделью, чем в тех случаях, когда эти праздники разводились во времени.

Праздник как форма прославления общественно-трудовой деятельности человека

Именно для советской этнографической науки была характерна «трудовая» теория праздника, рассматривающая в качестве основного и единственного источника праздника и народного праздничного календаря трудовую деятельность человека. В советском праздничном календаре такое понимание было символически закреплено в традициях празднования 1 Мая – Дня солидарности трудящихся, а также в традициях установления и празднования профессиональных праздников. В традиции современной Беларуси эта тенденция получила свое развитие и была дополнена празднованием «Дажынак». Идеология

честного, добросовестного труда на благо Родины, образ народа-труженика, который «неустанно, в кропотливой и напряженной работе создает национальное богатство и утверждает суверенитет страны» (цитата из поздравительной речи президента[27]) находит свое отражение практически во всех современных беларусских официальных праздниках, в сценариях, визуальных образах праздничного оформления города, центральной площади, концертной площадки, а также в праздничных лозунгах. Такое понимание праздника создают шествия трудовых коллективов в рамках праздничного парада, публичное награждение лучших тружеников района, победителей соревнования по благоустройству в рамках праздничной программы[28]. К списку «трудовых праздников» можно отнести и республиканский субботник, по советской традиции организуемый в преддверии дня рождения Ленина. Среди способов трансляции такого понимания праздника – акции «посещение участниками фестивалей предприятий и трудовых коллективов города». В этих действиях нам видится некоторое типологическое сходство с ритуалом возложения венков: если в последнем славится «подвиг прошлого», то в первом – «подвиг настоящего». Труд тут выступает своеобразным символом «мирной жертвы» во имя строительства лучшего будущего. К примеру, в программе фестиваля «Венок дружбы» (Бобруйск) был организован «тур» коллективов-участников с выступлениями в трудовых коллективах предприятий и организаций города[29]. Одним из элементов программы фестиваля рыцарской культуры «Мстиславль-2008» стал выезд рыцарей на поля для встречи с комбайнерами, хлеборобами, занятыми в это время в уборочной кампании.

Таким образом, ознакомление с программами массовых мероприятий в разных городах Беларуси приводит к выводу, что кажущееся многообразие праздников в реальности оказывается лишь массовым тиражированием одного и того же идеологического мифа и типового

[27] Сегодня отмечается День международной солидарности трудящихся [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/Segodnja-otmechaetsja-Den-mezhdunarodnoj-solidarnosti-trudjaschixsja_i_596225.html

[28] Наш главный праздник // Мінская праўда [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.minpraud.by/articles.php?id=11949&current_date=2011-07-05

[29] Бобруйск, 29 июня 2012 года. Городу 625 лет! Наш праздничный фоторепортаж [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://bobruisk.ru/node/32449

сценария как формы его трансляции. Это обеспечивается за счет действия устоявшихся в советской культуре механизмов. Американский социолог Рольф, исследование которого упоминалось ранее, описывает, как нелегко проходило замещение прежних традиций и ритуалов новыми в 20-е–30-е годы в Советском Союзе. Прежде всего потому, что трудно было добиться единого на всю страну понимания того, какими должны быть эти традиции и их содержание, в каких ритуалах, праздничных формах это новое содержание могло бы транслироваться. Сначала массовые праздники предписывалось проводить по образцу тех, которые организовывались в столице. Для эффективности внедрения советского праздничного образца начали писать и издавать методички по проведению массовых праздников, которые задавали общие для всех стандарты[30]. Следующим шагом в технологической цепочке стало появление Комиссий по новым традициям, праздникам и обрядам, которые действовали в каждой республике, а также Всесоюзной центральной праздничной комиссии. Определенный стимул совершенствования советской обрядности должно было задавать Всесоюзное совещание по социалистической обрядности (одно из таких совещаний состоялось в Киеве в октябре 1978 г.), на котором обсуждались теоретические проблемы и практические меры по повышению уровня работы по внедрению и развитию советской обрядности[31].

Все эти действия способствовали появлению такого самостоятельного элемента советского праздника как сценарий. Советский сценарий предполагал предзаданность праздничного действия, задавал шаблонность, стандарт, который работал на устойчивость ритуала. Можно констатировать, что в современной Беларуси особенности праздничной культуры во многом определяются всё теми же стандартами и клише.

И в заключение – несколько размышлений о том, почему же в Беларуси спустя 4 года после обретения независимости стало возможно столь быстрое возрождение советского. Исследование трансформаций праздничного календаря, происходящих в Беларуси начиная с 1994 года, убеждает нас в том, что установление праздничной сет-

[30] Рольф М. Советские массовые праздники. Ч.1. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5046

[31] Закович Н.М., Зоц В.А. Праздники и обряды как элемент советской культуры / Вопросы научного атеизма, 1980. Вып. 26. С. 165-177 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://religio.rags.ru/journal/anthology1/a1_27.pdf

ки советского типа было политтехнологическим действием, направленным на восстановление механизмов, обеспечивающих простое и эффективное идеологическое управление, которое, в свою очередь, работало на легитимизацию новой власти. В советской праздничной культуре уже была проделана работа по стандартизации единой праздничной модели, ритуалы прижились и достаточно устойчиво транслировались – они понятны и просты в реализации. В принципе, не было необходимости в написании специальных методических пособий, рекомендаций, разработке сценария и т.д., чтобы добиться на практике единообразия праздника как в столице, так и в регионах.

Технологичность советских праздников, отшлифованная когда-то для замещения праздников дореволюционного календаря, работала на то, чтобы задавать ритм жизни для всей советской страны. Упрощенные до минимума формы праздничного участия (на уровне выполнения ритуала) способствуют тому, чтобы этот механизм работал как часы. Для использования этого механизма в независимой Беларуси необходимо было восстановить структурную целостность, характерную для советской календарной праздничной сетки, что и было с успехом сделано. На поддержание этой целостности и проявление архетипа советского работают и другие характеристики семиотического пространства Беларуси: сохранение советских названий улиц, памятников Ленину, которые нужны для митингов 7 ноября и 22 апреля, церемоний принятия в «октябрята-пионеры». Многочисленные памятники событиям ВОВ – мемориальные комплексы, могилы с надгробными плитами, которые тоже «учитываются» в качестве памятников, работают на поддержание мифа о жертве, принесенной во искупление и ради восстановления миропорядка, благополучия и стабильности. В ритуале возложения венков, цветов к братским могилам проявляется символическое воплощение готовности беларусов принесения собственной жертвы ради блага родной страны. Примечательно, что на управление всем этим процессом не нужны даже какие-то особые затраты – архетип советского работает таким образом, что ритуал совершается автоматически.

На сегодняшний день можно сказать, что легитимизация новой власти уже состоялась, праздничная сетка советских праздников дополнена новыми беларусскими, которые хотя и вводились на базе существующих советских, подчиняясь поначалу их семантике, постепенно

утвердились как доминирующая по отношению к старым праздникам часть календаря. Сейчас именно новые беларусские праздники образуют праздничные циклы, выступая в них кульминационным моментом. В установлении новых республиканских праздников в Беларуси можно обнаружить тенденцию создания «символических клонов», которая формирует предпосылки для замещения (при необходимости) праздников с устаревшей советской идеологией новыми без разрушения общей праздничной сетки: 7 Ноября – 3 Июля; 1 Мая – «Дожинки». Такие размышления наводят на мысль о том, что в ближайшем будущем для существования и развития официальной праздничной культуры в Беларуси, советской по сути, может не понадобиться поддержка в виде советских знаков и символов. Необходимая часть советской истории уже освоена, она стала неотъемлемой составляющей официальной беларусской праздничной культуры и обеспечена механизмами трансляции и реализации.

С каждым годом возможности проводить политику реставрации «совка» уменьшаются, и одна из причин – изжитость, исчерпанность и устарелость советских идеалов нравственности, патриотизма, советской идеологии, советского типа героя. В поиске нового содержания идеологи правящей власти неизбежно будут обращаться к беларусским темам, сюжетам, историческим контекстам, образам – при этом «ассимилируя» их под прежние задачи. Все те знаки и символы, которые связаны с устаревающими контекстами советской истории (памятники Ленину, улицы с названиями в честь коммунистических праздников, даже 7 Ноября), практически безболезненно для системы могут быть изъяты из культурного пространства. И это ставит нас перед вопросом: насколько современные тенденции – с демонтажем памятников Ленина и заменой их памятниками беларусским националистам – действительно являются десоветизацией? Не исключено, что это может быть естественным процессом отмирания устаревших советских символов, поскольку свою функцию в культурном менеджменте они выполнили.

Если мы посмотрим на сообщения о демонтаже памятников Ленина в городах либо каких-либо их изменениях (уменьшении постамента, перенесении в другое место), то практически во всех случаях это не является отдельным событием городской жизни, а происходит как бы «под шумок», на фоне подготовки к масштабному празднику

национального значения – «Дожинкам», «Дню беларусской письменности», когда каждый из городов использует этот повод как возможность стать более «современным», «молодым», «привлекательным для туристов». Трудно себе представить, чтобы, делая стандартный ремонт в собственной квартире (речь не идет об арт-проектах, стилизациях), владелец стремился сделать ее более старой, ветхой, наоборот – он старается следовать современным тенденциям, моде. Практика подготовки городов к таким событиям как «Дожинки» и «День беларусской письменности» свидетельствует, что трансформации в городе воспринимаются как «праздничный ремонт», в процессе которого убирают из поля зрения старые, эстетически непривлекательные и даже уродливые (как в случае в Глубоком[32]) памятники Ленину. Однако делается это непублично (в большинстве случаев демонтаж проводился ночью), чаще всего в комментариях СМИ чиновники говорят не о демонтаже памятника, а о его реконструкции, временном переносе и т.д.[33][34]Что касается переименований улиц, площадей, то новые названия чаще несут нейтральное содержание, т.е. на смену советским знакам не приходят беларусские, связанные с беларусской национальной историей и культурой. И это несмотря на имеющийся культурный потенциал: к примеру, в Горках местные активисты предлагали центральную площадь (бывшую Ленина) назвать именем Максима Горецкого, однако местные власти отдали предпочтение нейтральному названию – Центральная[35].

Все эти примеры свидетельствуют о том, что эти действия совершаются скорее спонтанно, по случаю и скорее не в рамках десоветизации, а как действия по благоустройству города. Нечто похожее происходит и с праздничной культурой: новые традиции, новые праздники, фестивали, которые проводятся на официальном уровне при непосредственном участии местных властей, чаще всего подстраиваются под старый советский тип массового праздника, отличаясь лишь мас-

[32] У Глыбокім дэмантавалі крываногі помнік Леніну [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.belaruspartisan.org/bel/life/212097/

[33] Памятник Ленину в Горках убирали ночью [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.belaruspartisan.org/life/210899/

[34] У Глыбокім дэмантавалі помнік Леніну [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://glybokae.by/index.php/novosti/19-obshchestvo/486-u-glybokim-demantavali-pomnik-leninu

[35] В Горках хотят переименовать площадь Ленина в площадь Горецкого [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://charter97.org/ru/news/2012/7/30/55958/

штабом. Десоветизация праздничной культуры беларусов реальна и осуществима только при условии, когда разворачивается на программном уровне – параллельно с рядом других процессов (работа с исторической памятью, местной локальной историей, местной культурной традицией, подготовка менеджеров культуры и пр.). При этом актуальная ситуация такова, что при проведении десоветизации необходимо будет подвергнуть пересмотру не только советское прошлое, но и беларусское настоящее.

Советское наследие в беларусской науке

Анатолий ШВЕЦОВ,
кандидат географических наук, АГТ-ЦСИ

Предмет, подходность и рамки исследования

Трудно найти более широкую и многогранную сферу человеческой деятельности, чем наука. Анализировать ее тем более трудно, поскольку делать это приходится изнутри самой науки. Даже философия науки с ее внешним по отношению к науке взглядом не позволяет увидеть ее целиком – только в качестве идеального объекта и без конкретики человеческой и социальной составляющих. Остается искать возможности тех или иных точек зрения на науку, которые позволяют понять ее и происходящие в ней процессы с максимальной полнотой и ясностью. Одной из таких случившихся возможностей представляется задача изучения науки как объекта в рамках исследовательского проекта по десоветизации Беларуси.

Если понимать под десоветизацией преодоление советских норм отношений и деятельности[1] в науке, которая предполагает анализ, критику и оценку этих норм с точки зрения современного понимания актуальности в сфере науки, то основное внимание в таком исследовании должно быть уделено не столько содержательной научной деятельности, сколько организационной, институциональной. Таким образом, в качестве предмета данного исследования выступает зависимость организации деятельности в науке от социально-политических обстоятельств жизни в стране. Анализ литературы по этой тематике позволяет сделать вывод о том, что работа в данном направлении еще только разворачивается, основное внимание уделяется в первую очередь состоянию со-

---

[1] Культурная политика – программа деятельности международного консорциума «Евробеларусь» [Электронный ресурс]// Режим доступа: http://eurobelarus.info/cultural-policy/

держательных аспектов науки, а наилучшим образом пока эти аспекты просматриваются извне[2].

Автор склонен согласиться с мнением известного специалиста в области философии науки В.С. Стёпина, который относит науку к разряду сложных по своей системной организации типов объектов, а именно исторически развивающихся систем. Такая система формирует с течением времени новые уровни своей организации, причем появление каждого такого уровня воздействует на ранее сложившиеся, меняет композицию их элементов и характеристики их прежнего функционирования. Каждый из таких уровней исторического объекта выступает как сложная саморегулирующаяся система, относительно устойчивая фаза его эволюции, а появление новых уровней – как переход из одной самоорганизации в другую. Такой подход к науке позволяет относиться к ней и анализировать ее в контексте особенностей ее социального бытия как части жизни общества, детерминированной на каждом этапе своего развития состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками[3].С этой точки зрения будет правильно относиться к науке в СССР как к определенному явлению своего места и времени и брать его как некоторое системное явление в контексте советской действительности. Соответственно, постсоветская действительность делает актуальным процесс десоветизации и ставит на повестку дня осмысление новой действительности, планирование и организацию деятельности по десоветизации науки.

В самом общем виде, актуальном для всех состояний науки за обозримое время ее истории и для целей данного исследования, структура организованностей науки может быть представлена в следующем виде. В основе ее лежит индивидуальная научная деятельность отдельных ученых, определяемая их личными мотивациями, ценностными установками и др. Поскольку мышление реализуется как коллективный процесс и возникает множество потребностей в организации и поддержании научной коммуникации для разных целей и направленностей, формируются специфические организованности научного сообщества, обеспечиваю-

---

[2] Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. // М.: Политиздат, 1991. – 480 с.

[3] Стёпин В.С. Анализ исторического развития философии науки в СССР // Послесловие к Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. // М.: Политиздат, 1991. – С. 438-439.

щие самоуправление научной сферы и функционирование социального явления. Эти же организованности при необходимости берут на себя функции внешних по отношению к научному сообществу коммуникаций. Все это делает научное сообщество необходимым для ученого, а самого ученого зависимым от организованностей своего сообщества.

Внешние по отношению к науке, научному сообществу акторы могут по-разному, в зависимости от своих целей и обстоятельств, строить с ними свои отношения. Возможны прямые отношения с теми или иными представителями науки, и тогда повышается значение самого ученого, а научное сообщество и его организованности подтверждают и гарантируют его научный статус и квалификацию для внешнего актора (заказчика научной работы). Возможны иные отношения, которые строятся со специально созданными для этого крупными научными структурами или даже со всем научным сообществом. Примером последнего, в частности, можно считать построение отношений с научным сообществом тоталитарных политических режимов, первая и основная цель которых заключалась в установлении тотального контроля над этим сообществом. Организованности научного сообщества, как формальные, так и неформальные, будучи субъектами науки, оказываются и наиболее подходящими инструментами для установления такого рода отношений. Установление системы полного государственного заказа для всей науки в стране через формальные научно-исследовательские структуры выстраивает систему отношений, когда внешний по отношению к научному сообществу актор получает возможность контроля над ним и каждым его членом при помощи, в том числе, организованностей самого научного сообщества, трансформируя их изначальные качества и функции в соответствии с текущими социально-политическими обстоятельствами в стране.

Формирование советской науки и ее особенности

Наука на территории Беларуси формировалась как часть общероссийской науки на основе науки Российской империи. Российские же наука и образование никогда не имели традиции академических свобод, поскольку в России никогда не было цехов и, соответственно, внутрицеховых отношений, в том числе в сфере науки. Российские профессора всегда были государственными служащими в огромной бюрократической государственной машине, во главе которой стоял главный столоначальник – царь. Уже поэтому наука и образование

были готовы принять тоталитарную систему, о которой они не имели представления, но которая, по крайней мере на первых порах, походила на привычную для них авторитарную систему. Следует также учитывать факт малой численности ученых. Во всей России численность научно-педагогических работников в 1913 году составляла 11,6 тыс. человек (в США в 1910году их было почти втрое больше – 33,6 тыс.) В России было 414 химиков (что было почти в 15 раз меньше, чем в США, в 8 раз меньше, чем в Германии и Англии, и в 2,5 раза меньше, чем во Франции). Геолог В.А. Обручев сравнил численность штатов Геологического комитета с ситуацией, при которой Швеция имела бы всего 1 геолога[4]. Таким образом, по крайней мере с точки зрения численности, российские ученые не представляли серьезной опасности для новой власти, тем более что наука не рассматривалась ею в качестве первоочередной области реформирования, в отличие, например, от образования.

Возможно, именно в силу этого, в первые же годы советской власти старые дореволюционные кадры были в основном «выдавлены» из системы высшего образования в исследовательские структуры. Их место заняли наспех подготовленные преподаватели новой генерации, которые больше соответствовали новым идеологическим нормам и требованиям, за которыми в новом государстве был закреплен абсолютный приоритет. Таким образом, был заложен глубокий разрыв между наукой и высшим образованием, который отчетливо заметен до настоящего времени.

Организационная модель советской науки была сформирована в 1917–1930 гг. и была ориентирована на потребности индустриализации. В этот период были сформированы ведомственные сети научных организаций. Прагматические цели научных структур и организация работы в них при этом входили в противоречие с официальными идеологическими установками, имевшими абсолютный приоритет в условиях тоталитарного государства, основанного именно на идеологии, которая, по словам В. Гавела, саму власть делала обезличенной и подчиненной идеологии. При таких обстоятельствах люди, занятые в научной деятельности с ее особой спецификой и организацией, безусловно, не могли не пострадать от деятельности государственной репрессивной системы.

---

[4] Волобуев П.В. Русская наука накануне Октябрьской революции // Вопросы истории естествознания и техники. – 1987. –№3. – С. 15-21.

Противоречие между прагматикой научной деятельности в пользу укрепления Советского Союза и его самодовлеющей идеологией так или иначе должно было разрешиться, и оно разрешилось в соответствии с реалиями своего времени. Уже 15 мая 1930 года появился циркуляр Высшего совета народного хозяйства и Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) об «использовании на производствах специалистов, осужденных за вредительство», подписанный главами этих столь разных руководящих структур советского государства – В.В. Куйбышевым и Г.Г. Ягодой. В частности, в этом документе говорилось: «Использование вредителей следует организовать таким образом, чтобы работа их проходила в помещениях органов ОГПУ». Репрессированные ученые и специалисты были собраны в тюремные научные и конструкторские структуры, получившие, за неимением каких-либо аналогов этого явления в мировой практике, название «шарашки». Поскольку критерием деятельности такого рода закрытых структур была научно-техническая эффективность, то несоответствие содержания и образа мысли и деятельности идеологически должному уже сидящих в тюрьме людей становилось неактуальным. Таким образом, неумолимая логика советского строя сделала тюрьму наиболее адекватным в Советском Союзе местом для научной деятельности. Видимо, именно это имел в виду физик и радиофизик академик А.Л. Минц, когда говорил, что нигде ему так хорошо не работалось, как в такой тюремной структуре. В этих научных заведениях многие советские и иностранные ученые сделали свои открытия, получили выдающиеся научные и технические результаты.

Хотя система «шарашек» была ликвидирована уже в 1953 году, можно с большой долей уверенности говорить о том, что именно «шарашки» являются базовой организационной основой, на которой в дальнейшем строилась советская научная система. В пользу этого говорит большое количество закрытых научно-исследовательских структур в Советском Союзе, которые наследовали это советское ноу-хау разрешения проблемы противоречия государственных идеологических установок и государственной же прагматики научных исследований и разработок. Так, даже в самый разгар гонений на кибернетику продолжались работы по созданию ракетно-космической и другой техники, построенной на кибернетических принципах. Отрицательными результатами этого советского ноу-хау стали изолированность от мировой науки (даже от стран социалистического содружества) и система орга-

низации науки, ориентированная исключительно на государственный заказ в рамках государственных же научных структур. Возможность личной инициативы ученого в постановке тех или иных научных вопросов, в предложении тем для исследований просто не предполагалась. Такая «инициатива» являлась частью функции управления научными структурами и принадлежала, в конечном счете, высшим государственным и партийным органам управления. Существенной характеристикой советской науки была крайняя слабость научного сообщества. Последнее замещалось формальным корпусом членов Академии наук, которые могли высказываться от имени науки, а остальные ученые фактически находились в положении наемных служащих.

Специфика процессов в беларусской науке в советский период

Учитывая специфику социально-политических характеристик и государственного устройства Советского Союза, а также то, что беларусская наука в этих обстоятельствах формировалась практически с самого начала своего существования, априори можно предположить наличие аналогичных процессов, протекавших в беларусской науке. В то же время эти характеристики, определявшие достаточно жесткую вертикальную подчиненность всех структур, контролируемых государством, придавали обстоятельствам и процессам формирования беларусской науки свою региональную специфику в рамках централизованной советской системы. Кроме этого, необходимо отметить ряд дополнительных факторов, нарушавших «нормальный» ход развития указанных процессов. Например, высокая степень «прореживания» национальных научных кадров в результате политических репрессий и замена их специалистами извне, большие потери в результате Второй мировой войны и массированная индустриализации БССР (по решению центрального руководства страны) в послевоенное время придали ситуации в Беларуси некоторые уникальные особенности.

Изначальный научный и образовательный потенциал Беларуси совершенно не соответствовал требованиям советской модернизации страны и нуждался в интенсивном развитии. Уже в апреле 1919 года был восстановлен Горы-Горецкий земледельческий институт (с 1925 года – Белорусская сельскохозяйственная академия) – единственное дореволюционное высшее учебное заведение на современной территории Беларуси. В 1921 году открыт Белорусский государственный универси-

тет и Научно-терминологическая комиссия при Наркомпросе БССР по разработке беларусской научной терминологии. А в начале 1922 года на базе Научно-терминологической комиссии было создано первое многоотраслевое собственно научно-исследовательское учреждение – Институт белорусской культуры (Инбелкульт), которому сразу же были приданы функции государственной структуры с достаточно широкими полномочиями главного научного заведения республики. Поскольку своего кадрового потенциала для обеспечения нужного уровня работы у этих структур не хватало, Центральный исполнительный комитет(ЦИК) и правительство БССР обратились в Совет народных комиссаров(СНК) РСФСР с ходатайством об оказании Беларуси помощи в развитии научных исследований. Правительство РСФСР издало распоряжение, на основании которого работники науки и культуры – уроженцы Беларуси – направлялись на работу в БССР. Переход на пятилетнее планирование и необходимость составления пятилетнего плана потребовали дальнейшего расширения научных исследований, в связи с чем в конце 1928 года решением ЦИК и СНК БССР Инбелкульт был реорганизован в Белорусскую академию наук[5].

Академия наук, как и ее предшественник, несла организационные и контрольные функции в отношении всей беларусской науки и, в свою очередь, отчитывалась перед республиканскими государственными и партийными органами и Академией наук в Москве как перед вышестоящими инстанциями. Так, в 1931 году при СНК БССР была создана комиссия, объектом управления которой была наука. В начале 1932 года Бюро ЦК КП(б)Б заслушало доклад президента АН БССР. А в 1933 году в Москве в Коммунистической академии наук СССР был проведен широкий отчет АН БССР о ее деятельности, прошло обсуждение с московскими учеными перспектив ее дальнейшей работы. При формальном соблюдении традиционной академической формы ротации руководства в Академии наук нет сомнений, что решения по кандидатурам принимались вне академии, широко привлекались на руководящие посты привлеченные кадры. Это касалось даже выборной по уставу должности президента Академии наук. Так, например, в 1938 и 1952 годах избрание на должность президента Академии наук БССР проводилось одновременно с избранием этих кандидатов в действительные члены беларусской академии. (В первом случае кандидат на

[5] Академия наук Белорусской ССР. – Мн.: Главная редакция Большой Советской Энциклопедии, 1979, с. 26.

эту должность только за пять лет до этого окончил аспирантуру при московском институте и работал в нем в должности преподавателя.) Даже введение системы конкурсного замещения должностей не привело к принципиальным изменениям сложившегося порядка вещей, определяемого общеполитическим положением в стране. О масштабах привлечения ученых и специалистов в Беларусь, в том числе по отраслям науки, можно судить по диаграммам (рис.1), составленным на основе анализа карьерных траекторий академиков и членов-корреспондентов Академии наук Белорусской ССР.

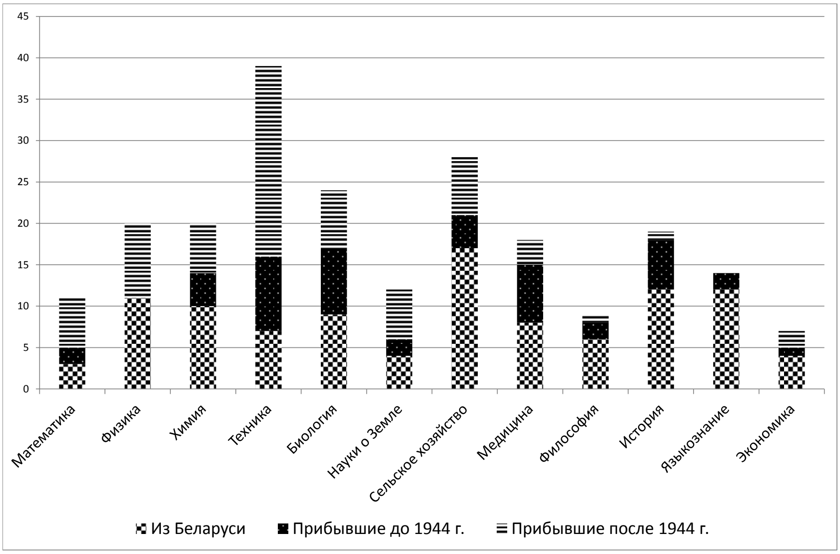

Рис. 1. Распределение академиков и членов-корреспондентов АН БССР по принципу их происхождения (по состоянию на 1979 год). (Составлено по данным издания«Академия наук Белорусской ССР», 1979.)

Потери беларусской науки во время Второй мировой войны можно оценить как катастрофические, что вполне понятно с учетом того, что Минск, в котором были сконцентрированы научные структуры и основной кадровый потенциал, оказался оккупированным на шестой день войны, поэтому организованной эвакуации просто не было. Многие из оставшихся в Беларуси научных сотрудников погибли, следы продолжавших заниматься научной деятельностью во время оккупации в Минске затерялись после войны. Успевшие эвакуироваться

научные сотрудники были рассеяны по всему Советскому Союзу и работали в различных научных и образовательных учреждениях от Москвы до Средней Азии и Сибири. После войны Президиум АН БССР принимал меры по возвращению научных кадров в республику и привлечению на постоянную работу в академию крупных специалистов из других советских республик. Ряд ученых АН СССР были приглашены для руководства разработкой крупных научных проблем, проведения консультаций, подготовки аспирантов и докторантов[6].

В послевоенное время наиболее существенным фактором, оказавшим значительное влияние на беларусскую науку, стала ускоренная индустриализация республики. В рамках ее подготовки в 1953 году АН БССР с инспекционными целями посетила комиссия АН СССР. Она ознакомилась с состоянием материальной базы Академии наук, оснащенностью ее институтов оборудованием и приборами, проанализировала научно-организационную деятельность научных учреждений и АН БССР в целом. По результатам работы комиссии состоялось совместное заседание в Москве Президиума АН СССР и Президиума АН БССР, на котором были подведены итоги деятельности последней, намечены перспективы ее дальнейшего развития. В принятом постановлении особо отмечалась необходимость ускоренного развития исследований в области физико-технических и физико-математических наук, совершенствование структуры АН БССР. ЦК КПБ и Совет Министров БССР, рассмотрев выводы комиссии АН СССР и предложения Президиума АН БССР, приняли решения по устранению несоответствия между бурно развивающимися в республике машиностроительной, металлообрабатывающей и радиотехнической отраслями промышленности и состоянием научных исследований по физико-математическим и техническим наукам[7].

В течение последовавших нескольких лет в составе АН БССР были созданы сразу несколько институтов физического, математического и технического профилей. Их организационное ядро составили прибывшие на работу в Беларусь из Ленинграда и Москвы ученые соответствующего профиля, избранные академиками АН БССР, а также уроженцы Беларуси, окончившие аспирантуру ленинградских и московских институтов. В вузах Беларуси была организована подготов-

[6] Академия наук Белорусской ССР… С. 68.
[7] Там же, С. 79.

ка специалистов по нужным направлениям. В результате за короткий срок произошли значительные изменения в составе сотрудников АН БССР. Так, если до 1952 года в Беларуси не было ни одного доктора физико-математических наук и было менее двух десятков кандидатов физико-математических наук, то в 1965 году только в составе Отделения физико-математических наук АН БССР работало 10 докторов и 68 кандидатов наук. А в 1970 году эти цифры составляли 38 докторов и 330 кандидатов наук[8]. Кадровый состав и динамику его изменения отражают диаграммы (см. рис. 1 и 2), составленные по результатам анализа карьерных траекторий академиков и членов-корреспондентов АН БССР.

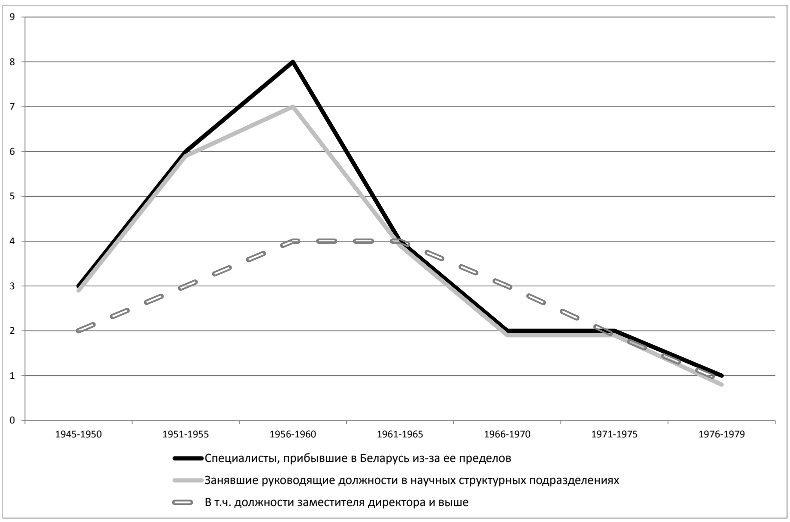

Рис. 2. Внешнее пополнение состава АН БССР за счет специалистов в области физики и техники (по состоянию на 1979 год). (Составлено по данным издания «Академия наук Белорусской ССР», 1979.)

При очевидных положительных результатах в развитии беларусской науки на основе массированной внешней помощи такое положение дел имело и свои отрицательные стороны. Фактически это была деятельность по выстраиванию жестко централизованной всесоюзной системы организации науки, в которой республикам Советского Союза, включая БССР, отводилась роль интеллектуальной и организаци-

[8] Там же, С. 82.

онной периферии, управляемой из всесоюзного центра. Особенно эта тенденция усилилась после объявления науки производительной силой построения коммунизма в соответствии с новой Программой КПСС. Такое положение дел не устраивало в первую очередь республиканское руководство, из-под управления которого не только выводилась целая сфера деятельности, финансируемая из республиканского бюджета, но в значительной степени и сами возможности управления хозяйством республики: необходимые для этого результаты научных исследований уходили во всесоюзный центр и возвращались оттуда уже в виде готовых планов и руководящих указаний. Уже в 1960 году, выступая с отчетным докладом на XXIV съезде Компартии Беларуси, первый секретарь ЦК КПБ К.Т. Мазуров, отмечая значительные достижения ученых АН БССР, указал на необходимость планирования научных исследований с учетом специфики республики и потребностей ее народного хозяйства[9].

Несмотря на это, тенденция к централизации была закреплена в 1963 году совместным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР[10]. Этим постановлением все руководящие и даже управляющие функции в отношении всей советской науки были переданы АН СССР. Ею не только определялись тематика исследований и объемы финансирования каждой научной структуры на всей территории СССР, изучение и обобщение достижений мировой науки, но и согласовывались открытие вакансий и выдвижение кандидатов на звание академиков и членов-корреспондентов республиканских академий наук, на должности директоров научных структур. Присуждение же ученых степеней и ученых званий всегда было прерогативой всесоюзного центра. Организационно эти изменения были оформлены в ходе работы в АН БССР представительной комиссии АН СССР под руководством президента АН СССР М.В. Келдыша в 1964 году. По результатам работы комиссии Президиум АН СССР определил структуру и ведущие направления научных исследований для АН БССР[11].

Применительно к теме данного исследования и в принятых рамках рассмотрения, на основании привлеченного материала можно сделать достаточно обоснованные выводы о том, что в БССР никогда не было

---

[9] Там же, С. 87.

[10] Постановление N436 ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению деятельности Академии наук СССР и академий наук союзных республик» от 11 апреля 1963 г.

[11] Академия наук Белорусской ССР… С. 87-88.

сколько-нибудь подходящих условий для формирования нормального научного сообщества. Но поскольку наука как социальный институт и феномен не может существовать вне какого-то научного сообщества, образующего инфраструктуру ее функционирования в качестве таковой, то сформировался феномен беларусской советской науки, построенный в качестве приложения к жестко централизованной иерархической советской структуре управления наукой с центром принятия решений и планирования в Москве. Его чертами были, например, научно-отраслевая фрагментированность, поскольку каждая из научных отраслей в Беларуси идейно-теоретически и организационно была ориентирована на головные научные организации всесоюзного центра, а общей беларусской науки как таковой не существовало, и ничто не способствовало возникновению интереса к тому, что происходит в смежных науках и в соседних научных учреждениях. Идейная и организационная ориентированность на всесоюзные центры, устанавливаемая административным образом, в том числе через государственный заказ на научные работы для научно-исследовательских институтов, делала беларусскую науку провинциальной, выполнявшей спущенные «сверху» задания и отправлявшую полученные результаты назад для их обобщения и внедрения в практику. Изъятие функции отношения к результатам мировой науки сделало ее зависимой от чужих оценок, что усилило ее зависимость от интеллектуальной метрополии, которой для беларусской науки была не мировая наука, а в сущности периферийная, идеологически зашоренная российская наука.

Такое положение дел не способствовало выработке у беларусских ученых таких качеств как инициативность, умение делать широкие научные обобщения и планировать перспективные научные исследования. Теоретически и организационно ориентированное на внешний авторитет и зависимое от него, беларусское научное сообщество оказалось не в состоянии выполнять функции по рефлексивной самооценке и оценке научного уровня своих представителей. Показателем этого было то, что научный рейтинг ученых в самой Беларуси нуждался в подтверждении представителями иных научных сообществ – внешними всесоюзными авторитетами. Ученые же степени и научные звания всегда присваивались Всесоюзной аттестационной комиссией в Москве. В Беларуси оценка беларусским научным сообществом научного уровня его представителей оказалась подмененной формальным

административным критерием, при котором научный авторитет определялся не реальными научными достижениями ученого, а занимаемой им должностью. Научные степени и звания стали атрибутом той или иной должности, а научная деятельность – формальностью, которую можно было игнорировать.

В таком состоянии беларусская наука встретила распад Советского Союза и определенное изменение общественно-политической ситуации, органичной частью которой она стала за десятилетия функционирования в специфических советских условиях. Изменение ситуации сделало беларусскую науку неадекватной новым условиям, и эта неадекватность определялась глубиной и характером изменения ситуации.

Наука в Республике Беларусь

Насколько радикально изменилась ситуация в Беларуси в послесоветское время? Какова новая беларусская реальность, которой беларусской науке приходится соответствовать? Очевидно, что на эти вопросы нужно получить по возможности полные ответы, чтобы понять, во что именно беларусская наука должна вписаться, какой она в результате этого может и должна стать. К сожалению, пока исчерпывающих ответов на эти вопросы нет, поскольку не существует сколько-нибудь системного понимания и описания сложившейся за два десятка лет социально-политической системы Беларуси. При обилии аналитических работ и описаний частных аспектов политические прогнозы оказываются ошибочными, а происходящие события неожиданными. От этого многие воспринимают время после 1991 года как некоторую однородность затянувшегося на 20 лет «сегодня», порождающего эффект неадекватного восприятия. Возможно, даже сама идея десоветизации является проявлением такого искаженного восприятия времени и определяющих его событий.

Применительно к настоящему исследованию, говоря об изменениях, определенно можно констатировать отсутствие свойственных прежним советским условиям функционирования науки идеологических ограничений и тотального подчинения беларусской науки и ее инфраструктуры внешнему центру управления. В отношении сохранившихся принципиальных черт, схожих с советской действительностью, определенно можно назвать структуру организации науки, работающую под госзаказ и финансируемую преимущественно из

бюджета, фактическое отсутствие научного сообщества и положение ученых в статусе служащих. Этих констатаций очевидно недостаточно для диагностирования ситуации как остаточно советской или принадлежащей к современной реальности, выводов о возможной дальнейшей судьбе беларусской науки и уж тем более для планирования возможных вариантов деятельности по ее трансформированию в нечто, более адекватное требованиям нынешнего времени и мира. Поэтому дальнейшее исследование должно касаться не только науки как таковой, ее организованностей, научного сообщества и ученых, но и их отношения со структурами государства – основного внешнего для науки актора, определяющего условия ее существования в Беларуси.

Наука и государство: внешние рамки жизни науки

После распада Советского Союза и получения Беларусью независимости практически все организационные структуры, прежде – напрямую или через республиканские органы государственного управления – системно завязанные на всесоюзный центр, оказались в положении отдельных периферийных обрубков некогда единого организма, непосредственно практически никак не связанных между собой. В нашем исследовании мы констатируем это в отношении органов государственного управления и научных структур: государственные органы были построены для принятия получаемых из всесоюзного центра указаний и их реализации в рамках своей компетенции на территории республики; в сущности, таковым было и положение научных структур, имевших свою ведомственную подчиненность. Оба рассматриваемых объекта существовали в общесоюзной политической, правовой, финансовой и др. среде, которая для них всегда была некоторой внешней данностью, определяющей их существование. Не будет большим преувеличением сказать, что после распада СССР отношения между структурами науки и госуправления в новом, вдруг случившемся государственном образовании оказались чисто окказиональными. Тем не менее они были, и их рано или поздно нужно было должным образом оформлять.

Изначально было очевидно, что оставшаяся в наследство Беларуси советская наука оказалась неадекватной или как минимум избыточной по отношению к новым условиям. Очевидным было также отсутствие какого-либо опыта и механизмов управления ею у формирующихся беларусских государственных структур. Не было даже понимания, какими должны быть эти механизмы, и высшее беларусское руководство продол-

жало по всем организационным вопросам, касающимся науки, консультироваться с руководством теперь уже Российской академии наук. Ознакомление с опытом Республики Казахстан, в которой Академия наук в рамках реформирования оставшейся от Советского Союза науки была ликвидирована, показал беларусскому руководству, что этот путь приводит к полной и немедленной потере довольно ценного наследия, восстановление которого требует десятилетий. Поэтому Академия наук Беларуси получила права самостоятельной самоуправляемой организации, владевшей всей недвижимостью, оборудованием и прочими активами, остававшимися у нее после распада СССР. Ее отношения с государством регулировались достаточно либеральными по тем временам законами: «Об основах государственной научно-технической политики»[12](1993) и «О научной деятельности»[13](1996).Потенциально в этих условиях у научного сообщества, если бы таковое было в Беларуси и в ее Академии наук, мог быть шанс проявить творческую активность и внести свой существенный вклад в будущее страны. Но этот шанс, если он и был, не был использован, Академия наук Беларуси оказалась несостоятельной в качестве актора общенациональных преобразований и места формирования нормального национального научного сообщества. Место научного сообщества в ней было занято корпусом официальных членов Академии наук: академиков и членов-корреспондентов, прилагавшихся к академии со всем остальным советским наследием, которые в новых условиях видели академию в качестве своей коллективной собственности. Однако отсутствие прежнего гарантированного финансирования из всесоюзного центра радикально изменило ситуацию, в которой руководство Академии наук оказалась несостоятельным и не смогло сохранить ее в качестве самостоятельной жизнеспособной структуры. На переговорах с представителем Совета Министров в 1996 году Академия наук была «сдана» под его управление. После этих изменений даже корпус членов Академии наук фактически утратил возможность реального влияния на судьбу академии и всей беларусской науки, а руководитель

[12] Об основах государственной научно-технической политики //Закон Республики Беларусь. (Принят 19 января 1993 г. N 2105-XII, в ред. Законов Республики Беларусь от 12.11.1997 N 83-З, от 20.07.2006 N 162-З, от 04.05.2010 N 115-З).

[13] О научной деятельности // Закон Республики Беларусь. (Принят 21 октября 1996 г. N 708-XIII., в ред. Законов Республики Беларусь от 17.10.2005 N 46-З, от 08.07.2008 N 367-З, от 04.05.2010 N 115-З).

НАН Беларуси больше не избирался, а назначался на должность председателя Президиума этой организации президентом страны.

Было принято решение придать Академии наук черты и статус государственной структуры в области науки, оформленное законом «О Национальной академии наук Беларуси» 1998 года[14] и более поздними его редакциями. Придание ей статуса «высшей государственной научной организации Республики Беларусь» (ст. 1 указанного закона) и субъекта государственной научно-технической политики (ст. 4, 5, 6), «обязанного принимать к рассмотрению обращения республиканских органов управления» (ст. 6) и имеющего право проведения проверок других научных организаций (ст. 7),сделало ее своеобразным аналогом министерства науки, контролирующим практически всю научную деятельность в Республике Беларусь, включая академическую, вузовскую и отраслевую. Для симметрии и большей интеграции беларусской науки структуры вузовской и отраслевой науки получили право выдвижения кандидатов в действительные члены Академии наук. Формально Национальная академия наук Беларуси и поныне остается научной самоуправляемой структурой, что зафиксировано в ее уставе и законе «О Национальной академии наук», но в действительности она постепенно все больше трансформировалась в еще одну государственную структуру с определенными функциями и внешним стратегическим управлением. Этот тренд в динамике отношений науки и государства представляется главным и определяющим.

Рост влияния государственного управления на науку через «надстроечные» структуры может быть прослежен по последовательности редакций законов «Об основах государственной научно-технической политики»[15] и «О научной деятельности»[16], по аналитическому докладу «О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь (по итогам 2003 года)»[17], подготовленного в 2004 году Го-

---

[14] О Национальной академии наук Беларуси // Закон Республики Беларусь. (Принят 5 мая 1998 г. N 159-З, в ред. Законов Республики Беларусь от 29.11.2003 N 252-З, от 22.11.2005 N 61-З, от 04.05.2010 N 115-З).

[15] О научной деятельности // Закон Республики Беларусь. (Принят 21 октября 1996 г. N 708-XIII., в ред. Законов Республики Беларусь от 17.10.2005 N 46-З, от 08.07.2008 N 367-З, от 04.05.2010 N 115-З).

[16] О научной деятельности // Закон Республики Беларусь. (Принят 21 октября 1996 г. N 708-XIII, в ред. Законов Республики Беларусь от 17.10.2005 N 46-З, от 08.07.2008 N 367-З, от 04.05.2010 N 115-З).

[17] О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь (по итогам

сударственным комитетом по науке и технологиям. Однако наиболее показательными в этом отношении являются варианты Концепции развития науки в Республике Беларусь – документа, целью которого является установление отношений науки и госуправления. (Всего в распоряжении автора имеется четыре варианта Концепции, от первого ее опубликованного проекта 2002года[18] до окончательного варианта 2005 года.) Первые три варианта, датированные с 2002 по 2004 год, готовились в самой Национальной академии наук Беларуси и выражали в основном точку зрения корпуса членов Академии наук (академиков и членов-корреспондентов) и руководства этой главной научной структуры на организацию науки и ее отношения с государством. Главной чертой этих документов, с точки зрения данного исследования, является очевидная несостоятельность их авторов в ответах на основные вопросы, на которые должен был ответить этот документ, – перспективы развития науки в Республике Беларусь и ее отношения с государством. Разработчики избегали конкретики рефлексивной оценки реальной ситуации в условиях Беларуси и ссылались на опыт и ситуации в развитых странах мира с сильной наукой и вековым опытом демократического устройства общественной и государственной жизни во всех сферах. Очевидно, что в конечном счете они стремились создать комплиментарный документ, а не заявленное решение проблем реорганизации науки. Отличаются между собой первые три варианта концепции в основном взглядом на то, как и насколько глубоко возможно и следует инкорпорировать научные структуры в систему структур государственного управления, что означает фактически превращение научно-исследовательских институтов в бюро по выполнению текущих поручений для структур государственного управления национального, областного и даже районного уровней.

Последний вариант Концепции вышел в 2005 году[19]. Он был согласован девятью министерствами и принят Общим собранием НАН Беларуси. Как форма, так и содержание этого документа не оставляют сомнения в том, что подготовлен он был не в Национальной академии

2003 года): Аналитический доклад / Коршунов А.Н., Артюхин М.Н., ЕлсуковВ.П. и др. – Мн.: ГУ «БелИСА», 2004. – 176 с.

[18] Концепция дальнейшего развития науки в Республике Беларусь: Проект //Веды. №11 (1061). 25 мая 2002.

[19] Концепция развития науки в Республике Беларусь на период до 2015 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://nasb.gov.by/docs/konzrazvnauki.pdf

наук, но предназначен для исполнения как государственными, так и научными учреждениями. Авторы этого документа совершенно очевидно не имели реального представления о сути и содержании научной деятельности, занимали узко прагматичную позицию и отводили научным структурам место в системе государственного управления в качестве некоторого хранилища готовых знаний на все случаи жизни для удовлетворения потребностей государственного управления. Организация процесса получения новых знаний этим документом не предполагается. Предельно прагматичный подход к бюджетному финансированию научной деятельности, обозначенный как программно-целевой, предполагает только инициативу государственного заказчика.

Анализ вариантов разработанных за этот период «концепций» развития науки приводит к однозначному выводу, что ни функционеры от науки, ни функционеры от государственного управления реально не были в состоянии решать поставленные задачи. Довольно понятен и ожидаем такой результат для представителей госуправления, которым трудно понять, что наука – это место, где новое знание производят в результате сложной творческой работы, а не сундук с готовыми знаниями на все случаи жизни в некоторой формальной схеме для принятия решений, которой они руководствуются. Что нормальная для структур управления организация не подходит для научной деятельности. Тем не менее, именно они оказались в позиции стороны, определяющей правила игры. Что же касается неудачи попыток функционеров от науки, то, по-видимому, следует признать, что устоявшаяся, в целом еще советская система организации науки с ее выродившимися механизмами формирования руководящей элиты, изнутри не реформируется и, предоставленная самой себе, обречена на постепенную деградацию. В нормальных условиях рефлексивную позицию в аналогичном случае занимает научное сообщество и, кровно заинтересованное в разрешении такого рода проблем, решает их в рабочем порядке по мере возникновения. В Беларуси же его фактически нет, да и никогда не было. Своеобразным итогом описанных попыток адаптации науки к реальным беларусским условиям является признание главой государства существующей модели организации науки неудачной, требующей принципиального изменения[20].

[20] Лукашенко – ученым: Когда вы начнете работать на государство? [Электронный ресурс] // Режим доступа:http://news.tut.by/it/260374.html

Внутренние трансформации в беларусской науке

Как социально-политические и организационные изменения отразились на самой науке, повлияли на деятельность научно-исследовательских институтов? Чем они стали для ученых и научных коллективов этих структур? Обычно достаточно далекие от вопросов, обсуждаемых выше, сосредоточенные преимущественно на своих научных исследованиях, беларусские ученые ощущают такого рода изменения через смену научной тематики, улучшение или ухудшение доступа к финансированию и др. С одной стороны, это самое точное и конкретное, «включенное» ощущение происходящих изменений, касающееся содержательных вопросов функционирования науки. С другой стороны, этого очевидно недостаточно в качестве оценки происходящих в науке процессов для данного исследования. Как и для ответа на вопрос, почему проведенные организационные изменения привели к отрицательному результату и окончательно признаны неудачными. А не ответив на этот вопрос, невозможно перейти к поиску путей улучшения состояния науки[21]. Для ответов на эти вопросы нужно получить представление о том, в каком положении находятся ученые – реальные производители нового научного знания, каковы их возможности функционирования в качестве членов научного сообщества, каково их положение в формальных научно-исследовательских структурах. Некоторое представление об этом можно получить из документов, определяющих сложившуюся ситуацию, и анализа выхода работ научно-исследовательских структур и работающих в них сотрудников.

Анализ всего комплекса беларусских законодательных актов, касающихся науки, показал, что понятие «научное сообщество» упоминается в них всего один раз – в законе «О научной деятельности»[22]. Там оно упоминается в ст. 12 в связи с оценкой квалификации научных работников – фундаментальной функции научного сообщества, которую по определению может осуществлять только оно и больше никто, на реализации которой, собственно, и возникло само научное сообщество. Не упомянуть в этом контексте научное сообщество было просто невоз-

---

[21] Поскольку в государственных структурах в настоящее время некому отвечать на эти вопросы, в ближайшее время не приходится ожидать и каких-либо масштабных преобразований в научной сфере.

[22] О научной деятельности // Закон Республики Беларусь. (Принят 21 октября 1996 г. N 708-XIII, в ред. Законов Республики Беларусь от 17.10.2005 N 46-З, от 08.07.2008 N 367-З, от 04.05.2010 N 115-З).

можно. Однако реально в Беларуси такого рода оценки осуществляются формально в процессе выхолощенной бюрократической процедуры.

Среди субъектов научной деятельности в указанном законе достаточно часто упоминается понятие «физического лица». Однако в ст. 9 указывается, что физическое лицо может быть научным работником только при условии заключения трудового договора, то есть научным работником признается только сотрудник той или иной научной структуры. Таким образом, любое физическое лицо, обладающее любой научной квалификацией и имеющее любые самые высокие научные результаты предыдущей деятельности, но не принятое на работу в научную структуру (или уволенное из нее) государством, научным работником не признается и может на законных основаниях игнорироваться в качестве такового. (Соответственно, обратное тоже верно.) Физическое лицо, принятое на службу в научную структуру и обладающее государственным статусом научного работника, в своей деятельности регламентировано этим законом и находится в полной зависимости от администрации научной структуры. В свою очередь, в отношении научно-исследовательских структур предусмотрена процедура аккредитации – форма государственного признания компетентности, которая осуществляется высшими государственными научными структурами: Государственным комитетом по науке и технике, Национальной академией наук Беларуси и Высшей аттестационной комиссией (ВАК).

В свете вышесказанного можно констатировать, что в Беларуси сфера научной деятельности сильно деформирована в сторону усиления государственного управления ею, контроля и регулирования, а роль непосредственных производителей результатов научной деятельности – ученых и научного сообщества – фактически равна нулю и сведена к функционированию внутри сложившейся системы. Этот аспект способен вызвать удивление даже в контексте советского наследия, где зависимость работников в сфере науки от органов государственного управления никогда не была столь непосредственной – между ними всегда была достаточно длинная цепочка функциональных мест, позволявших плавно и профессионально переоформлять задачи госуправления в научно сформулированные проблемы, и наоборот. Определенную роль в этом процессе играл корпус членов Академии наук, исполнявший в Советском Союзе роль научной общественности, признающейся нормальным и необходимым атрибутом института науки.

В некотором роде близкую к функциям научного сообщества экспертную и координационную роль в свое время играли научные советы, комиссии и комитеты при Академии наук, которые формально подходят и под критерии субъектов научной деятельности, указанные в законе «О научной деятельности». Формально они продолжают существовать, и информация о них присутствует на официальном сайте Национальной академии наук Беларуси[23]. Однако анализ этой информации позволяет увидеть, что последнее обновление сайта производилось четыре года назад, а состав руководителей и членов этих структур, представленный на сайте, явно не соответствует действительности – многих людей из указанных в составе этих структур (включая их руководителей) уже давно нет в живых. Это определенно говорит о том, что все указанные комиссии, научные советы и комитеты являются реликтовыми образованиями, сданы под управление формальным исследовательским структурам, которым они не нужны, и уже давно не функционируют.

Понять и оценить в общем виде результаты указанных выше трансформаций для реальной научной деятельности позволяет анализ научных публикаций за период 2006–2010 годов, проведенный автором в рамках научной темы «Выполнить анализ опубликованных в 2006–2010 гг. материалов по проблемам экологии и рационального природопользования в Беларуси» Государственной программы научных исследований «Природно-ресурсный потенциал». Как видно из названия темы исследования, тематически она касалась широкого круга вопросов изучения и использования природных ресурсов, охраны окружающей среды. Работа включала анализ содержания всех государственных научных и научно-технических программ, качественный анализ всех беларусских публикаций за этот период по данной тематике и их количественную оценку по репрезентативным данным трех ведущих профильных периодических изданий[24], представляющих науку академическую, университетскую и отраслевую (Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды). Оценка велась не только сточки зрения их научного

[23] Научные советы и комитеты / Национальная академия наук Беларуси [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://nasb.gov.by/rus/activities/councils/

[24] «Природопользование», издаваемое Институтом природопользования НАН Беларуси, «Вестник БГУ. Сер. 2», «Природные ресурсы», издаваемые Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь.

содержания, но и по типам научной деятельности. Все статьи трех анализируемых источников были объединены в следующие группы по типам деятельности: теоретико-методологическую, отчетно-аналитическую, технологическую, исследовательскую, методическую и оценочную. Первые три в целом относятся к основной научной деятельности (получение нового знания) по планированию научных исследований и получению в качестве результатов нового знания, в частности новых технологий. Последние три можно в целом отнести преимущественно к описанию инфраструктурных процессов в научной деятельности, обслуживающих основные процессы. Результаты количественной оценки приведены в диаграмме (рис.3).

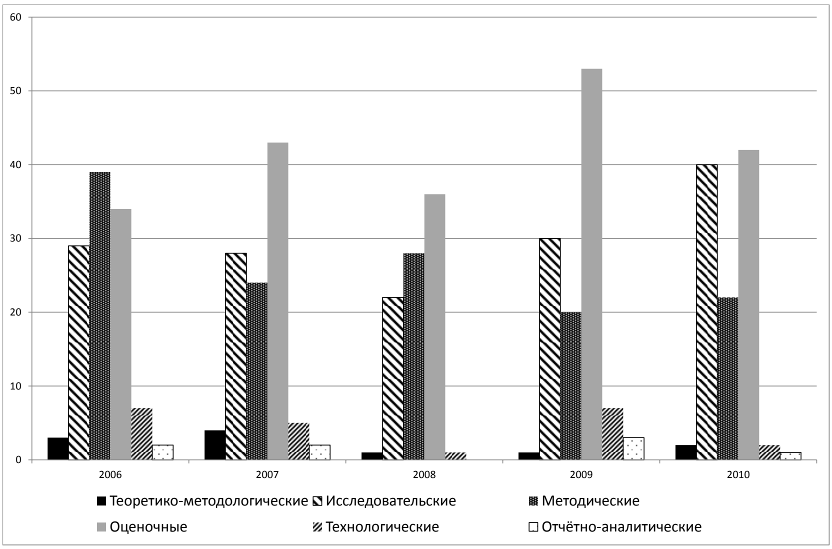

Рис. 3. Распределение научных публикаций трех изданий по типам научной деятельности.

Результаты проведенного анализа позволяют говорить о том, что беларусские научные структуры разной ведомственной подчиненности занимаются преимущественно плановым функционированием и отчитываются по результатам технической работы. Доля публикаций, посвященных новому теоретическому знанию или новым технологиям, очень невелика. Сравнение этих показателей для вузовской, ака-

демической и отраслевой наук показывает, что в течение по крайней мере анализируемого периода формально большее приращение теоретических знаний дает вузовская наука. По-видимому, это связано с тем, что научно-преподавательскому составу приходится проводить научные обобщения для подготовки учебных курсов (хотя следует отметить невысокий уровень актуальности и достаточно низкий научный уровень этих обобщений).Отдельные публикации, содержащие новые оригинальные идеи и результаты исследований теоретического плана, встречаются в изданиях и сборниках, которые нельзя отнести к мейнстриму отечественной науки. И ни одна из таких публикаций не является результатом работы в рамках государственных научных и научно-технических программ – все они получены в рамках личной инициативы беларусских ученых.

Обращает на себя внимание чрезвычайно малое количество ссылок авторов на публикации беларусских ученых. Это может означать либо низкую оценку беларусскими авторами научного уровня своих коллег, либо просто незнание беларусскими учеными и специалистами отечественных научных разработок и публикаций. Можно предположить также, что одной из причин является фрагментированность беларусского научного пространства, когда темы исследований беларусских ученых и специалистов слабо пересекаются друг с другом и больше связаны с зарубежным теперь российским научным пространством, что может расцениваться как сохранившееся советское наследие. Любой из вариантов ответа на этот вопрос (если бы он был кем-нибудь поставлен) и все они вместе взятые являются иллюстрацией и показателями издержек отсутствия в Беларуси национального научного сообщества, а соответственно, и собственного научного пространства. В той или иной степени распространение научно-технической информации является актуальной проблемой для всех стран, где ею активно занимаются в рамках национальной научно-технической политики. К сожалению, в Республике Беларусь фактически не существует национальной научной информационной системы, каковые являются обязательными для всех, в том числе соседних, стран[25], что лишний раз говорит о слабости государственной научно-технической политики.

[25] Лаврухин, Андрей. Научная и публикационная активность в Беларуси: невидимые миру открытия/ Наше мнение, сайт экспертного сообщества Беларуси [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://nmnby.eu/news/analytics/4908.html

Что дальше: возможные направления преобразования науки

Оглядываясь на проделанную исследовательскую и аналитическую работу, можно констатировать, что состояние современной беларусской науки далеко от того, чтобы ее можно было хотя бы отдаленно признать соответствующим существующим социально-политическим и экономическим условиям и потребностям нынешней Республики Беларусь. Этим состоянием глубоко не удовлетворены ни руководство страны, ни руководители структур беларусской науки, ни сами беларусские ученые. Восстановление истории развития беларусской науки показывает, что сформированная в советское время наука не способна существовать хотя бы с сохранением прежнего своего уровня в современных беларусских условиях, а оставшаяся с советских времен научная элита в виде корпуса членов Академии наук (академиков и членов-корреспондентов), заменявшая собой нормальное научное сообщество, не в состоянии ею управлять. Управление наукой административным порядком со стороны государственных органов не дает ей развиваться и быть полезной даже самим этим государственным органам, о чем открыто заявляет высшее руководство страны[26]. По этой проблематике проводились представительные научные конференции[27], которые ограничивались констатацией нестыковки практики современной беларусской науки с запросами госструктур, но не приводили к положительным результатам. Очевидно, что текущая ситуация с беларусской наукой вполне может быть названа неустойчивой, подлежащей новому осмыслению и приведению к более адекватному современности состоянию.

Выставляя более широкие рамки рассмотрения вопроса по сравнению с принятыми в данном исследовании, следует отметить, что организация науки никогда не бывает совершенной и окончательной, идеально соответствующей своему времени и ситуации. Нормальным явлением следует считать перманентную трансформацию науки, и лучше, если эта трансформация происходит не вынужденно, а сознательно и перспективно. В настоящее время для всего мира, который может себе позволить иметь собственную науку, актуальным является приведение ее в соответствие с грядущей ситуацией шестого технологиче-

---

[26] Лукашенко – ученым: Когда вы начнете работать на государство? [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://news.tut.by/it/260374.html

[27] Материалы конференции, посвященной 10-летию межведомственного бюллетеня «Природные ресурсы» // Природные ресурсы. – 2007. №1. – С. 20-38

ского уклада. Учет этой перспективы актуален для беларусской национальной науки, как и для любой другой. Разница заключается только в различии стартовых условий этих трансформаций.

Учитывая реальные беларусские условия, развитие ситуации с наукой может разворачиваться в нескольких направлениях, в зависимости как от выбранных сценариев деятельности по ее трансформации, так и от того, кто будет эти сценарии выбирать и реализовывать.

Одним из таких сценариев может быть попытка восстановить в той или иной форме прежние, еще советские научные связи и, соответственно, квазисоветскую систему науки. Этот сценарий можно считать вариантом для науки преимущественно технократической части беларусской научной номенклатуры – корпуса членов Академии наук, – вся карьера и научная деятельность которых была построена на тесных связях с российской (советской) наукой. В целом пока лояльно к этому варианту относится и высшее руководство страны, не имеющее в настоящее время собственных реальных вариантов перед лицом угрозы обрушения беларусской научной системы, не вписывающейся в современную Беларусь и ее потребности. Наиболее показательна в этом отношении активность российского нобелевского лауреата с беларусскими корнями Жореса Алферова. Красной нитью через все его выступления проходит мысль о том, что беларусские физическая и техническая науки созданы присланными в 50-е годы прошлого века в БССР ленинградскими учеными, участвовавшими в создании плодотворно функционировавшего научного комплекса беларусских и российских научно-исследовательских институтов, который следует возродить в наше время[28]. Очевидно, что российская наука, растерявшая в 90-е годы свой научный потенциал, нуждается в помощи своих беларусских коллег, как и беларусские научные коллективы нуждаются в идейном руководстве и дополнительном финансировании. При этом общей проблемой для них является отсутствие отечественной востребованности их разработок. Таким образом, это может быть только работой в пользу зарубежного заказчика, что, безусловно, негативно повлияет на отношение к этой инициативе со стороны беларусского руководства. Оценивая возможности такого сотрудничества, следует также учитывать, что беларусская академическая элита уже не смогла руководить Академией наук в

[28] В частности, это звучало и в его выступлении на пленарном заседании 3-го беларусского инновационного форума, проходившего 15-18 ноября 2011 г., и в его выступлении 19 сентября 2012 г. в Большом зале Президиума НАН Беларуси, приуроченном к выездному заседанию Консультативного научного совета фонда «Сколково», сопредседателем которого он является.

реальных беларусских условиях и уже расписалась в собственной организационной несостоятельности. Теперь окончательные решения по вопросам науки принимает уже не она.

Государство, которое в лице своего главы, в соответствии с существующими законами, обладает абсолютной властью над организованной беларусской наукой, имеет гораздо больше вариантов и возможностей решений и проведения государственной научно-технической политики.

Самый простой вариант, не требующий особых дополнительных интеллектуальных и организационных усилий, – это сохранение в целом существующего статус-кво. Сохранение политики жесткого подчинения науки органам государственного управления и даже хозяйствующим субъектам. Продолжение ставки на формирование государственных научно-производственных объединений и научно-практических центров в надежде, что рано или поздно от простого механического соединения науки и производства возникнут положительные инновационные результаты. Однако пока этот вариант, как уже отмечалось выше, оценивается в качестве тупикового и бесперспективного.

Другой вариант предполагает в качестве основного необходимого действия формирование принципиально новых для Беларуси функциональных мест в госуправлении с более широкими общими рамками видения как науки, так и сферы производства, ориентированных на перспективу, на планирование развития страны. Аналогичную роль в Советском Союзе играл Госплан, и этот сценарий предполагает воссоздание беларусского варианта этой организации с ее принципиальными функциями, определяющими свои смыслы существования как для сферы науки, так и для производства. В настоящее время необходимость такого рода функционального места в системе беларусского государственного управления не кажется очевидной, видимо, потому, что у страны пока нет осознанной цели, к которой она могла бы стремиться. Появление такой цели сделает создание такого органа естественной необходимостью, а формирование им политики в разных областях, программ и стратегий, требования такого же плана к министерствам и ведомствам автоматически создадут условия для востребованности науки со стороны структур производства и госуправления. В качестве главного недостатка этого сценария видится предполагаемая острая нехватка квалифицированных научных и управленческих кадров для создания адекватной инфраструктуры, подобной той, что была в едином советском управляющем центре. Пока же приходится гово-

рить о «ручном управлении» государством, осуществляемом по наитию на основании случайных решений, а столкнувшись непосредственно «лоб в лоб», наука и госуправление не могут организовать взаимовыгодное сотрудничество, что уже отмечалось выше[29].

Возможен также доселе невиданный для Беларуси, но принятый практически во всем мире вариант активизации и развития науки, предполагающий свободное и стимулируемое государством развитие самой науки. Из предполагаемых в данном исследовании вариантов только этот реально имеет отношение к десоветизации в области науки. Он предполагает наличие научного сообщества и ставку на активность самих ученых, чего в Беларуси пока нет. Начать реализацию этого сценария развития и трансформации науки можно с активизации деятельности ныне практически мертвых научных советов, создания новых по разным направлениям, включающим максимальное количество активных ученых, формирование доступной информационной системы и баз данных публикаций беларусских и зарубежных ученых, обычных в наше время для всех стран, имеющих свою науку. Более радикальным шагом могла бы быть трансформация Национальной академии наук Беларуси в университетскую организационную форму, что уже предлагалось сделать на самом высоком уровне[30]. В принципе, все необходимые структурные элементы такого образования уже имеются. Безусловно, предполагается возможность самоуправления этого образования, отсутствие какого-либо подчинения Министерству образования и наличие внутренних академических свобод, гарантирующих свободное, административно ничем не ограниченное разворачивание научной исследовательской деятельности. Цель реализации такого сценария предельно ясно можно выразить словами советника президента США по науке и технике Аллана Бромли о том, что наука «должна быть организована снизу вверх, т.е. таким образом, чтобы все внимание было направлено на развитие научной деятельности отдельных ученых, инженеров, техников». Функции правительства он видел в сборе информации и оказании всемерной поддержки ученым, а не в

[29] Материалы конференции, посвященной 10-летию межведомственного бюллетеня «Природные ресурсы» // Природные ресурсы. – 2007. №1. – С. 20-38.

[30] Лукашенко – ученым: Когда вы начнете работать на государство? [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://news.tut.by/it/260374.html

том, чтобы правительство решало и потом диктовало ученым, чем им заниматься[31].

Можно рассматривать в качестве отдельного сценария трансформации беларусской науки формирование беларусского научного сообщества как такового. Реально ничто, кроме инерции сознания, шор узкой специализации и привычной слепой ориентации на формальные структуры научно-исследовательских институтов, министерств и ведомств, не мешает современным беларусским ученым формировать нормальное научное сообщество и его элементы в виде отраслевых научных объединений. Очевидно, что научное сообщество могло бы брать на себя определенные функции регулирования отношений в сфере науки, играть законную роль стороны в коммуникации с администрацией научных учреждений, государством, бизнесом. По-видимому, имеет смысл проведение анализа и исследование вопросов, почему этого пока не происходит, как научное сообщество может вернуть себе науку и тем возродить ее на иных основаниях, чем сложившаяся пока еще в значительной степени советская по форме наука. Пример и опыт беларусского Института математики и кибернетики, руководителем которого до последнего времени была Светлана Новикова, зарегистрированного в качестве общественной организации, но всемирно известного, уважаемого и приглашаемого на все международные мероприятия в своей области знания, доказывает реальную возможность этого. Существует даже прецедент защиты в нем диссертации на соискание научной степени PhD в области математики и выдачи о том документа, признаваемого за рубежом. Документ признанного мировым научным сообществом научного учреждения не нуждается в подтверждении специального государственного учреждения под названием «ВАК», тогда как документы, выдаваемые беларусским ВАКом, безусловно признаются только в Беларуси, а за рубежом нуждаются в подтверждении.

Будет правильно предположить, что деятельность по трансформации беларусской науки будет построена на комбинации разных вариантов. Их соотношение и уточнение, более подробное развертывание и понимание, изучение условий, обстоятельств и последствий реализации вариантов и сценариев предполагает более подробные исследования на эту тему. Данное же исследование претендует на роль первой оценочной попытки, стремящейся схватить состояние проблемы в целом.

---

[31] Галаган А.И. Образование, наука, культура, экономика: взаимозависимость и ответственность перед обществом // Социально-гуманитарные знания. – 2007. №4. – С. 151–163.

Предпринимательство в сельской местности как элемент десоветизации на примере агро-экотуризма

Олег БЕЛЯЧИЦ,
менеджер проектов, юрист,
директор ПК «ОВК «Столичный клуб бизнеса»

В данной работе будет рассмотрено, каким образом происходит десоветизация различных правовых, социальных и культурных норм во взаимодействии с таким явлением как агроэкотуристическая деятельность. Попробуем сделать это, положив в основу нашего исследования образ жизни, и проследить изменения, которые происходят в каждой из его составляющих.

В образе жизни можно выделить следующие основные категории (Ю.П. Лисицын)[1]:

– уровень жизни (экономическая категория). Здесь мы попробует проследить изменения в материальном положении людей, которые занялись агроэкотуристической деятельностью;

– качество жизни (социальная категория). Появление агроэкотуристической деятельности почти не повлияло ни на образование, ни на медицинское обслуживание, ни на многие другие факторы, определяющие качество жизни. Поэтому возьмем такую составляющую как возможность выбора рода деятельности;

– уклад жизни (социально-экономическая категория). В этой части мы проследим возникновение нового для села уклада жизни и его особенности;

– стиль жизни (социально-психологическая категория). Появление агроэкотуризма повлияло и на стиль жизни, включая положение и поведение в обществе владельцев агроэкоусадеб, их этические и эстетические ценности.

---

[1] Образ жизни. Википедия [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Образ_жизни

При проведении исследования мы будем опираться на нормативно-правовые акты Белорусской Советской Социалистической Республики и Республики Беларусь как официальную позицию государственной власти в отношении рассматриваемых вопросов; на официальную статистику; на некоторые публикации, а также информацию, полученную лично автором от владельцев агроэкоусадеб, экспертов, представителей местных органов государственной власти и управления, местных жителей, в том числе при личном посещении более двух десятков усадеб на территории Республики Беларусь.

Основой советской идеологии являлось постепенное изживание частной собственности и ограничение ее правом частной собственности на жилье (площадь частных домов не могла превышать 60 кв.м, а по Указу Президиума Верховного Совета БССР от 14 января 1988 г. – 130 кв.м)[2] и на вещи для собственного использования и потребления. Допускалось владение небольшим подсобным хозяйством для удовлетворения опять же личных (семейных) потребностей, а реализация излишков полученной сельскохозяйственной продукции на рынках по определению не должна была совершаться в целях получения прибыли, да и практически не могла стать бизнесом в силу размеров подсобного хозяйства. Все остальное, а именно средства производства, принадлежало колхозам, государственным и «общественным» организациям.

В то же время государство стимулирует развитие личных хозяйств и предписывает государственным и «общественным» организациям (потребительской кооперации) осуществлять дополнительные меры по улучшению условий ведения личных подсобных хозяйств колхозниками, рабочими, служащими и другими гражданами, повышать заинтересованность колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий, а также организаций потребительской кооперации в более полном использовании возможностей хозяйств граждан в увеличении производства и продажи продуктов земледелия и животноводства.[3]

---

[2] О.Зинкевич. Нормирование жилой площади, газета «Недвижимость Белоруссии» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.nb.by/publications/archive/2007/2/1655/

[3] Ч. 3, п. 1 Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 6 марта 1981 г. №77 «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан», Зона. Спецпроект [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.zoneby.net/legal/n91docs/zk91696i.htm

Осуществление предпринимательской деятельности являлось правонарушением, а в некоторых случаях – и преступлением[4]: например, так называемая спекуляция, т.е. «скупка и перепродажа товаров с целью наживы». В соответствии со ст. 151 Уголовного кодекса БССР за спекуляцию была предусмотрена уголовная ответственность, если сумма наживы составляла более 30 рублей. Кроме того, за спекуляцию в крупных (если сумма наживы составляла от 200 до 1000 руб.) и особо крупных размерах (сумма наживы – 1000 руб. и более) могло быть установлено наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет с конфискацией имущества или без конфискации, либо исправительных работ на срок до 2 лет с конфискацией имущества или без конфискации, либо штрафа до 500 рублей. В случаях, когда деяние не подпадало под признаки состава преступления, правонарушители привлекались к административной ответственности.

Граждане, которые сдавали квартиры в поднаем, рисковали быть привлеченными к ответственности за получение нетрудовых доходов и потерять свое имущество.[5]

Такая система обеспечивала приблизительно одинаковый уровень достатка каждого советского крестьянина. Система премирования и сдельной оплаты труда в некоторой степени улучшала материальное положение и повышала заинтересованность в объеме и качестве произведенной работы, но не позволяла сколь-нибудь значительно выделиться среди односельчан и слабо стимулировала заинтересованность в конечном результате. Крестьяне старались выполнить больший объем хорошо оплачиваемой работы, а не получить хороший урожай, который, по сути, не повлияет на размер их дохода.

Небольшой отдушиной была возможность получать доход от внедрения хозяйственного (бригадного, семейного) подряда, но внедре-

---

[4] Указ Президиума Верховного Совета Республики Беларусь от 6 июня 1986 г. №842-XI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь», Банк Законов. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://old.bankzakonov.com/obsch/razdel193/time2/lavz1807.htm

[5] Ч. 2, ст. 3.4 Постановления Совета Министров БССР от 8 мая 1986 г. №129 «Об утверждении типового договора найма жилого помещения в домах государственного и общественного жилого фонда в БССР и Правил пользования жилыми помещениями, содержания жилого дома и придомовой территории в БССР», Право 2008 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://pravo2008by.narod.ru/time89/lav89372/index.htm

ние этой формы хозяйствования влекло за собой ряд серьезных проблем, что достойно отдельного исследования.

Большие деньги было сложно не только заработать, но и потратить. Тотальный дефицит, сложившаяся идеология, банальная зависть и неприязнь к «богатым» в сельском обществе сдерживали стремление разбогатеть.

Близкая к натуральному хозяйству деятельность жителей беларусской деревни также не способствовала проявлению предпринимательской инициативы. Питание преимущественно обеспечивало личное подсобное хозяйство, социальную сферу (образование, медицинское обслуживание и т.п.) обеспечивало государство, в довоенный и непосредственно послевоенный периоды мебель и одежда также иногда изготавливались самостоятельно.

Если брать предложенную С.А. Никольским классификацию укладов (крестьянско-потребительский, крестьянско-товарный и предпринимательско-товарный), где в качестве основополагающего критерия для их разделения взяты ориентация и результат деятельности хозяйствующего субъекта, то деятельность советского крестьянина можно отнести к крестьянско-потребительскому, а в более поздние времена – к крестьянско-товарному укладу. То есть продукт производился преимущественно для собственного (включая родственников) потребления, а чуть позже, при работе в колхозах и совхозах за заработную плату, товар производился и для продажи, точнее – сдачи государству по установленным ценам. В первом случае субъект деятельности – патриархальный крестьянин, во втором – колхозно-совхозный тип «полукрестьянин – полунаемный рабочий».[6]

В этот период продуктом деятельности является преимущественно сельскохозяйственная продукция. Оказываемые услуги на селе предоставляются для самих жителей села и не предназначены для реализации за его пределами.

Отсутствие частной собственности, неадекватность качества и количества труда получаемой заработной плате, негативное отношение к выделяющимся из общей массы (особенно по уровню материального достатка), криминализация предпринимательской деятельно-

---

[6] Аграрная экономика, сельская общность и проблема социально-экономических укладов. Институт философии Российской академии наук [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://iph.ras.ru/page50091463.htm

сти породили безынициативность, ставшую характерной чертой большинства беларусских сельских жителей.

В то же время задачи развития сельских территорий требовали проявления инициативы местных жителей. Инициатива в Советском Союзе приветствовалась и поощрялась, однако в это понятие вкладывался довольно специфический смысл. Характерной является статья «Инициатива», содержащаяся в «Словаре по этике» 1981 года издания (под редакцией И. Кона), в которой определяются рамки инициативы и прямо указывается, что при социализме инициативность предполагает добровольное служение общим интересам, непримиримость к нарушениям требований коммунистической нравственности и борьбу за устранение недостатков в жизни общества или коллектива.[7] Трансляция такого понимания «инициативы» отсекала любой личный, а тем более материальный, интерес к результатам проявленной инициативы.

Властями проводились различного рода смотры, конкурсы, соревнования, которые были направлены на то, чтобы поддержать инициативу, направить ее в нужное для себя русло, а также утилизировать активность населения и сделать ее подконтрольной.

Таким образом, в советский период существуют и транслируются следующие нормы:

- предпринимательская деятельность как самостоятельная деятельность, направленная на получение прибыли, считается источником нетрудовых доходов и в любых формах подлежит осуждению и преследованию, в том числе административному и уголовному;
- ведение личного подсобного хозяйства с целью самообеспечения сельскохозяйственной продукцией и реализации ее организациям потребительской кооперации поддерживается и стимулируется;
- сельская местность преимущественно осуществляет производство сельскохозяйственной продукции и ее первичную переработку, услуги предоставляются только для обеспечения самих работников сельского хозяйства;
- гражданин должен быть активным и инициативным в рамках целей, программ/планов власти.

[7] Национальная философская энциклопедия [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://terme.ru/dictionary/522/word/iniciativa

При переходе к экономике с элементами рынка предпринимательская инициатива становится важнейшим элементом развития.

Постепенно происходит декриминализация предпринимательской деятельности. Установленная в 1994 году уголовная ответственность касалась только скупки с целью перепродажи товаров в государственной сети и сети потребкооперации, а в 2003 году произошла полная декриминализация торгово-посреднической деятельности. Было разрешено сдавать по договорам найма жилые помещения не с компенсацией расходов арендодателя, а с прибылью. Более того, предпринимательство стало поощряться.

В то же время сохраненные элементы плановой экономики требуют от органов государственного управления не допускать оттока ресурсов в частный сектор.

Примером конфликта интересов, вызванного этим противоречием, может служить ситуация, когда заместитель председателя одного из районных исполнительных комитетов высказывается о том, что одной-двух агроэкотуристических усадеб на район вполне достаточно и не следует стимулировать рост их количества, потому что из сельского хозяйства туда уходят самые инициативные и квалифицированные кадры. Еще чаще такой позиции придерживаются председатели колхозов.

В такой ситуации поддержка частного сектора может осуществляться преимущественно за счет тех ресурсов, которые не используются государственными органами и организациями. К ним следует отнести непотребляемые ресурсы: культурно-историческое нематериальное наследие, непотребляемые и некоторые потребляемые экологические/природные ресурсы и т.д.

Этим требованиям больше всего удовлетворяет агроэкотуристическая деятельность, которая, с одной стороны, является весьма жестко ограниченным видом предпринимательства, а с другой – не «покушается» на ресурсы, задействованные в государственной системе.

Более того, довольно широко распространены случаи, когда власти пытаются использовать агроэкоусадьбы в качестве ресурса для собственных нужд. Здесь не только безвозмездное обеспечение встреч различных делегаций и обслуживание самих чиновников, но и предписание об участии в проведении местных праздников и проведении различных мероприятий со школьниками. Довольно ярким является случай, когда владельцу небольшой агроэкоусадьбы в Воложинском

районе и созданного при ней экомузея было предписано бесплатно проводить экскурсии для учеников всех школ района.

Следует признать, что беларусское понимание деятельности в сфере экологического и аграрного туризма, если исходить из Указа Президента РБ «О мерах по развитию агроэкотуризма» от 02.06.2006 г. №372, является довольно специфическим. Например, согласно определению, заложенному в п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса РБ, предпринимательской деятельностью является самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от […] выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления.

В Указе же установлено, что деятельность по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма не является предпринимательской, хотя, если не лукавить, подпадает под ее определение по всем признакам. Можно было бы просто ввести определенный статус для агроэкотуристического предпринимательства, но факт остается фактом – эта деятельность не признана предпринимательской. Таким образом подчеркивается социальная функция этой деятельности и то, что построить серьезный бизнес таким способом вряд ли возможно.

Развитие агроэкотуризма в современной Беларуси ограничено следующими рамками:

- во-первых, обеспечивать туристов продуктами питания владельцы усадеб должны преимущественно за счет ведения личного подсобного хозяйства;
- во-вторых, масштаб деятельности ограничен пятью (с 2010 года – десятью) комнатами дома, который находится в собственности лица, занимающегося агроэкотуризмом, или членов его семьи.

Несмотря на все ограничения, агроэкотуристическая деятельность приносит владельцам усадеб больший доход, чем может принести работа по найму в колхозе или почти любой другой организации в сельской местности. В то же время она менее рискованная, чем фермерство. Как говорят сами владельцы усадеб, в апреле-мае каждого года уже забронированы все выходные дни до конца лета. Спрос на услуги агроэкоусадеб пока превышает предложение.

Конечно, есть усадьбы, которые принимают гостей от случая к случаю, зачастую они даже не приспособлены для приема туристов. Низкие непроизводительные издержки позволяют работать в таком режиме. Деятельность таких усадеб не представляет интереса для исследования, поскольку не отражает общих тенденций.

Что касается общественного мнения, то по сравнению с советским периодом отношение к предпринимателям в широком смысле этого слова изменилось в лучшую сторону. Конечно, в переходный период, в начале 90-х, иногда наблюдались случаи уничтожения имущества предпринимателей, в том числе фермеров и просто зажиточных крестьян, из чувства зависти. Но уже в 2000-х такого практически не наблюдается. Учитывая, что агроэкотуризм был закреплен в законодательстве только в 2006 году, владельцы агроэкоусадеб практически не ощутили на себе какой-либо неприязни со стороны односельчан только потому, что они занимаются собственным делом. Более того, имеются примеры, когда, увидев успешный опыт соседей, люди сами начинали втягиваться в агроэкотуристическую деятельность и обустраивали свои дома по примеру агроэкотуристических усадеб.

С точки зрения ведения личного подсобного хозяйства, агроэкотуризм в некоторой степени напоминает советскую «реализацию излишков сельскохозяйственной продукции», но другим способом. Излишки не выставляются на рынок, а потребитель сам приезжает и потребляет продукт. Чтобы обеспечить туристов, этих «излишков» должно быть достаточно много, следовательно, и личное подсобное хозяйство должно увеличиваться. Таким образом поддерживается транслирование нормы традиционного уклада – ведение личного подсобного хозяйства, которое, конечно же, менее эффективно, чем крупнотоварное производство, но позволяет дважды использовать трудовые возможности крестьянина для производства сельхозпродукции: и в сельскохозяйственной организации, и при работе на личном подворье.

Государство вынуждено прилагать серьезные усилия для сохранения традиционного образа жизни крестьян, поскольку личные подсобные хозяйства сохраняют значительную долю в объемах производства сельскохозяйственной продукции.

Серьезность таких намерений подтверждает утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 14.06.2010 г. №302 «Положение о порядке предоставления кредитов гражданам, осуществляющим ведение личных подсобных хозяйств». Согласно этому положению, гражданам предоставляются кредиты для развития личных под-

собных хозяйств под 5% годовых в размере до 60 миллионов рублей. Как указано в самом документе, он принят в целях стимулирования развития личных подсобных хозяйств граждан, увеличения в них производства сельскохозяйственной продукции.[8]

Частные подворья становятся в Беларуси одним из основных производителей таких видов сельскохозяйственной продукции как мясо, молоко, шерсть, картофель (см. таблицу).

Таблица. Доля личных подсобных хозяйств в общем объеме производства некоторых видов сельскохозяйственной продукции в РБ за 1976-2005 гг. (%)[9]

Вид продукции	1976 г.	1986 г.	1996 г.	2000 г.	2005 г.
Мясо	39	39	58,3	57,3	72,9
Молоко	32	31	46,8	56,7	66,7
Яйцо	51	39	43,1	37,6	36,7
Картофель	76	69	93,2	96,5	96,6
Овощи	57	29	78,3	79,8	83,4
Шерсть	38	31	62,7	83,8	95

Требование об оказании поддержки в ведении личного подсобного хозяйства по цепочке передается от республиканских органов государственной власти и управления к местным структурам. Эта обязанность преимущественно ложится на плечи местных исполнительных органов и сельскохозяйственных организаций.

Такая поддержка предоставляется на льготной или безвозмездной основе, поэтому неудивительно, что более половины руководителей и специалистов сельхозпредприятий, которые являются непосредственными исполнителями данного положения, вопреки установкам, закрепленном в нем, полагают, что наличие подсобного хозяйства совершенно необязательно, например, для жителей агрогородков. По их мнению, жители агрогородков все необходимое могут купить в магазине, а свободное время тратить на отдых, воспитание детей и т.п.[10]

---

8 Указ Президента Республики Беларусь №302 от 14.10.2010 г. «О предоставлении кредитов гражданам, осуществляющим ведение личных подсобных хозяйств». «Советская Белоруссия». [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://law.sb.by/969/

9 Личные подсобные хозяйства. Реферат. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://xreferat.ru/13/1233-1-lichnye-podsobnye-hozyaiystva.html

10 С.Сабило. Нужны ли личные подсобные хозяйства? Обозреватель. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.oboz.by/articles/raznoe/1354/?sphrase_id=1504

Несмотря на заложенную в агроэкотуризме идею развития подсобных хозяйств (в понимании беларусских чиновников), на практике все происходит несколько иначе. Традиционное беларусское подворье трудно представить без коровы, но сохранение количества крупного рогатого скота на личных подворьях является одним из наиболее трудновыполнимых показателей деятельности местных органов управления. Поголовье в частном секторе стремительно сокращается, за что председатели исполнительных органов систематически «вызываются на ковер» и получают выговоры. Несмотря на это, более чем в половине агроэкоусадеб крупного рогатого скота нет.

С одной стороны, соседство с хлевом, навозом и мухами не вписывается в туристическую идиллию, с другой, как утверждают владельцы усадеб, банально не хватает времени, а с третьей, по их же словам, это просто невыгодно. Поэтому на практике трудно найти случай, чтобы для обеспечения туристов владелец усадьбы приобретал еще одну корову. Однако сельхозпродукция для туристов покупается все же не в магазинах, а у односельчан, что если и не стимулирует развитие их подсобных хозяйств, то по крайней мере способствует их сохранению. Следовательно, агроэкотуризм на транслируемую государством норму ведения личного подсобного хозяйства действует двояко. Высчитать, какой же вектор получается в результате, практически невозможно. Вероятно, он не будет сильно отличаться от нуля.

Впервые в сельской местности появляются услуги, которые реализуются для несельского потребителя, более того – довольно часто реализуются на экспорт. Если точечное размещение агроэкоусадеб пока не дает видимого эффекта, то появление в ближайшем будущем агроэкотуристических кластеров и «агроэкотуристических курортов» может серьезно изменить экономическую структуру сельских территорий.

В качестве примера территорий, развивающихся в этом направлении, можно рассмотреть Россонский и Воложинский районы.

Первый находится в Витебской области. Весьма прогрессивно, что руководство района осознает: ни сельское хозяйство на малоплодородных землях района, ни промышленность, которая практически отсутствует в районе, не могут быть локомотивом развития. Поэтому совместно с Министерством спорта и туризма РБ ставка в развитии района была сделана на создание «агроэкотуристического курорта».

Впрочем, позднее было высказано мнение, что в данной местности отсутствуют условия для создания курорта, и предложено изменить название на «агроэкотуристическую зону».

В качестве основы могли быть использованы несколько агроэкотуристических усадеб, а также фестиваль «Заборский фест», проводимый с их участием при поддержке местных властей, ОО «Отдых в деревне», Программы развития ООН и других общественных и международных организаций. Но этого чрезвычайно мало для достижения таких серьезных целей. На республиканском и областном уровнях соответствующей материальной поддержки предоставлено не было. Вскоре и созданный задел был утерян, поскольку власти продолжали работать в свойственной им парадигме управления, а не сотрудничества, а общественность не хотела работать в поставленных рамках, к тому же не имела достаточной мотивации и опыта для выхода на новый уровень развития.

В настоящее время в Воложинском районе, который находится в Минской области, владельцы агроэкоусадеб, опять же при поддержке общественных и международных организаций, пробуют создать свой агроэкотуристический кластер. Инициатива исходит снизу. Здесь имеется развитая сеть усадеб хорошего уровня со своей специализацией, хорошая транспортная доступность, относительная близость крупного города и наличие природных ресурсов. Именно здесь можно в ближайшее время ожидать появления новой структуры экономики села, в которой сельское хозяйство и местная промышленность перестанут играть исключительную роль. Но пока ни один кластер или туристические деревни, которые, по сути, являются туристическими комплексами, а не населенными пунктами, не произвели столь серьезных изменений в экономике районов или хотя бы деревень.

Зато на уровне отдельных усадеб и семей произошли значительные изменения в укладе жизни.

Агроэкотуристическая деятельность вводит новый жизненный уклад – предпринимательско-товарный. Он характеризуется тем, что удовлетворение материальных потребностей происходит через товарно-денежные отношения за счет реализации продукта, в данном случае – услуги, и приобретения всего необходимого за счет вырученных средств. При этом все предпринимательские риски несут сами владельцы усадьбы, что отличает их от наемных работников, которые так-

же активно включены в товарно-денежный обмен. Как уже говорилось раньше, несмотря на заложенное в Указе Президента РБ требование о необходимости вести личное подсобное хозяйство для обеспечения туристов, данная норма владельцами усадеб выполняется очень слабо. Поэтому на практике почти все необходимое для туристов приобретается или в оптово-розничной сети, или у односельчан.

Оказание такого рода услуг связано с творческим подходом, созданием благоприятного психологического климата, требует от хозяев усадьбы проявления их лучших моральных качеств. Конечно, есть ряд усадеб, которые, по сути, предоставляют исключительно услуги гостиницы, например, в Вилейке, или являются преимущественно площадкой для корпоративного отдыха, например, в Минском и Полоцком районах, но это связано с конъюнктурой рынка (недостаточностью гостиничных мест или мест для проведения праздничных мероприятий). Такие усадьбы нельзя назвать типичными. Они располагаются возле больших городов или в малых городах и не создают своеобразного сельского уклада жизни.

Также не формируют нового жизненного уклада многочисленные усадьбы, где агроэкотуристическая деятельность не является основной и осуществляется при недостаточности спальных мест в соседней постоянно действующей усадьбе или по случаю проведения каких-либо мероприятий, например местных фестивалей.

Среднестатистический портрет владельцев агроэкоусадьбы таков: люди старше 35 лет, чаще семейные, очень часто приезжие, причем не только из других регионов Беларуси, но и из других республик бывшего Советского Союза. Многие из них занимали руководящие должности, были врачами, учителями, скульпторами. Преимущественно это творческие люди, которые увлекаются каким-либо ремеслом или искусством. Многие неоднократно или длительное время были за границей. Из всего этого можно сделать вывод, что это люди, чье представление о жизненном укладе было пересмотрено в процессе жизни (и возможно, не один раз). Может быть, именно это позволило им увидеть в сельской местности ресурсы для развития туризма.

Еще одним интересным моментом является изменение самих владельцев агроэкоусадеб и их отношения к окружающему миру. У многих начал разрушаться стереотип «моя хата с краю…». Поскольку у туриста создается целостное впечатление от того места, где он отдыхает,

хозяевам усадьбы приходится расширять круг своих познаний и забот иногда далеко за пределы собственных владений. Те, кто серьезно занялся агроэкотуризмом, начинают изучать местную историю, традиции, легенды, проводят чистку прибрежной полосы, леса, восстанавливают памятники. Защита собственных интересов постепенно приводит к необходимости защиты общественных интересов. Поэтому неудивительно, что многие из них принимают участие в Местных повестках-21 или пытаются создавать агроэкотуристические кластеры.

Несмотря на то, что, занимаясь агроэкотуризмом, владельцы усадеб в какой-то степени снижают интенсивность контактов с местной общиной (не пересекаются на работе и т.д.), те из них, кто выходит на достаточно большой объем приема туристов, начинают строить отношения с соседями – для приобретения сельскохозяйственной продукции, размещения гостей на ночлег, если усадьба не может всех вместить, и т.д. Таким образом связь с общиной налаживается, но несколько в ином качестве.

Несмотря на то, что использование нецензурных выражений в обыденной жизни сельского общества не является редкостью, среди владельцев агроэкоусадеб ни разу не довелось их слышать. По признанию некоторых хозяев усадеб, им приходилось «работать над собой», после того как они начали заниматься туризмом. Это коснулось также бытовых привычек, отношения к чистоте и порядку, изменились вкусы и взгляд на дизайн. Повышенные требования туристов к среде обитания повлияли на подход к качеству среды самих хозяев. Таким образом, занятие агроэкотуризмом влияет и на стиль жизни.

В настоящее время по отношению к агроэкотуристической деятельности можно обозначить следующие транслируемые нормы:

- предпринимательская инициатива в виде агроэкотуристической деятельности приветствуется и даже поддерживается, при этом местными органами государственной власти и управления она зачастую рассматривается как дополнительный ресурс для решения проблем, которые находятся их в компетенции;
- законодательно закрепляются особые формы деятельности, не относящиеся к предпринимательству, но по сути являющиеся таковыми: агроэкотуризм, ремесленническая деятельность, виды деятельности, осуществляемые физическими лицами самосто-

ятельно, без привлечения иных физических лиц. Для этих видов установлена упрощенная система ведения учета и льготное налогообложение;

- ведение личного подсобного хозяйства признается важнейшим и необходимым элементом сельской жизни, всячески приветствуется и поддерживается;
- сельская местность начинает предлагать не только сельскохозяйственную продукцию, продукты ее переработки и продукцию некоторых иных производств, но также и услуги, в частности туристические;
- возникает новый вид жизненного уклада – предпринимательско-товарный.

В начале 2011 года в Беларуси было зарегистрировано около 1400 агроусадеб, а это в 37 раз больше, чем пять лет назад (в 2006 году туристические услуги оказывали 34 усадьбы). 90% агроусадеб – это семейный бизнес, остальной процент приходится на долю фермерских хозяйств.[11]

Можно выделить два периода трансформации норм, связанных с предпринимательством: советский и постсоветский. Это довольно грубое разделение, но для определения основных тенденций вполне достаточное.

Конечно, в разные времена существования БССР ситуация не была однородной. Начиная от работы за трудодни (фактически за право иметь в пользовании земельный надел, чтобы обеспечить себя продуктами питания) и заканчивая бригадным и арендным подрядом в перестроечные времена. Но рассматриваемые нами советские нормы сохранялись на всем протяжении этого периода.

90-е годы характеризовались влиянием кризиса после распада СССР. Люди, поставленные на грань выживания, начинали заниматься бизнесом, чтобы хоть как-то обеспечить семью. Эта же причина инициировала развитие сельскохозяйственного производства в частном секторе. Законодательство постепенно декриминализировало пред-

[11] Я.Шидловская. К 2015 году количество усадеб увеличится как минимум в два раза. Портал газеты «Туризм и отдых». [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.tio.by/pro/news/5046

принимательство. Различные периоды «потепления» и «похолодания» в отношении к предпринимательству в итоге привели к довольно существенной либерализации в этой сфере. В 2006 году принимается указ, дающий беспрецедентные возможности для занятия агроэкотуризмом: государством предоставляются льготы по кредитам, выделяемым на эти цели. Также предоставляется возможность получения очень дешевых кредитов на развитие личных приусадебных хозяйств. Несколько позже принимаются поправки, которые расширяют возможности занятия этим видом деятельности.

Рассмотрев послевоенный период существования Советского Союза и период существования Республики Беларусь до настоящего времени, мы выявили ряд процессов, направленных на десоветизацию правовых, социальных и культурных норм:

- предпринимательская инициатива в сельской местности из преследуемой превратилась в одобряемую и даже поддерживаемую, в результате чего было легализовано такое явление как агроэкотуристическая деятельность. Это ведет к увеличению доходов сельского населения и повышает уровень жизни;
- специфика туристического бизнеса вынуждает владельцев усадеб создавать соответствующую обстановку для клиентов, несколько менять свой стиль жизни, что приводит к улучшению их собственного качества жизни;
- сельская местность постепенно освобождается от своего «сельскохозяйственного клейма», расширяет спектр производимой продукции и оказываемых услуг, что ведет к изменению жизненного уклада сельских жителей;
- традиция ведения подсобного хозяйства всячески поддерживаться властями как способ увеличения объема производства сельхозпродукции и как возможность обеспечения самозанятости населения, повышения их доходов.

Среди наиболее существенных проблем, которые препятствуют распространению агроэкотуризма и трансформации соответствующих норм, следует отметить следующие.

1. Многие люди, которые могли бы заниматься предпринимательской деятельностью, не представляют себе другого занятия кроме выращивания сельскохозяйственной продукции, не имеют опыта,

который можно было бы использовать в агроэкотуристической деятельности, или не готовы брать на себя какую-либо ответственность. Ничего другого в жизни они просто не видели. Как уже отмечалось, те, кто создал свои усадьбы, имели более широкую картину мира в результате специфики своей профессии, опыта работы или путешествий.

2. Решением этой проблемы могли бы стать программы, позволяющие сельским жителям увидеть, а еще лучше – попробовать на практике альтернативный привычному образ жизни и деятельности, помогающие получить им необходимые знания.

3. Немногочисленные, но встречающиеся факты добровольно-принудительного безвозмездного использования агроэкоусадеб или возложение дополнительных обязанностей на их владельцев снижают мотивацию местного населения к занятию агроэкотуризмом.

4. В дальнейшем, при исследовании темы десоветизации хозяйственной и предпринимательской деятельности в сельской местности, было бы полезно более глубоко изучить влияние деятельности агроэкоусадеб на экономику соответствующих деревень, а также на мировоззрение и стиль жизни местного населения. Поскольку никакой официальной статистики по данному направлению существовать не может, для этого необходимо проведение полевых исследований и непосредственное общение с местными жителями.

Содержание и качество школьных учебников биологии с советского периода до настоящего времени

Александр МЕЛЕШКО,
кандидат биологических наук,
ведущий научный сотрудник

Объектом данного исследования в рамках проблемы десоветизации были выбраны школьные учебники биологии. Цель исследования – выявление характерных черт школьных учебников и предмета биологии в советский период, а также изменения, происходящие в постсоветский период в современной Беларуси. Дополнительной задачей исследования выступает оценка учебных пособий и общего качества образования.

При анализе учебников внимание уделялось таким аспектам как структура учебников, направленность материала, наличие элементов идеологии и пропаганды, способ подачи истории науки и дидактические качества учебников.

В исследование включены учебники старших классов средней школы «Общая биология» и «Анатомия и физиология человека». По возможности использовались все доступные типовые учебники, реально используемые в массовом школьном образовании на территории Беларуси (ранее БССР), относящиеся к трем периодам: Советского Союза (до 1990 года), переходного периода, от распада СССР до появления первых беларусских учебников (1991–2000 годы) и современные беларусские учебники биологии (после 2000 года). В итоге эмпирическую базу исследования составили следующие учебники и учебные пособия:

1. «Общая биология»: учеб. пособие для IX класса сред. школы / Е.А. Веселов. – 3-е изд. – Москва: Просвещение, 1965 г.
2. «Анатомия и физиология человека»: учебник для 8 класса сред. школы / Р.Б. Гарибьян, Н.Г. Марков. – 10-е изд. – Москва: Просвещение, 1965 г.

3. «Общая биология», 10–11 класс / Ю.И. Полянский, А.Д. Браун, Н.М. Верзилин. – Москва: Просвещение, 1970 г.
4. «Биология. Человек и его здоровье». Учебник для 9 класса. / Цузмер А.М., Петришина О.Л. – 20-е изд. – Москва: Просвещение, 1992 г.
5. «Общая биология», учебник для 10–11 класса, под редакцией Полянского Ю.И. / Ю.И. Полянский, А.Д. Браун, Н.М. Верзилин. – 23-е изд. – Москва: Просвещение, 1993 г.
6. «Биология. Человек и его здоровье». Учебник для 9 класса / Цузмер А.М., Петришина О.Л. – 21-е изд. – Москва: Просвещение, 1994 г.
7. «Общая биология». Учебное пособие для 10 класса общеобразовательной школы / Н.Д. Лисов, Л.В. Камлюк, Н.А. Лемеза. – Минск, «Ураджай», 2001 г.
8. «Общая биология». Учебное пособие для 11 класса общеобразовательной школы / Н.Д. Лисов, Л.В. Камлюк, Н.А. Лемеза. – Минск, «Беларусь», 2002 г.
9. «Биология». Учебное пособие для 10 класса общеобразовательной школы / Н.Д. Лисов, Н.А. Лемеза, В.В. Шевердов, Г.Г. Гончаренко. – Минск, «Народная асвета», 2009 г.
10. «Биология». Учебное пособие для 11 класса общеобразовательной школы / С.С. Маглыш, А.Е. Каревский. – Минск, «Народная асвета», 2010 г.
11. «Биология». Учебное пособие для 9 класса средней школы / Мащенко М.В., Борисов О.Л. – Минск, «Народная асвета», 2011 г.

Характеристика школьных учебников советского периода

Специально для наилучшего выявления типичных советских черт в исследование были включены старые советские учебники. Первым из доступных учебников общей биологии советского времени оказался учебник *Веселова Е.А. «Общая биология» для 9 класса средней школы, 1965 года издания.* До этого времени не найдено учебников по этому предмету для средней школы; предшествующие учебники были, как правило, переводными с немецкого или английского языка и предназначались для специального или высшего образования. Возможно, в

школьном образовании прежде не было такого предмета как общая биология. Очень похожий по способу подачи материала и направленности – учебник того же периода *«Анатомия и физиология человека» для 8 класса средней школы, авторы Р.Б. Гарибьян, Н.Г. Марков, 10-е издание, 1965 год.* Это типовой учебник, который переиздавался 11 раз с 1952 по 1966 год в почти неизменном виде.

Оба учебника отличаются многими архаичными советскими чертами как по содержанию, так и по форме подачи и направленности материала. Они составлены в период, когда наука подвергалась серьезной цензуре. В «Общей биологии» Веселова вообще нет раздела, посвященного генетике, и какого-либо описания материальной основы наследственности. Очень мало внимания уделено экологии. Экология не выделена как наука, и нет ни одной главы, посвященной экологии и учению о биосфере. Экологические понятия даже не упоминаются, хотя в то время уже давно использовались в биологии. Очень много внимания уделено эволюции, в том числе происхождению жизни, происхождению человека и искусственному отбору (селекции) – два раздела из трех, в том числе отдельный раздел по происхождению человека.

Очень сильно выражена **утилитарно-практическая** направленность материала. Уже во введении первый самый большой параграф называется «связь биологии с практикой». В рамках этого параграфа усиленно обосновывается необходимость биологии для практики: для сельского хозяйства, медицины, охоты, рыбоводства, лесного хозяйства, пищевой промышленности и т.д. В «Анатомии и физиологии человека» Гарибьяна во введении сразу указано на значение предмета для медицины, гигиены и психологии. Такое впечатление, что автор учебника пытается оправдать необходимость преподавания биологии в школе в принципе как полезного для общества предмета. И это отношение транслируется на протяжении всего учебника. Очень много указаний на пользу физического труда и спорта (физкультуры). Так, в разделе «мышечная система» целый параграф «Физическая работа» подробно описывает построение эргограммы и расчет произведенной работы мышц[1]. Очень много практически-утилитарных норм и предписаний: как правильно сидеть за партой, накладывать шину при пере-

[1] «Анатомия и физиология человека», учебник для 8 класса сред. школы / Р.Б. Гарибьян, Н.Г. Марков. – 10-е изд. – 1965 г., §12.

ломе, делать искусственное дыхание; дается описание различных видов спецодежды, разновидностей светильников для цехов и т.д.

Также очень заметна **идеологическая** направленность и **политизация** учебника. Несмотря на их неуместность в предмете биологии, текст изобилует «сверхценными» коммунистическими идеями: прямо на страницах учебника ведется борьба с «вражеской идеологией». Например, подчеркиваются преимущества СССР перед США, социализма перед капитализмом и т.д. В описании дарвинизма присутствует раздел «Недостатки во взглядах Дарвина»[2], в которых приводятся такие фразы: «Дарвин попал под влияние реакционных буржуазных политэкономических теорий, распространённых тогда в Англии»; «Мальтус пытался оправдать язвы капитализма законами природы» и т.д.

Некоторые идеологические вставки вообще не вытекают из содержания темы. Например, в учебнике Гарибьяна в параграфе «Физическая работа» говорится: «Однако работа человека зависит не только от правильного подбора нагрузки и темпа. Большое значение имеет состояние нервной системы. Исключительно велика роль сознания, понимание ее значения, необходимости и важности очень сильно повышает производительность труда. Поэтому труд в социалистическом обществе, где он является делом чести, славы, доблести и геройства, значительно производительней, чем труд в капиталистических странах»[3].

Особенно много подобных сентенций содержит последняя глава в приложении «Охрана и укрепление здоровья населения СССР»[4]. Последняя подглава основной части учебника «Забота СССР о подрастающем поколении» наполнена однообразными утверждениями о том, как государство заботится о трудящихся и как те должны быть глубоко благодарны: «Тяжелое материальное положение трудящихся в капиталистических странах не позволяет им поставить своих детей в условия, необходимые для нормального развития. Отсюда громадная детская смертность»[5]; «Советское государство создает все условия, необходимые для укрепления здоровья людей и охраны их труда. Забо-

---

[2] «Общая биология», учебник для 9 класса сред. школы / Веселов Е.А., 1965 г., с.225.

[3] «Анатомия и физиология человека», учебник для 8 класса сред. школы / Р.Б. Гарибьян, Н.Г. Марков. – 10-е изд. – 1965 г., с.47.

[4] «Анатомия и физиология человека», учебник для 8 класса сред. школы / Р.Б. Гарибьян, Н.Г. Марков. – 10-е изд. – 1965 г., с. 227.

[5] «Анатомия и физиология человека», учебник для 8 класса сред. школы / Р.Б. Гарибьян, Н.Г. Марков. – 10-е изд. – 1965 г., с.199.

та государства о человеке начинается до его рождения и продолжается в течение всей его жизни»[6].

Можно выделить **мировоззренческую функцию** предмета, представленную в этих учебниках. Несколько раз отмечается «роль биологии в борьбе с суевериями и религиозными предрассудками», а также с метафизикой и идеализмом.

Необходимо отметить превалирование эмпирического содержания над теоретическим. В учебниках представлено много эмпирических демонстраций, простых опытов, наглядно-образных примеров. Например, ученикам предлагается поднимать и удерживать килограммовую гирю для того, чтобы оценить разницу в статической и динамической нагрузке[7]. В учебнике показаны некоторые эксперименты физиологов в виде серии рисунков: например, раздражение и моторные реакции у обезглавленной лягушки; походка собаки после удаления мозжечка и т.д. Подробно описаны эксперименты Павлова на собаках.

Теоретическая направленность в учебниках выражена слабо. Основные понятия, законы, концепции недостаточно раскрыты и оформлены. Экспериментальный доказательный подход, столь характерный для современной науки, не прослеживается вообще. Биология преподносится скорее как отрасль народного хозяйства, чем самостоятельная наука. Однако присутствуют необычные для биологии глубокомысленные формулировки, возможно, позаимствованные из марксистско-ленинской философии[8]: «§22. Закон единства организмов и условий их жизни. Раздел II. Историческое развитие органического мира и познание его закономерностей. Глава X. Наука о законах развития органического мира».

Несмотря на многократные апелляции к материализму, практике и жесткую критику идеализма, метафизики и религии, изложение теоретических, претендующих на научность положений производит впечатление чего-то религиозно-культового, тотальных, единственно верных теорий, в которые можно только верить.

Из ключевых фигур в истории биологии наиболее часто встречается Дарвин, однако эта фигура затушевывается из-за постоянных

---

6 «Анатомия и физиология человека», учебник для 8 класса сред. школы / Р.Б. Гарибьян, Н.Г. Марков. – 10-е изд. – 1965 г., с.202.

7 Анатомия и физиология человека», учебник для 8 класса сред. школы / Р.Б. Гарибьян, Н.Г. Марков. – 10-е изд. – 1965 г., §12.

8 «Общая биология», учебник для 9 класса сред. школы / Веселов Е.А., 1965 г., §22.

упоминаний Маркса и Энгельса. Энгельсу отводится особая роль «исправления» недостатков и «заблуждений» Дарвина[9]. Несколько раз упоминается Энгельс и его тезисы «о существовании белковых тел» и «о роли труда в превращении обезьяны». При описании развития эволюционных представлений указывается последовательность Линней – Ламарк – Дарвин, после чего следует раздел с характерным названием: «Мичурин – основоположник нового этапа биологической науки»[10]. Вообще, Мичурину уделяется неоправданно много внимания. Приводится его биография, по объему соизмеримая с биографией Дарвина, с подчеркиванием роли советского строя в возможности реализации его научных идей. До революции из-за «косности и бездушия царских чиновников» Мичурин «оставался обиженным и отверженным», а началась «новая эра в жизни великого естествоиспытателя после Октябрьской революции»[11]. В описании заслуг Мичурина приводятся исключительно практические достижения селекционной работы. Известный репрессированный советский генетик Н.И. Вавилов не упомянут в учебнике ни одним словом. Много внимания уделено И.П. Павлову в рамках изложения тем о физиологии пищеварения и учения об анализаторах: «§54. И.М. Сеченов и И.П. Павлов – основоположники материального учения о высшей нервной деятельности»[12].

Оба учебника не производят впечатления пособий по предмету, который представляет отдельную науку. Собственно научно-теоретическим биологическим проблемам вообще не уделяется внимания; вся «наука» сильно «сплюснута» в практически-утилитарном направлении. Учебный материал сильно нагружен социализирующими, идеологическими и политическими функциями. Несмотря на подробное описание некоторых научно-экспериментальных подходов, содержание предмета раскрыто поверхностно. Все закономерности и выводы представлены как окончательно установленная неизменная истина. При этом обращает на себя внимание «недетская» серьезность текста, стиля и оформления учебников (что сильно отличает их от более

9 «Общая биология», учебник для 9 класса сред. школы / Веселов Е.А., 1965 г., с.225.

10 «Общая биология», учебник для 9 класса сред. школы / Веселов Е.А., 1965 г., §34.

11 «Общая биология», учебник для 9 класса сред. школы / Веселов Е.А., 1965 г., с.183.

12 «Анатомия и физиология человека», учебник для 8 класса сред. школы / Р.Б. Гарибьян, Н.Г. Марков. – 10-е изд. – 1965 г., с.177.

поздних). Создается впечатление, что учебник наиболее пригоден для окончательного образования людей рабочих специальностей. Качество образования можно оценить как удовлетворительное для людей, которые после 9 класса направляются на заводы и фабрики.

Реформа советских учебников биологии

В начале 1970-х годов произошла модернизация учебных программ и учебников биологии, очищение от лысенковщины, дополнение новыми научными данными, реабилитация генетики. В 1965–1966 годах был создан авторский коллектив под руководством профессора Ю.И. Полянского, куда входили А.Д. Браун, Н.М. Верзилин и другие. Ими был подготовлен новый учебник «Общая биология» для 9–10 классов[13]. Первые экспериментальные версии учебника вышли тремя изданиями в 1966, 1967 и 1968 годах, были подвергнуты критике и исправлениям[14], после чего он издавался в почти неизменном виде 23 раза вплоть до 1993 года, а его использование в школах продолжалось еще несколько лет после выхода последнего издания.

Один из ранних учебников этой серии, ставший в СССР типовым повсеместно, – *«Общая биология» для 10–11 классов, авторы Ю.И. Полянский, А.Д. Браун, Н.М. Верзилин, 1970 года издания.* Этот учебник, хотя довольно сырой в дидактическом плане и с плохим оформлением, представлял собой значительный прогресс по сравнению с предыдущими версиями.

На первое место выдвинуто эволюционное учение, и это самый большой раздел. Появилась цитология (учение о клетке), но не в виде отдельного блока, а как часть раздела об индивидуальном развитии и истории развития жизни. Появилась генетика, а также основы молекулярной биологии, довольно кратко и невнятно изложенные. Также выделились в отдельный (последний) раздел «экология и учение о биосфере».

В изложении материала несколько меньше, чем прежде, выражена **практически-утилитарная** направленность. Биология начинает представляться как наука, обладающая своим теоретическим подходом. **Идеологический** подход по-прежнему сильно выражен, хотя и с мень-

[13] Проблемы модернизации школьных учебников биологии. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 1–3 февраля 2005 г.
[14] Армянский биологический журнал, т. 11, №7, 1968 г.

шей степенью политизации: нет многократных упоминаний о превосходстве СССР над капиталистическими странами, но четко указывается на разграничение метафизического (идеализм) и естественнонаучного (материализм) мировоззрения.

В описании эволюции довольно подробно представлена история развития теорий. В додарвиновский период описаны Линней и Ламарк. Отдельный параграф описывает вклад русских ученых XVIII века (Ломоносов, Радищев, Рулье), при этом акцент ставится скорее на мировоззренческих, чем на собственно научных аспектах. В главе о происхождении человека (§23) изложение ведется буквально «от Энгельса» – кратко пересказывается его статья «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Вклад Энгельса оценивается как исключительно удачный и окончательно безошибочный[15]. При описании клеточной теории не слишком подробно выделяются фигуры ученых. Упоминаются Гук, Шлейден, Шванн, Бэр. В разделе о генетике описаны законы и опыты Менделя, теория сцепленного наследования Моргана, кратко описано учение Вавилова о гомологичных рядах изменчивости. Отдельный параграф отводится Мичурину. После каждой теории обязательно упоминается, что ее высоко оценил Ленин или Энгельс.

В общем, история науки представлена полнее, чем в предыдущих учебниках, однако перегружена отсылками к авторитету и оценкам Маркса, Энгельса, Ленина. В этом учебнике сохраняется тенденция нанизывать биологию на основные положения диамата, однако это уже скорее внешние декорации, чем лейтмотив. Хотя содержание материала в учебнике более полное и актуальное, чем в учебнике Веселова, он плохо систематизирован, перегружен, плохо оформлен. Иллюстрации черно-белые, текст однообразен, поэтому материал сложен даже для восприятия взрослого человека с профильным образованием. Дидактическое качество учебника низкое.

За последние 20 лет советской власти учебники переиздавались каждый год с незначительными изменениями, касающимися главным образом оформления. Качество учебников возрастало, но содержание существенно не менялось. Поэтому для дальнейшего сравнительного анализа были взяты учебники переходного периода – последние издания советских версий.

[15] В настоящее время статья Энгельса считается несостоятельной.

Учебники переходного периода

Классический позднесоветский учебник общей биологии, который также был основным учебником переходного периода в Беларуси вплоть до 2001–2003 годов, это очередной и последний *учебник для 10–11 класса под редакцией Полянского Ю.И. – «Общая биология» образца 1988 года, 1993 года издания*.

Последний учебник из этой серии – 23-е издание, бежевый, с моделью ДНК на фоне клетки на обложке – надолго задержался в системе школьного образования: его до сих пор можно найти в библиотеках большинства средних школ.

Структура учебника следует традиции, заложенной в более ранних учебниках этой серии, хотя содержание расширено и часть материала разнесена по отдельным главам. Так, например, эволюционное учение, традиционно идущее в начале книги, выделено в отдельную главу, посвященную теории эволюции. Отдельно вынесены разделы «Развитие органического мира» и «Происхождение человека». Экологический блок материала, традиционно располагающийся в конце учебника, здесь вынесен в середину и разделен на две главы – «Основы экологии» и «Учение о биосфере». В свою очередь, генетика и селекция разделены на два раздела, причем основы генетики занимают вдвое больший объем, чем селекция.

Таким образом, учебник претерпел некоторые структурные перестройки. Произошла бóльшая тематическая детализация, при этом общий объем учебника в страницах сокращен, по сравнению с первой книгой в серии. Детализация состояла главным образом в разделении вводной теоретической части (основы... учение...) и частных, или практических, вопросов. В учебнике присутствуют очень сложные для уровня средней школы теоретические разделы по молекулярной биологии (репликация, транскрипция, трансляция) и биохимии (дыхание и фотосинтез).

В учебнике сильно выражена **теоретическая** направленность материала. Довольно много абстрактно-логических и схематических элементов, что требует развитого мышления для понимания материала. В этом отношении учебник резко контрастирует с раннесоветскими учебниками, ориентированными на простого рабочего человека. Материал подается уже в свете полноценного естественнонаучного мировоззрения без описания этого мировоззрения как идеологии.

Советско-идеологический компонент учебника резко снижен. Нигде в книге нет описания ужасов капитализма, борьбы с идеализмом, метафизикой, религиозным мракобесием. Более того, название страны вообще не встречается, так как учебник переиздан после распада СССР. Используется название «наша страна», например: «В нашей стране принят Закон об охране и использовании животного мира»[16]. Что интересно, гораздо больше, чем внутренней политике, уделено внимания международным нормам и стандартам. Так, введение[17] почти полностью состоит из описания природоохранных мероприятий, проводимых ООН, указывается на совещание ОБСЕ 1975 года, присутствует ссылка на «Всемирную Хартию природы», провозглашенную ООН в 1982 году, и т.д. В последней главе описываются мероприятия ЮНЕСКО и ее программа «Человек и биосфера» 1971 года[18]. Более того, в качестве примера международного сотрудничества приводятся подписанные «нашей страной» соглашения с США, Англией, Францией, Швецией и Канадой (в отношении исследования Арктики).

Описание истории науки представляет собой кальку с прежних версий учебника за вычетом политических экскурсов. Несколько раз упоминается Энгельс. Приводится его изречение «жизнь как способ существования белковых тел», которое в этой версии учебника уже не догматизируется, но политкорректно обходится: «Определение Ф.Энгельса, прекрасное по форме и глубокое по содержанию, до сих пор пользуется широким признанием. Однако после выхода «Анти-Дюринга» прошло более ста лет. За это время в разных областях естествознания сделаны крупные открытия. В связи с этим многие ученые считают целесообразным расширить и дополнить характеристику живого тела»[19].

Далее приводятся термодинамические качества живых систем, способность к авторегуляции, способность к самовоспроизводству и

---

[16] «Общая биология», учебник для 10–11 класса, под редакцией Полянского Ю.И. – Ю.И. Полянский, А.Д. Браун, Н.М. Верзилин, 1993, стр.8.

[17] «Общая биология», учебник для 10–11 класса, под редакцией Полянского Ю.И. – Ю.И. Полянский, А.Д. Браун, Н.М. Верзилин, 1993, стр.9.

[18] «Общая биология», учебник для 10–11 класса, под редакцией Полянского Ю.И. – Ю.И. Полянский, А.Д. Браун, Н.М. Верзилин, 1993, стр.273.

[19] «Общая биология», учебник для 10–11 класса, под редакцией Полянского Ю.И. – Ю.И. Полянский, А.Д. Браун, Н.М. Верзилин, 1993, стр.197.

наличие генетической информации. В общем, авторы дают понять, что диамат в области естествознания безнадежно устарел.

В целом учебник представляет собой неплохое, довольно прогрессивное по сравнению с прежними версиями учебное пособие. Сильной стороной является очищение предмета от советской идеологии и политизации. Утилитарно-практическая направленность отодвинута на второй план по отношению к научно-теоретическому содержанию. В учебнике удовлетворительно решена задача изложения большого числа сложных научных данных в ограниченных рамках школьного курса. Уровень биологического образования соответствует уровню науки 1970-х годов. Учебник остается довольно консервативным, бóльшая часть содержания и рисунков перешла из старых версий. При этом учебник неплохо оформлен, хорошо иллюстрирован в цвете, удобен для пользования. Дидактические качества учебника хорошие, за исключением разделов по молекулярной биологии и биохимии, которые слишком сложны в изложении для школьников.

Одновременно с последними изданиями учебника Полянского по общей биологии в постсоветском периоде начала 1990-х в употреблении был российский учебник для 9 класса по анатомии и физиологии человека – *«Биология. Человек и его здоровье» издательства «Просвещение», авторы Цузмер А.М. и Петришина О.Л.* Этот учебник издавался много раз в советское время; последние два издания, 20-е и 21-е, 1992 и 1994 годов, являются идентичными.

В учебнике отсутствует содержание **политического** или **идеологического** характера. Можно сказать, что в этих изданиях формально выполнена полная десоветизация. Однако стиль написания сохраняет много характерных советских черт.

Выраженность **утилитарно-практической** направленности учебника незначительно снизилась по сравнению с учебниками советского типа. Материал преподносится так, словно знания предмета не очень нужны как естественнонаучные, но должны быть полезны для ученика в его будущей деятельности и различных жизненных ситуациях. Очень много рекомендаций по профилактике заболеваний и инструкций по оказанию первой помощи (во всех разделах). Можно выделить также **воспитательную** и **пропагандистскую** направленность материала. Много нравоучений, описания идеалов и образцов, хотя выражено это в менее навязчивой форме, чем в прежних учебниках. В

первую очередь это приучение к труду, спорту, здоровому образу жизни, борьба с алкоголизмом и курением, режим правильного питания школьника. Например: «мыть волосы нужно не чаще 1 раза в 10 дней»; «малопривлекательным курение делает девушек»; «брак – узаконенный государством равноправный союз двух взрослых людей»[20].

Эмпирическая направленность выражена меньше, чем в прежних учебниках. Нет рисунков опытов на собаках, лягушках, предложений ученикам делать упражнения и т.д. В конец учебника вынесен лабораторный практикум, т.е. теоретическая и практическая часть разделены. В общем, этот учебник сохранил больше архаизмов и советских черт, чем последнее издание «Общей биологии» Полянского.

Беларусские учебники по биологии

После распада СССР в течение почти 10 лет школьное биологическое образование продолжалось на основе поздних советских учебников. В конце 90-х годов XX века в системе образования РБ обсуждался вопрос: использовать российские учебники или создать свои собственные. Для биологии вопрос был решен в пользу второго варианта.

Первые беларусские учебники по общей биологии для средней образовательной школы появились в 2001–2002 годах. Курс общей биологии был разделен на два года, для 10 и для 11 класса, с разделением программы: в 10 классе изучался клеточный и организменный уровень, в 11 – экологический и эволюционный, т.е. надорганизменный уровень.

Первый из двух учебников – *«Общая биология» для 10 класса общеобразовательной школы, Минск, «Ураджай», 2001 года издания.* Учебник был написан коллективом авторов беларусских вузов: кандидат биологических наук Лисов Н.Д., завкафедры ботаники и основ сельского хозяйства БГПУ им. М.Танка; доктор биологических наук Камлюк Л.В., преподаватель кафедры экологии биофака БГУ, и кандидат биологических наук Лемеза Н.А., преподаватель кафедры ботаники биофака БГУ.

Сразу обращает на себя внимание изменение структуры учебника и порядка изложения материала. Впервые учебник начинается не с эволюционного учения, а с клеточной теории и молекулярных основ

[20] «Биология. Человек и его здоровье». Учебник для 9 класса. Цузмер А.М., Петришина О.Л. 21-е издание, Москва, «Просвещение», 1994 г., с. 153; 166; 167.

жизни. Все темы четко разделены на две половины: в первом разделе все завязано на клетку, во второй – на организм. Во втором разделе добавлен большой блок данных о тканях, органах, системах органов растений и животных. Этого материала в курсе общей биологии прежде не было. После основ генетики, из которых полностью исключена селекция, вставлена глава, посвященная экологии применительно к организму – экологические факторы и адаптация. Несмотря на изменение структуры учебника и порядка отдельных разделов, содержание параграфов похоже на предыдущие версии учебников, но со вставками блоков нового материала.

Наряду с принципиальными отличиями в структуре и порядке изложения материала в самом изложении просматриваются некоторые архаичные черты. Например, введение начинается с определения биологии как науки и определения жизни. Последнее из определений звучит следующим образом: «Жизнь – способ существования открытых коллоидных систем, обладающих свойствами саморегуляции, воспроизведения и развития на основе биохимического взаимодействия белков, нуклеиновых кислот и других соединений вследствие преобразования поступивших из внешней среды веществ и энергии»[21].

Далее перечисляются и описываются уровни организации живой материи. Похоже, тут сказывается многолетняя традиция отношения к биологии, на которую и опирались авторы. Определение жизни уже не Энгельсово, но похоже по манере («жизнь как способ существования»). «Уровни организации живой материи» – тоже калька с марксизма.

Материал учебника носит выраженную **научно-теоретическую** направленность. Учебник, несомненно, формирует отношение к биологии как к сложной, серьезной и самостоятельной науке. Очень ограниченна **практическая** направленность материала. Присутствуют лишь отдельные упоминания, например, о медицинском или бытовом применении знаний. Указаний на сельское хозяйство и промышленность не обнаружено. Очевидно, авторы вообще не задумывались о народном хозяйстве, что резко контрастирует с советскими учебниками. Какая-либо **политическая**, **идеологическая** направленность полностью отсутствует. История науки и фигуры ученых, в общем, пред-

---

[21] «Общая биология». Учебное пособие для 10 класса общеобразовательной школы, Н.Д. Лисов, Л.В. Камлюк, Н.А. Лемеза. Минск, «Ураджай», 2001 г., стр. 3.

ставлены еще меньше, чем в последнем издании учебника Полянского. При этом эта часть материала крайне неоднородно распределена по темам и главам учебника и представлена несистемно, фрагментарно. В учебнике нет ни единого упоминания о Марксе, Энгельсе, Ленине.

Подводя итог данного раздела, можно отметить, что первый беларусский учебник по биологии, созданный на основе переходных учебников начала 1990-х годов, имеет принципиальные отличия в структуре изложения, а также характеризуется значительным расширением объема материала. В то же время учебник довольно сырой, перегружен, сложен для восприятия. Молодые сотрудники-биологи, которые учились по этому учебнику в школе, дают крайне негативные отзывы, называя его слишком сложным.

Второй учебник является продолжением первого: *«Общая биология», учебное пособие для 11 класса общеобразовательной школы, Минск, «Беларусь», 2002 год.* Авторы те же – Н.Д. Лисов, Л.В. Камлюк, Н.А. Лемеза.

В этом учебнике впервые раздел «Эволюция» и связанные с ним вопросы появления жизни и происхождения человека не вынесены на первое место, как это было во всех предыдущих советских и переходных учебниках. На первое место вынесены понятия вида и популяции (глава 1) и основы экологии (глава 2). Такой порядок является адекватным и логичным для лучшего понимания теории эволюции. Эволюционные разделы (главы 3–6) занимают в сумме бóльшую часть учебника – 174 страницы, 63% всего объема учебника. Такое преобладание оправданно, так как теория эволюции – самый важный раздел всей биологии. Впервые в школьной программе эволюционное учение разделено на две части – историческую (формирование исторических взглядов) и современные представления об эволюции. Это разделение необходимо в связи с выделением синтетической теории эволюции на основании современных научных данных. В разделе «Происхождение жизни» (глава 5) добавлено многообразие органического мира и, что нетрадиционно, раздел про вирусы. Раздел «Происхождение человека» (глава 6), самый большой в учебнике, заканчивается экологическим разделом «Человек и среда», за которым следуют целых три главы, посвященные влиянию радиации. Эта вставка выбивается из тематики раздела и, очевидно, была внесена авторами, исходя из специфической актуальности проблемы радиации для Беларуси.

Также как и предыдущий учебник тех же авторов, этот имеет выраженную, предметную**, научно-теоретическую направленность**. Пособие не имеет никаких признаков политической или идеологической направленности, за исключением заметного уклона в сторону экологического мышления и озабоченности вопросами охраны природы. То есть можно сказать, что учебник имеет некоторую **экологическую** направленность.

Фигуры ученых в этом учебнике представлены лучше и полнее, чем в предыдущем. Общее количество упоминаемых ученых в тексте достаточно велико. Чаще всего приводятся фамилия, годы жизни и термин, закон или открытие, сделанные ученым. О некоторых ученых дается более подробная справка с портретом. В параграфе «Биологические и социальные факторы эволюции человека» вначале упомянут Дарвин, выделивший биологические факторы антропогенеза, затем Энгельс со своей работой о труде, выделивший, по мнению авторов учебника, социальные факторы. Два подраздела в этом параграфе, соответственно, названы: «Труд как фактор эволюции человека» и «Общественный образ жизни как фактор эволюции». «Человека умелого» выделяют из животных по признаку трудовой деятельности. Необходимо отметить, что упоминание Энгельса, характерные названия и понятия являются архаичными чертами, просто позаимствованными из прежних советских учебников, никак не переосмысленными и не интерпретированными. И это притом что «общественный труд» – часть идеологии марксизма, а не категория из современной концепции антропогенеза.

В целом учебник достаточно подробный и содержательный, но при этом, как и предыдущий, довольно сложный и перегруженный материалом. Учебник неплохо оформлен, содержит много иллюстраций. Дидактические качества учебника вызывают сомнения. Несмотря на обновление и существенное расширение объема материала по сравнению с переходными учебниками, в структуре учебника, раскрытии некоторых тем и понятий просматриваются архаичные, советские черты.

К концу 2000-х годов выходит новая серия беларусских учебников по биологии. Учебники подвергнуты серьезной переработке: сокращен материал, изменена структура, модернизировано содержание, а также улучшено оформление. С этого времени все учебники называ-

ются одинаково – «Биология»; названия «Общая биология», «Анатомия и физиология» и т.д. упразднены.

Первым был издан учебник для 9 класса в 2005 году. Он переиздавался в 2006-м, затем, с изменениями, в 2011-м. Последний учебник был выбран в качестве материала для исследования. *Мащенко М.В., Борисов О.Л. Биология, учебное пособие для 9 класса средней школы, Минск, «Народная асвета», 2011 год.*

Учебник открывается кратким предисловием, адресованным ученикам, на следующей странице – краткая справка, как пользоваться учебным пособием, затем – краткое введение. Во введении даются определения наук и предметов: анатомии, физиологии, психологии, медицины и гигиены. В конце – определение здоровья по версии Всемирной организации здравоохранения. Распределение материала по главам качественно новое. Первая глава «Общий обзор систем человека» кратко и последовательно описывает строение и типологию клетки, тканей, органов и систем органов, организма. Вторая глава вводит понятия функции, регуляции, саморегуляции и гомеостаза. Подобный интегрированный и сосредоточенный на главном подход впервые появляется в этом предмете и не имеет аналогов в прошлом. Несмотря на сжатость материала, дается бóльший объем знаний. Так, например, в главе «Нервная система» описывается не только рефлекторная дуга, но и строение синапса, функции отделов головного мозга, зоны коры больших полушарий, физиологические роли симпатической и парасимпатической нервной системы[22] и т.д.

В структуре учебника много инноваций, связанных с терминами, понятиями, концепциями, дополнительными разделами. Так, например, впервые появляются отдельные параграфы «Иммунная система», «Внутренняя среда организма», «Планирование семьи», «Инфекции, передающиеся половым путем», целая глава «Поведение и психика» – дающаяся отдельно от главы «Нервная система».

Трудно выделить какую-либо идеологическую или методологическую направленность этого учебника. Материал и форма подачи очень нейтральны и хорошо сбалансированы между теорией и практикой, но эмпирическая направленность немного преобладает над научно-теоретической. Воспитательная направленность тоже присут-

[22] «Биология», учебное пособие для 9 класса средней школы, Мащенко М.В., Борисов О.Л. Минск, «Народная асвета», 2011 г., глава 3.

ствует в минимальном объеме в отдельных частях параграфов. В целом материал направлен скорее на полезные для ученика базовые знания и навыки, необходимые для сохранения здоровья.

Истории науки и фигурам ученых уделено минимальное внимание. В некоторых параграфах есть историческая справка, обычно выделенная из основного текста мелким шрифтом, где приводятся сведения об открытиях и их авторах. Их немного, и большинство – отнюдь не советские ученые. Например, указывается, что постоянство внутренней среды открыл французский ученый К. Бернар, а гомеостаз – американский ученый У. Кеннон. Присутствует отдельная справка о Павлове. Однако в основном ученые упоминались в новых частях материала, которых не было в старых учебниках.

Оформление и дидактические качества учебника великолепные. Учебник отлично иллюстрирован качественными цветными рисунками, причем не теми, которые десятилетиями повторялись в разных изданиях прежде. Учебник написан в очень ученик-friendly[23] стиле. Предисловие начинается словом «Друзья!». Инструкции по учебнику заканчиваются фразой «Желаем успехов!». В тексте есть выделенные рубрики «Это интересно» (и это действительно интересно), «Историческая справка», «Подумайте». Заголовки, подзаголовки, термины и ключевые слова выделены цветом, шрифтом или курсивом. Важные термины и понятия вынесены в конце каждого параграфа в рамке, в конце учебника – словарь. Чувствуется, что авторы целенаправленно делали учебник наиболее простым и удобным для учеников. Подобная ориентация на облегчение учебы не аналогична «простоте» старых советских учебников – там учебник был направлен на рабочих и крестьян как социальный слой, а здесь видно стремление снизить психологическую нагрузку на ученика, изучающего много сложных и современных предметов.

К концу 2000-х были выпущены новые учебники по биологии для 10–11 классов. Первый из них – *«Биология», учебное пособие для 10 класса общеобразовательной школы, Минск, «Народная асвета», 2009 год.* Этот учебник, как и предыдущая версия, издается под редакцией Лисова, но состав авторов изменился. Преподаватель БГУ Л.В. Камлюк вышла из их состава, но добавился профессор, член-корреспондент НАН Г.Г. Гончаренко, с 2002 года заведующий кафедрой Гомельского

---

[23] Friendly *(англ.)* – дружественный

государственного университета им. Ф. Скорины, и В.В. Шевердов, доцент кафедры общей биологии БГПУ им. М. Танка.

Во введении к этому учебнику не дается «универсальное» определение жизни, вместо этого говорится о биоразнообразии и общих чертах, отличающих живую природу от неживой. В структуре и содержании учебника заметно улучшение порядка изложения и дополнение новым материалом, а также применение новых дидактических подходов. Начинается книга с изложения химических основ – состава живого вещества. После воды и солей (неорганических веществ), что было и в прежней версии учебника, внятно прописаны представление о кислотности (pH) и понятие о буферных растворах. В следующей главе, об органических веществах, дается понятие о биополимерах, после чего в разных параграфах подробно излагаются структура и функции белков, углеводов, липидов и нуклеиновых кислот. Завершает главу новый параграф о биологически активных веществах.

Материал о строении клетки уточнен и обновлен. Введен отдельный параграф для клеточной мембраны и ее функций. Параграф о цитоплазме включает в себя описание цитоскелета. Всем органеллам отводится отдельный параграф. Только после полного изучения клетки дается сравнительная характеристика прокариот и эукариот, причем прокариоты (бактерии) даются в сравнении грамположительных и грамотрицательных, а эукариоты – в сравнении клеток животных, растений, грибов и протистов. Энергетика (дыхание, брожение, фотосинтез) и реализация генетической информации вынесены в этом учебнике из главы о строении клетки в отдельную главу[24]. Это удачное решение, облегчающее усвоение материала. Сложные биологические процессы изложены кратко и четко. Отдельная глава посвящена обзору структурной организации в привязке к основным функциям, причем преобладает функциональный подход[25]. В этой главе реализован «горизонтальный» принцип, т.е. сравнение структур и функций (тканей и органов) растений и животных, – подход, характерный для западных, но не советских учебников. Отдельный параграф посвящен

[24] «Биология». Учебное пособие для 10 класса общеобразовательной школы / Н.Д. Лисов, Н.А. Лемеза, В.В. Шевердов, Г.Г. Гончаренко. – Минск, «Народная асвета», 2009, глава 3.

[25] «Биология». Учебное пособие для 10 класса общеобразовательной школы / Н.Д. Лисов, Н.А. Лемеза, В.В. Шевердов, Г.Г. Гончаренко. – Минск, «Народная асвета», 2009, глава 4.

регуляции метаболизма – опять же в «горизонтальном» подходе. В конце учебника следуют три главы, посвященные иммунологии: общая неспецифическая защита организма, специфическая иммунная защита, иммунный ответ. Эти нововведения являются, несомненно, прогрессивными. Размножение и основы генетики изложены с небольшими улучшениями в объяснении и оформлении. В конце книги добавлен новый раздел – «Селекция и биотехнология», посвященный современным направлениям и методам биотехнологии и генетической инженерии животных, растений и микроорганизмов.

Учебник сбалансирован между **научно-теоретической** и **практической** направленностью материала, однако теоретическая направленность преобладает, что и соответствует предмету общей биологии. Практическое значение обосновано на уместных примерах, в некоторых местах связанных с демонстрацией или применением каких-то процессов или функций в производстве, медицине и т.д. Появляется **методическая** направленность, т.е. уделяется внимание исследовательским или технологическим подходам и методам в биологии (например, инструменты и методы генетической инженерии).

История науки и фигуры ученых представлены в этом учебнике достаточно полноценно. В соответствующих местах добавлены вставки с краткими справками об ученых и их портретами. Кроме того, есть специально вынесенные исторические вставки мелким шрифтом. Наконец-то появились ссылки на такие важные фигуры как Френсис Крик, Джеймс Уотсон (открытие ДНК), включены генетики Мендель, Морган, Вавилов и др., четыре автора клеточной теории, описание экспериментов Геммерлинга по удалению ядра из ацетабулярии, информация о шести открывателях фотосинтеза, включая беларусского ученого Т.Н. Годнева.

Качество учебника как дидактического материала очень хорошее. Главное отличие от прежней версии учебника – значительно улучшенное оформление. Структура и содержание материала учебника также были несколько изменены и улучшены и уже не следуют традициям, транслирующимся в постсоветских учебниках. Материал неплохо модернизирован: больше используется функциональный подход, «горизонтальный» подход в описании общих функций и принципов у растений и животных, добавлены сведения о современных методах биотехнологий.

Продолжение курса биологии в 11 классе осуществляется по новому учебнику: *С.С. Маглыш, А.Е. Каревский, «Биология», учебное пособие для 11 класса общеобразовательной школы, Минск, «Народная асвета», 2010 г.*

Интересно, что учебник написан не минскими, а гродненскими авторами. Маглыш Сабина Степановна – кандидат биологических наук, доцент кафедры экологии Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, автор пособия для углубленного изучения курса «Общая экология» при подготовке специалистов-экологов. Каревский Александр Евгеньевич – заместитель декана факультета биологии и экологии того же университета, кандидат биологических наук, доцент, эколог.

Структура учебника и состав материала претерпели сильные изменения. Учебник совершенно не похож на учебники постсоветского типа. Можно сказать, учебник написан заново, со значительными улучшениями.

Значительная часть содержания отведена экологической тематике. 1-я, 2-я, 3-я и 7-я главы имеют отношение к экологии – 128 страниц из 231, что немного больше половины учебника. Это единственный учебник по биологии, где экологическая тематика по объему превышает эволюционную.

1-я глава, вводящая понятие экологии, содержит материал об экологических факторах на уровне организма, который в учебнике прежней серии (2001 года издания) входил в учебник 10 класса. Здесь этот блок вынесен из 10 класса и совмещен с общим блоком экологии.

2-я глава раскрывает понятия вида и популяции, а также экологические характеристики популяций.

3-я глава – чисто экологическая, хорошо раскрывающая тему экосистем (биоценозов).

4-я глава посвящена теории эволюции. Примечательно, что этот раздел имеет совсем иную структуру, чем прежде. В предыдущей версии учебника (2001 года) эволюционный раздел включал 4 главы. В этом учебнике соответствующая глава начинается с краткого обзора происхождения жизни на Земле, после чего следует теория эволюции Дарвина, а предшествующие теории даются в виде небольшой исторической справки мелким шрифтом (дополнительный материал). Учение Дарвина раскрывается довольно подробно (3 параграфа), после чего

следует синтетическая теория эволюции (еще 5 глав), а далее еще 4 главы, посвященные макроэволюции. Достаточно детализированный эволюционный раздел выглядит несколько тавтологичным: так, например, один из параграфов под названием «*Движущие силы и основные результаты эволюции по Ч. Дарвину*» описывает борьбу за существование и естественный отбор[26], а другой – «*Движущие силы эволюции*» описывает *формы* борьбы за существование и *формы* естественного отбора[27]. Таким образом, эволюционный раздел достаточно детальный, но недостаточно хорошо структурирован. Завершается раздел почему-то довольно подробной главой о вирусах.

5-я глава, посвященная происхождению человека, написана довольно легко и подробно, но при этом несколько наивно, с многочисленными неточностями, несколькими грубыми ошибками и наибольшим количеством устаревших черт. Энгельс по-прежнему фигурирует здесь как авторитет в области антропогенеза.

6-я глава – «Поведение как результат эволюции» – абсолютная инновация и, несомненно, прогрессивное обретение. Последний параграф в этой главе – «Поведение человека» – демонстрирует пирамиду Маслоу[28]. Этот важный раздел еще очень сырой и нуждается в концептуальной переработке.

7-я глава – «Биосферная экология», почти половина ее посвящена природоохранным задачам. Примечательно, что много внимания уделено Беларуси – описываются в том числе все заповедники и национальные парки.

Учебник имеет выраженную **абстрактно-теоретическую**, **научно-ориентированную** направленность, при этом он не кажется излишне сложным. **Практическая** направленность также присутствует, главным образом экологического, в меньшей степени – сельскохозяйственного, еще меньшей – медицинского характера. Также можно выделить **экологическую** направленность учебника, что вообще является характерной беларусской традицией школьного курса биологии.

[26] «Биология». Учебное пособие для 11 класса общеобразовательной школы / С.С. Маглыш, А.Е. Каревский. – Минск, «Народная асвета», 2010 г., §27.

[27] «Биология». Учебное пособие для 11 класса общеобразовательной школы / С.С. Маглыш, А.Е. Каревский. – Минск, «Народная асвета», 2010 г., §29.

[28] «Биология». Учебное пособие для 11 класса общеобразовательной школы / С.С. Маглыш, А.Е. Каревский. – Минск, «Народная асвета», 2010 г., §44.

История науки и фигуры ученых представлены полноценно. Для каждого учения, правила или закона, многих терминов и понятий указаны автор и год открытия. Есть и отдельные исторические справки, выноски мелким шрифтом, а также портреты или фотографии некоторых ученых.

Качество учебника как дидактического средства очень хорошее. Оформление и иллюстрации великолепные. Кроме того, заметны перемены и в последовательности тем, и в самом содержании. Принципиально новым является раздел «Поведение как результат эволюции», посвященный достижениям этологии, хотя само название этой науки почему-то не вводится. Особенностью является выраженное преобладание экологической тематики. Недостатками являются необработанность и отсталость эволюционных разделов.

Заключение

Сравнительный анализ учебников биологии от середины 60-х годов XX века до настоящего времени позволяет выявить характерные черты советских норм и идеологем, отразившихся в этом предмете школьного образования, а также наблюдать постепенное исчезновение этих черт или их модификацию в современных учебниках.

Первое, что следует отметить, это тотальное проникновение советско-коммунистической идеологии даже в учебники биологии в советский период. Идеологическая составляющая выражалась в следующих аспектах:

Подчинение и выводимость биологических законов и правил из основных положений диамата, марксизма и ленинизма.

Борьба с суевериями, «религиозными предрассудками», а также с метафизикой и идеализмом не путем полноценного естественнонаучного образования, а путем их прямого обесценивания и пропаганды материализма.

Неадекватное представление ученых и их учения. Научное значение одних деятелей переоценивается (Энгельс, Мичурин), другие сильно недооценены или вообще исключены – западные ученые, Вавилов, Четвериков.

Избыток социологизации и политизации в предмете, не относящемся к социологическим, например указания или намеки на лучшие условия для развития науки (теории, практики) в нашей стране.

Помимо идеологических советских признаков, в учебниках того периода выражены и другие качества, которые можно также отнести к характерным советским чертам:

Преобладание утилитарно-практической направленности над научно-теоретической. Создается впечатление, что авторы учебников пытаются оправдать необходимость преподавания биологии в школьном образовании в принципе, как полезного для общества предмета, а сами учебники более пригодны для окончательного образования людей рабочих специальностей.

Выраженная и навязчивая воспитательная направленность. Учебники содержат описания идеалов и норм, множество нравоучений, в первую очередь для приучения школьника к труду, спорту, здоровому образу жизни, правильному режиму, для борьбы с алкоголизмом и курением – в общем, воспитывают правильного советского человека.

Из собственно предметных особенностей биологии как школьного предмета можно подчеркнуть такие особенности:

– первостепенное значение темы теории эволюции и особенно происхождения человека в курсе общей биологии;

– значительное внимание к рефлекторной теории нервной системы Павлова в курсе анатомии и физиологии человека;

– преобладание структурного, а не функционального подхода в курсе анатомии и физиологии человека;

– значительное отставание от новейших научных и технологических достижений и большая инерция в реформах.

В рассматриваемый период произошли значительные, но неравномерные изменения в выраженности советских черт, структуре и качестве учебников. Первая значительная реформа школьной программы по биологии была проведена в конце 1960-х годов. Это был период освобождения учебников от лысенковщины, что потребовало обновления содержания биологического образования. С этой целью были созданы авторские коллективы для написания новых учебников. Под редакцией Ю.И. Полянского в 1966–1970 годах был создан новый учебник «Общая биология» для 9–10 классов, который совершенствовался при многочисленных переизданиях. Эта серия учебников значительно повысила уровень биологического образования и задавала традиции преподавания предмета до 2000-х годов в Беларуси.

В период 1970–1988 годов происходило главным образом улучшение оформления и оттачивание дидактических качеств учебника при почти полной неизменности содержания. Параллельно с учебником «Общая биология» под редакцией Полянского, который издавался 23 раза, стал традиционным учебник «Анатомия и физиология» под редакцией А.М. Цузмера, который издавался 21 раз. Учебники этого курса в целом обладали более архаичными чертами, чем «Общая биология». Позднесоветский период преподавания биологии, несмотря на достаточно хорошее качество последних изданий, можно уверенно назвать застойным.

Распад СССР не привел к немедленной реформе школьного образования, в том числе созданию новых учебников по биологии. Однако новые издания тех же самых учебников, 1993–1994 годов, были формально очищены от выраженных советских атрибутов: полностью удалено упоминание о СССР, отсутствуют коммунистические лозунги, несколько снижена частота упоминания Энгельса, уделено внимание международным нормам и стандартам. При всем этом биологическое содержание предмета, последовательность и объем тем, история науки остались неизменными. Таким образом, в первых постсоветских (российских) учебниках биологии была проведена только формальная десоветизация.

Создание собственных, беларусских учебников по биологии произошло с очень большой задержкой. После распада СССР в течение почти 10 лет школьное биологическое образование продолжалось на основе позднесоветских пособий. Первые беларусские учебники для 10 и 11 классов средней школы, под редакцией Лисова, появились в 2001–2002 годах. Они представляют собой запоздалую, но относительно успешную реализацию собственно беларусских учебников по общей биологии для школы. В содержательном плане они отличаются некоторым обновлением и расширением материала по сравнению с переходными учебниками советского образца (под редакцией Полянского). Пособия несколько недоработаны по структуре и оформлению, кроме того перегружены материалом, сложным для восприятия и усвоения. Однако политизации или проявлений идеологии советского типа в них уже нет. В изложении научного материала просматриваются традиционные, порой архаичные черты, но гораздо менее выраженные, чем в учебниках переходного периода. Маркерами советской

традиции в биологии являются две устаревшие цитаты Энгельса: определение жизни как «способа существования белковых тел» и «роль труда в превращении обезьяны в человека», которые переходят, теперь с изменениями, из учебника в учебник. «Жизнь как способ существования», «уровни организации живой материи», «общественный труд» – архаичные формулировки, которые все еще присутствуют в учебниках этого периода, кальки с марксизма. Отмечена также заметная экологическая направленность учебников.

К концу 2000-х годов выходит новая серия учебников по биологии. Если в конце 1990-х была задача выпустить собственно беларусские учебники, то сейчас, по всей видимости, была реализована задача по упрощению и модернизации тех пособий, которые вышли в 2001–2002 годах. Новые учебники подвергнуты серьезной переработке: сокращен материал, изменены структура, модернизировано содержание, а также улучшено оформление. Все учебники стали называться одинаково – «Биология», т.е. прежняя парадигма школьных предметов отменена. Новые пособия написаны другими авторами или авторскими коллективами. Главная особенность этих учебников – уход от традиционного состава тем, понятий и принципов, которые много лет повторялись из издания в издание. Некоторые разделы были сокращены, добавились новые темы, такие как иммунная система, поведение и психика, биотехнологии и генетическая инженерия. Тем не менее некоторые архаизмы сохранились и здесь, например цитирование Энгельса при обсуждении факторов эволюции человека. Сильной стороной новых учебников являются разделы экологической тематики, которые еще более детализированы и даже несколько избыточны по объему материала (экологическая направленность – оообщая особенность беларусских учебников по биологии). Эволюционные разделы в этом смысле несколько отстают и нуждаются в модернизации и дополнении.

Таким образом, по результатам исследования можно говорить о постепенном отходе от советской структуры и направленности изложения предмета биологии в рамках средней школы, некоторой модернизации и улучшении качества пособий. Если формальная десоветизация состоялась еще в учебниках российского издания постсоветского периода (1992–1994 годы), то реальная десоветизация предметного содержания учебников осуществлена только в 2009–2011 годах и продолжается до настоящего времени.

Роль архитектурного наследия в десоветизации образа беларусских городов в 1991–2012 годах

Степан СТУРЕЙКО,
магистр истории, культурный антрополог

Советскость, понимаемая в контексте данной работы как комплекс норм, закрепившихся в период существования Союза Советских Социалистических Республик, имеет не только политическую либо идеологическую коннотации. Советскость самым непосредственным образом проникла буквально во все сферы жизни общества и, соответственно, не могла не отразиться в результатах совместной деятельности советских граждан – от мультипликации до архитектуры. Наконец, поскольку город является одной из самых сложных систем совместного действия, она не могла не найти проявления и в урбанистике.

С распадом СССР начался полный противоречий процесс изменений устоявшегося советского города. Многие градостроительные нормы, понятия, структура отношений в условиях новой политической и социальной реальности буквально изобретались заново, и оттого осмысление процесса десоветизации города представляет собой интереснейшую тему для изучения.

Целью предлагаемого исследования является выявление особенностей трансформации образа беларусского города в связи с процессом десоветизации городского пространства.

Для достижения поставленной цели необходимо:

1. Раскрыть понятие советизации/десоветизации городского пространства и определить основные составные части понятия «образ города».

2. Обозначить основные этапы постсоветской трансформации, определить, попадают ли они в рамку десоветизации.

3. Охарактеризовать изменение роли наследия в восприятии города и проанализировать направления трансформации центральной исторической части беларусских городов.

Определение понятий

Прежде всего необходимо дать определение, что будет пониматься под «десоветизацией» в рамках данной статьи. В случае с городским пространством и его образом понятие «десоветизация» – отнюдь не умозрительная абстракция либо политологический термин. Десоветизация – процесс, противоположный советизации. Советский город имеет довольно детально разработанное в советской архитектурной науке определение. Новейшие исследования российских авторов позволяют ввиду образовавшейся временной дистанции более-менее беспристрастно взглянуть на феномен советского города[1].

Если о советизации города говорить как о процессе, то предполагается наличие некоторой исходной точки, «несоветского» города. Такими несоветскими городами являлись все города, становящиеся частью СССР в различное время. Все они постепенно начинали подвергаться социальным, культурным, экономическим и, как следствие, архитектурным преобразованиям. Процесс этот тянулся короткими рывками до начала Великой Отечественной войны, после которой города восстанавливались уже в четком соответствии с разработанными к тому времени теоретическими воззрениями советского градостроительства.

Города Западной Беларуси, как и Западной Украины и Балтийских государств, также подверглись советизации, только значительно позже, с момента вхождения в состав СССР. Следствием этого стало, во-первых, то, что новым советским городам удалось в большей степени сохранить свое культурное и архитектурное своеобразие. Во-вторых, ускоренный, форсированный процесс трансформации в соответствии с нуждами новой власти, которому они подверглись, чтобы максимально быстро «нагнать» своих восточных соседей, наиболее рельефно выявил характерные черты советизации города.

Кратко проанализируем ее основные особенности.

В экономической и социальной сферах:

1. Установление вертикальной системы управления, на вершине которой находился Совет Министров СССР и Министерство стро-

1 Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. Изд. 2-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 440 с.; Каштоўнасці мінуўшчыны–2: праблемы захавання архітэктурнай спадчыны савецкага перыяду: матэрыялы канферэнцыі, Мінск, 1999. – 210 с.; Памятники в Советском Союзе. М.: НИИТАГ, 2001. – 615 с.; Реконструкция исторической застройки в Европе во второй половине XX в. Историко-культурные проблемы. – М.: URSS, 2011. – 280 с.

ительства, далее – республиканские министерства, областные организации и, наконец, крупные строительные организации, занимавшие практически монопольное положение (либо разделявшие строительство на отраслевые зоны ответственности) в том или ином городе.

2. Прекращение деятельности мелких фирм и локальных ремесленных объединений способствовало унификации проектных предложений и распространению типовых строительных и оформительских решений в советских городах как на региональных и республиканских, так и на общесоюзном уровнях.

3. Ликвидация частной собственности на земельные участки и объекты недвижимости обеспечила существенное облегчение централизованного планирования и увеличила скорость трансформации.

4. Сворачивание частного бизнеса и частной предпринимательской инициативы как таковой обусловило существенное уменьшение количества рекламы, магазинов, пунктов общественного питания, которые во многом формируют образ города.

5. Практически повсеместное строительство крупных промышленных предприятий[2] не только изменило архитектурно-пространственное восприятие города, но и спровоцировало процесс урбанизации, потребовало максимально быстрого обеспечения новых горожан жильем, для чего, в свою очередь, понадобилось строительство огромных районов унифицированной, простой и дешевой барачной, а позднее – крупнопанельной застройки.

В культурной сфере:

1. Установление монополии советской власти на определение ориентиров культурной жизни, что также выразилось в разработке стандартов обеспечения «культурного» досуга советских граждан, в соответствии с которыми строились театры, кинотеатры, клубы, парки, места отдыха и т.д.

2. Распространение советской идеологии выразилось в массовом переименовании улиц, насаждении советской символики, установке

[2] Город часто мыслился советскими теоретиками как придаток промышленного предприятия, отсюда даже закрепился термин «градообразующее предприятие».

памятников «вождям» и отдельным историческим событиям, разработке новых унифицированных музейных экспозиций, неуважительном отношении к наследию предыдущих исторических эпох, а также борьбе с религией, в т.ч. закрытии приходов, перепрофилировании религиозных сооружений, их разрушении и т.д.

Все эти черты жизни советского города получили свое архитектурное выражение в виде городов с четко очерченным административным и культурным центром, сгруппированным вокруг большой парадной улицы (проспекта). В идеальном случае эта главная улица должна была «нанизывать» на себя вокзал и 1-2 центральные площади (как правило, они носили названия «Советская» и «Ленина»). Центральная улица являлась выражением мощи советской культуры и идеологическим символом, визитной карточкой города. Она обязательно должна была включать в себя 1-2 яркие архитектурные доминанты, кои должны были стать символами города. Вне центра город представлял собой скопление довольно мрачных однообразных жилых кварталов с минимумом социальных и культурных объектов.

После 1991 года большинство обозначенных особенностей получило диаметрально противоположное развитие. Некоторая их часть осталась прежней, однако кардинально изменилось сущностное наполнение. В любом случае ничего из очерченного не осталось прежним, и именно этот процесс можно понимать как естественную десоветизацию города.

Также нуждается в пояснении и понятие «образ города», который в данной статье неоднократно используется. Оно также нашло отражение в теоретической литературе, авторы которой настаивают прежде всего на комплексности, многоаспектности понятия, однако сходятся на том, что образ подвержен внешним воздействиям, поддается целенаправленной трансформации[3]. Образом как таковым называют внешний вид, облик некоего объекта. Образ города поэтому представляет собой комплексное понятие, включающее восприятие внешнего вида города (архитектура и внешнее оформление) и системы отношений (от социальных до пространственно-временных), существующих в конкретном городе. Как несложно понять, формирование образа определяется, с од-

[3] Например, Линч К. Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.; Дмитревская Н.Ф. Образ города как социальный феномен / Н.Ф. Дмитревская. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 1999. – 192 с.

ной стороны, фактами реальности, с другой же – особенностями личности самого воспринимающего. В рамках данной статьи будет затронута как первая, так и вторая составляющая образа.

Постсоветская трансформация городской среды: этапы и новые вызовы

Какое же развитие получил процесс десоветизации города в Беларуси, каковы его особенности здесь? Как обозначенные процессы повлияли на образ города? Для выяснения поставленных вопросов обратимся к анализу содержания ведущего архитектурного, «отраслевого» журнала Беларуси – «Архитектура и строительство» за 1991–2011 годы.

Анализ дает достаточно репрезентативную картину изменения облика города в Беларуси. Концепция профильного журнала практически не менялась на протяжении всех двадцати лет его существования в условиях независимости. Тематика материалов варьируется от специальных научно-технических публикаций (посвященных, скажем, особенностям легких металлоконструкций или производству строительной арматуры, а также аналитике по особенностям менеджмента строительных организаций в текущий период) до иллюстрированных материалов об архитектурном наследии и освещения дискуссий по поводу его сохранения.

Журнал в целом отражает актуальные тенденции беларусского градостроительства. Редакция стремится делать тематические номера по проблемам, стоящим на повестке дня. Также редакция не была замечена в романтизировании городского пространства, уклонах в историцизм, догматизацию и т.д. В журнале постоянно, в т.ч. в выпусках последних лет, присутствуют острые критические материалы, материалы дискуссионного характера (конечно, в небольших объемах, но для отраслевого государственного журнала показатель дискуссионности статей достаточно высок). На его страницах всегда давалось слово ведущим проектировщикам, реставраторам, историкам архитектуры. Конечно, далеко не все аналитические материалы можно отнести к разряду качественных. Присутствуют и некоторые откровенно слабые, заказные, «хвалебные» тексты (в основном это статьи, подводящие результаты деятельности крупных строительных ведомств и организаций за определенный период), однако ничего лучшего в беларусской архитектурной журналистике пока что нет (хотя некоторые

интернет-ресурсы в последние 2-3 года показывают весьма качественные ее примеры). И все же представляется, что разброс тематики и численность тематических публикаций отражает в большей мере авторские интересы беларусских специалистов, нежели редакционную политику: редакция публикует то, что приносят ей авторы.

Таким образом, журнал представляет собой хороший источник для реализации целей данного исследования. В ходе работы были проанализированы все его выпуски за 1991–2011 годы, хранящиеся в Национальной библиотеке.

Журнал запечатлел на своих страницах своеобразную летопись основных узловых моментов трансформации отечественной строительной и архитектурной отраслей. С самого начала 1990-х годов беларусская архитектура рассматривается авторами прежде всего в общесоюзном контексте, однако, следуя веяниям времени, особенности национальной архитектуры уже обсуждаются ими как самостоятельное явление – например, материал «Воспоминание о будущем» (№6, 1991), или «Региональная архитектура. Надумана ли эта проблема?» (№2, 1991), посвященный Всесоюзному смотру-конкурсу творчества молодых архитекторов, проведенному в Минске в 1991 году.

Также большое количество материалов посвящено реформированию строительной отрасли в новых хозяйственных условиях, о чем свидетельствуют «говорящие» заголовки: «Самостоятельно – значит эффективней» (№1, 1991), «На пороге разгосударствления и приватизации» (№3, 1991), «Чувствуем себя хозяевами» (№4, 1991), «Приватизация жилищного фонда: возможные подходы» (№1, 1992), «Разгосударствление в строительной отрасли» (№№1,2, 1992), «Интеграция науки и строительного бизнеса» (№3, 1993). В 1992 году практически в каждом номере публикуется новая республиканская нормативно-правовая документация. Как ни странно, повинуясь общей моде, журнал затронул даже тему НЛО (материал «А они все вертятся» в №3, 1992).

Начиная с 1992 года журнал гораздо активнее занимается освещением иностранного опыта по решению конкретных практических вопросов строительства: «Крупнопанельное домостроение: финский метод» (№1, 1992),«Для кого и как строят в Германии» (№1, 1993). Ссылки на европейский опыт решения конкретных хозяйственных и архитектурных вопросов с этого момента становятся неотъемлемой частью большинства статей.

Что касается конкретно-прикладной тематики, журнал активно освещает вопросы дачного строительства, а также строительства жилья для переселенцев из чернобыльской зоны. Правда, учитывая начавшуюся экономическую дифференциацию граждан, с 1993 года тема дачного строительства уступает место коттеджному. В самом деле, примерно в это время беларусские города обрастают коттеджными поселками.

Поднимаются и другие специфические темы, совершенно нехарактерные для предыдущего советского этапа развития беларусской архитектуры, свидетельствующие о появлении принципиально иных вызовов, стоящих перед специалистами: «Перспективы развития приграничных районов Беларуси и Польши» (№2, 1994), «Авторское право архитектора: теория и практика» (№3, 1994);начинают отдельно обсуждаться архитектура банковских зданий, архитектура церквей и костелов, а также еще более интересная своими новаторскими подходами архитектура молитвенных домов, вопросы реализации жилой недвижимости и т.д. С 1996года более активно освещается тема строительства спортивных сооружений. В 1998 году появляются темы мансардного строительства, утепления фасадов зданий.

За первые 10 лет независимости проблематика поднимаемых тем трансформировалась почти революционным образом: от того, как дешевле сделать квартирный ремонт своими силами(1991 год), до комплексной реконструкции центральной части беларусских городов – как районных, так и областных центров, разрабатываются или корректируются генеральные планы их развития (начало 2000-х годов). К 2003 году принимаются новые генеральные планы всех областных центров. Естественно, они включают и разделы, посвященные исторической части городов.

Можно сказать, что беларусских градостроителей в этот период «накрыла» преобразовательная волна, связанная со стремительно меняющейся городской экономической реальностью. Архитекторы стремятся к масштабным преобразованиям, охватывают своими проектами максимально большую площадь, однако в самом преобразовательном посыле и конкретных предложениях по преобразованию есть сущностные отличия от советских градостроительных установок: отказ от советской догматики, решение назревающих транспортных проблем, новые хозяйственные отношения, актуализация архитектурного наследия в общем образе города.

В 2000-е все большему количеству объектов советской архитектуры присваивается статус историко-культурного наследия; советская архитектура (особенно, конечно, сталинская) переосмысливается как свидетельство завершившейся эпохи. Постепенно ссылки на исторический опыт и старую архитектуру появляются во все большем количестве публикаций, даже не связанных с наследием тематически. Исторические мотивы все более ярко проявляются в новой архитектуре, как светской, так и религиозной.

2000-е годы уже не демонстрируют такой стремительной динамики смены тематических приоритетов; скорее это время постепенного развития, акцентирования отдельных узких вопросов городского строительства. В 2003–2004 годах поднимаются темы ночной подсветки зданий, устройства безбарьерной среды в новых и старых сооружениях, обсуждается колористика города и конкретных зданий, влияние городской рекламы на восприятие архитектурной среды. С 2004 года и по наши дни происходит резкая актуализация вопроса строительства спортивных сооружений. Материалы, как и по другим темам, носят обобщающий и констатирующий характер, т.е. сами преобразования и строительство были произведены на протяжении предыдущих 1-2 лет. 2005–2006 годы – активизация темы высотного строительства, современной архитектуры, стеклянных фасадов, вопросов транспортного обеспечения, ландшафтной архитектуры и т.д.

Таким образом, обобщая обнаруженное тематическое разнообразие и анализируя некоторые очевидные трансформации городской среды, не нашедшие отражения на страницах журнала, можно констатировать реальные изменения в направлении десоветизации. Так, появились частные застройщики, масса творческих мастерских, выполняющих проекты на конкурентной основе. Для развития здоровой конкурентной среды между ними устраиваются тендеры на проектирование и строительство. Появляются мелкие организации, занимающиеся разработкой дизайна помещений, возможности которых ограничены только бюджетом заказчика. Несмотря на отсутствие частной собственности на земельные участки, введена собственность на постройки, что существенным образом влияет на реализацию общегородских планов (самый яркий пример – изменение трассы ул. Уманской ввиду протеста собственников зданий, находящихся под угрозой отселения). С другой стороны, появились проблемы охраны историко-культурного наследия от действий недобросовестных инвесторов,

не подчиняющихся ни законодательным, ни этическим нормам. Сегодня не политический либо социальный, а исключительно коммерческий интерес определяет появление новых и преобразование старых зданий в центральной части города. Ввиду обилия рекламы появилась необходимость разработки отдельных нормативов, регулирующих ее размещение. Количество мелких предприятий сферы обслуживания еще не достигло соответствующего уровня в западных странах, но уже отчетливо превосходит советские показатели. Соответственно, произошло изменение структуры занятости городского населения, происходит постепенная деиндустриализация. В городах больше нет необходимости в привлечении новых рабочих рук из числа сельского населения. Вслед за этим поменялась и структура расселения горожан. Районы города постепенно дифференцируются по уровню материального достатка проживающих там граждан, а не по их профессиональной принадлежности. Также в ближайшем будущем возможно появление районов компактного расселения представителей различных этнических групп из числа мигрантов по образцу западных городов.

С точки зрения культуры, города постепенно, хотя и довольно медленно, лишаются советской символики и памятников коммунистическим деятелям. Первая волна декоммунизации относится к началу 1990-х годов, вторая наметилась только в 2011–2012 годах. Если центральные улицы беларусских городов расстаются с советской символикой не очень охотно, большое количество ее в «спальных» районах и на предприятиях исчезло уже безвозвратно. Очень замедлился с середины 1990-х годов, но все же продолжается процесс переименования центральных улиц. Новые названия улиц несут преимущественно либо нейтральную, либо выразительную беларусскую смысловую нагрузку. Восстанавливаются памятники архитектуры, снесенные в предыдущие годы, в т.ч. весьма активно идет строительство религиозных зданий – как в центральных, так и в окраинных районах. Вот далеко не полное перечисление основных процессов, фактически изменивших внешний вид городов.

Изменения роли архитектурного наследия в восприятии города

Если в предыдущем разделе речь шла о фактических, материальных переменах, в данной части статьи будет описано изменение вос-

приятия города, изменение его предлагаемого, транслируемого образа. Средства трансляции образа могут быть самые разнообразные – в основном это СМИ (телевизионные, печатные и электронные), кинофильмы, промо-продукция. Сообщаемая ими информация зависит, с одной стороны, от фактов объективной реальности (так, факт строительства минской ратуши не мог не воспроизводиться в новостных лентах, и теперь она постоянно попадает в кадр при съемках сюжетов любой тематики в районе пл. Свободы), с другой – от желания автора послания сообщить ту или иную информацию (например, Артур Клинов целенаправленно пишет о советском Минске, а Захар Шибеко – о Минске дореволюционном), с третьей – от желания адресата сообщения. Здесь уже можно наблюдать первое проявление постсоветского периода: теперь все перечисленные трансляторы образа города в той или иной степени коммерциализированы и оттого ориентируются на потребителя (сегодняшние читатели гораздо охотнее потребляют информацию о новых ресторанах, нежели о трудовых подвигах рабочих коллективов), т.е. преобладание той или иной тематики свидетельствует, помимо прочего, о реальной потребности именно в такой информации, о наличии ожидания и готовности воспринимать именно такой стиль и именно такой объем сообщения. Именно поэтому, анализируя сообщения транслятора, мы одновременно анализируем и адресата.

Нижеследующий анализ проведен с применением метода, использованного Анной Павловской в статье[4], посвященной трансформации довоенного и послевоенного образа Гродно. А. Павловская анализирует следующие аспекты образа Гродно: 1) трансформацию топографической структуры города (изменение расположения улиц и площадей), архитектуру города (основные доминанты, их внешний вид) и памятники в «реальной сфере»;2) трансформацию изображения города (основные объекты, которые представляют город в путеводителях и альбомах), архитектурные доминанты, словесные образы и характеристики города в «виртуальной сфере»; 3) отношения между «реальным» и «виртуальным» изображениями.

Ввиду обилия материала остановимся только на одном виде трансляции образа города – фотоальбомах Минска. Минск был взят как столица страны, как город, определяющий многие культурные и социальные

[4] Paulouskaya H. Creating images: changes in real and virtual imaginary of Hrodna through the 20th – beginning of the 21st century // http://harodnia.com/a112.php

тенденции в Беларуси. Кроме того, именно Минску посвящено наибольшее среди других городов количество фотоальбомов. Если А. Павловская рассмотрела 8 альбомов, вышедших с 1966 по 2003 год (и этим количество альбомов по Гродно практически ограничивается), то по Минску только за 1990-е –2000-е годы выпущено более 20 альбомов. Интересно отметить при этом, что больше всего исторических книг в нашей стране написано все-таки о Гродно. То есть Минск хотят не столько исследовать, сколько изображать и – ввиду большого количества туристов – продавать эти изображения как гражданам страны, так и иностранцам.

Прежде всего необходимо очертить критерии отбора альбомов и путеводителей для анализа. Существуют издания, выдержанные строго в рамках только фотоальбома либо только путеводителя, однако большинство изданий стремится так или иначе совместить эти два жанра. Для анализа были выбраны прежде всего альбомы, авторы которых старались отразить всю совокупность, всю панораму городской жизни с целью представления всего города, а не какой-либо одной области жизни минчан. Поэтому для анализа не подходили тематические альбомы, посвященные конкретным историко-культурным или иным объектам. Таких целостных альбомов оказалось не очень много: с учетом того, что некоторые альбомы переиздавались практически в неизменном виде и присутствовали на полках книжных магазинов годами, удалось насчитать чуть менее 20 изданий, в большей или меньшей степени соответствующих предъявляемым критериям. Очевидно, что подробный анализ содержания всех изданий требует слишком больших трудозатрат, поэтому следующим критерием отбора стала хронологическая последовательность рассматриваемых публикаций. Необходимо было как можно равномернее закрыть весь рассматриваемый период 1991–2011 годов. Это удалось отчасти. В 1991–1996 году не было издано ни одного обзорного альбома Минска, поэтому пришлось воспользоваться двумя, выпущенными чуть ранее, и шестью, выпущенными позднее. Если для советских альбомов характерно использование в разных изданиях одних и тех же фотографий либо фотографий, сделанных с аналогичного ракурса, то в последнее время появляется все больше авторских фотоальбомов, которые довольно тяжело оценивать из-за гиперболизированной субъективности. Один такой альбом (2011 года) все же был включен в выборку. Всего в ходе исследования были проанализированы 8 фотоальбомов Минска, охватывающих период с 1987 по 2011 год.

Все изображения, содержащиеся в этих альбомах, были разделены по тематическому принципу.

Первым шагом стало разделение фотографий по сферам изображаемой жизни города (см. табл.1):

Таблица 1 Распределение фотографий по сферам изображаемой жизни города (в абсолютных величинах)

Год издания	Объекты наследия	Религиозные объекты	Культура, наука и образование	Рекреационные объекты (парки и набережные)	Праздничные сцены	Промышленные объекты	Объекты с военной семантикой	Спальные микрорайоны	Административные здания	Потребление (магазины и общественное питание)
1987[5]	22	3	37	25	14	32	9	17	13	10
1989[6]	6	2	22	19	72	3	14	20	12	3
1997[7]	38	14	33	17	0	4	3	23	13	7
1998[8]	15	8	9	6	0	7	2	1	5	2
2003[9]	66	29	56	31	11	0	4	13	15	4
2006 (П)[10]	74	23	40	36	3	3	8	15	15	6
2006[11]	41	13	80	18	19	97	15	19	24	20
2011[12]	34	5	14	14	6	0	4	1	7	4

---

5 Минск. Мінск. Minsk / склад. Н.Ю. Паўловіч. – Мінск: Беларусь, 1987. – 238 с.
6 Мінск святочны. Минск праздничный / склад. В.М. Іваноў. – Мінск: Беларусь, 1989. – 132 с.
7 Мінск. Минск / склад. В.І. Анікін. – Мінск: Беларусь, 1997. – 111 с.
8 Запрашаем у Мінск. Приглашаем в Минск. – Минск: Полифакт, 1998. – 21 с.
9 Мінск / склад. С.У. Пешын. – Мінск: Беларусь, 2003. – 175 с.
10 Мінск. Минск. Minsk / склад. С.У. Пешын (3-е выд.). – Мінск: Беларусь, 2006. – 166 с.
11 Регион Минск. Время действий и преобразований / сост. М.М. Шендрик. – Минск: Международный центр интеграционной информации; Общественный пресс-центр Дома прессы, 2006. – 205 с.
12 Минск. Город и люди / В. Качан. – Минск: Артия Групп, 2011. – 112 с.

Выделение сфер, в рамках которых велся подсчет, производилось с установкой на максимально широкий охват сфер жизни города. К «объектам наследия» в данном случае были отнесены фотографии, целью которых было запечатлеть как советские памятники, так и объекты, которые в настоящее время можно причислить к наследию, – очевидно старые здания (даже безотносительно того, охранялись ли они государством в момент выпуска альбома). Под «религиозными объектами» – изображенные церкви, костелы, явно религиозные сооружения, изображения священнослужителей либо религиозных праздников. Под «культурой, наукой и образованием» – здания, ассоциирующиеся с культурной жизнью: театры, кинотеатры, концертные залы, внутренние интерьеры этих зданий, изображения людей соответствующих художественных профессий; то же самое, относящееся к науке и образованию. Отдельно были выделены «рекреационные объекты», «праздничные сцены» (безотносительно тематики праздников), «промышленные объекты» (сюда относятся изображения как самих фабрик, так и их интерьеров, производственного процесса, рабочих и т.д.), «объекты с военной семантикой» (это сами военные, военные праздники, военные монументы), «спальные микрорайоны» (группы типовых жилых многоэтажек), «административные здания», сцены «потребления» (магазины, рынки, рестораны, их интерьеры). В перечень не вошел спорт, т.к. спортивная тематика хотя и присутствует в каждом альбоме, однако весьма слабо выражена.

Четыре альбома из восьми охватывают все тематическое разнообразие. Остальные четыре имеют только по одному пропуску. Это значит, что из рассмотренных альбомов действительно можно получить представление о том, как минчане живут, где и как работают, где тратят заработанные деньги, как отдыхают, где гуляют и чем любуются во время прогулок, какое место играют в их жизни институты власти, религии, армии.

Теперь попытаемся осмыслить полученные данные. Говорить об изменении абсолютного количества изображений того или иного типа в альбомах не имеет смысла, т.к. альбомы имеют различный объем. Гораздо продуктивнее пользоваться относительными величинами и анализировать прежде всего доли того или иного типа изображений. Для этого данные таблицы сведены в диаграмму.

В первой диаграмме будут для наглядности объединены некоторые категории. Первая группа: объединены «объекты наследия», «религиозные объекты» и «культура, наука и образование». Вторая группа: объединены «промышленные объекты», «объекты с военной семантикой» и «спальные микрорайоны». Результаты представлены на рис. 1.

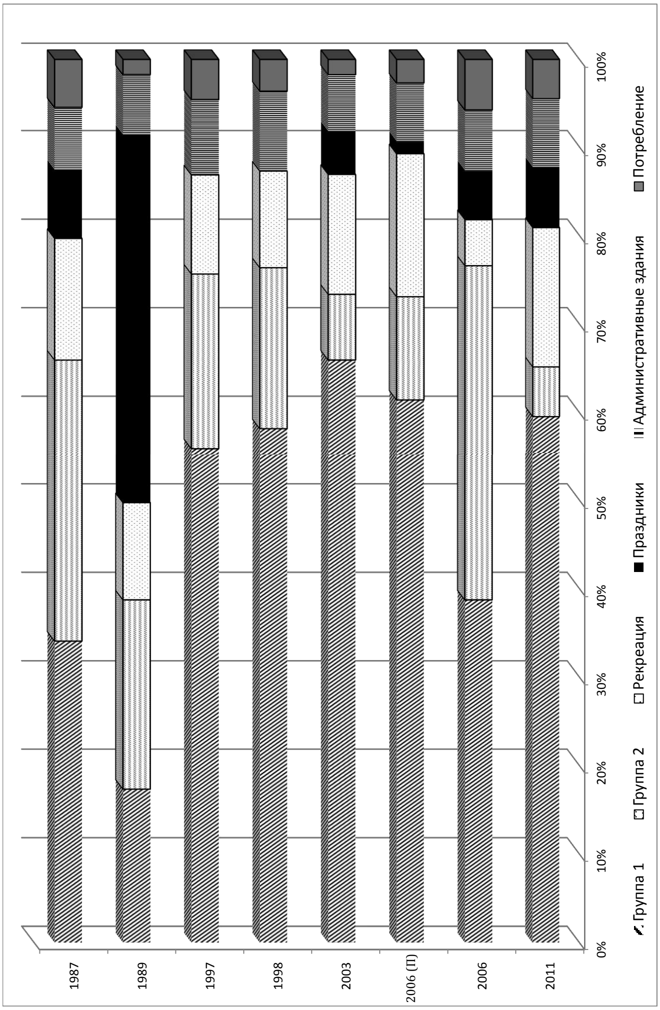

Рис. 1. Распределение фотографий по сферам изображаемой жизни города (в долях от общего количества иллюстраций в фотоальбоме)

В советское время минчане в основном «вели культурную жизнь», а затем работали и жили в панельных многоэтажках. В 1990-е–2000-е годы в основном любовались памятниками, опять же вели культурную жизнь, гораздо больше времени стали уделять религии (в начале 2000-х впервые в художественных фотоальбомах появляются изображения кладбищ). Военные объекты и ветераны, напротив, практически перестали их интересовать (за исключением обязательных изображений стелы на пл. Победы), что, кстати, противоречит официальной позиции по всяческой популяризации темы Великой Отечественной войны. Практически полностью перестало изображаться производство (исключением стал официальный фотоальбом 2006 года, призванный показать не столько минскую жизнь, сколько экономические достижения страны под руководством А.Г. Лукашенко, производственная тема там доминирует). Уменьшилась доля праздничных сцен (в постсоветских альбомах из обилия праздничных сцен сохранились лишь новогодние и посвященные Победе).Любопытно, что изображение административных зданий, спальных микрорайонов, рекреационных зон, а также сцен потребления на протяжении разных лет оставалось практически неизменным (за исключением редких девиаций) – судя по всему, как раз эти объекты наименее подвержены смысловой трансформации.

Таким образом, можно констатировать тенденцию увеличения доли наследия и религиозных объектов в репрезентации города. Можно было бы предположить, что содержание советских альбомов и соотношение в них фотоиллюстраций, раскрывающих темы наследия и производственные темы, было обусловлено идеологическим прессингом. Однако это допущение отчасти опровергается (уточняется) в результате анализа данных, представленных в следующей таблице и соответствующей ей диаграмме, построенной на основании распределения фотографий по изображению конкретных «знаковых» столичных объектов. Эти данные будут показывать соотношение новой и старой архитектуры безотносительно той или иной культурной, административной, военной и т.д. функций. Так, в раздел «Новая архитектура» была включена половина зданий на пл. Независимости, Дворец республики, некоторые театры, новые церкви и т.д. В данной таблице производится анализ именно трансформации репрезентации «старого», тенденция роста интереса к тому, что может представляться как наследие.

Таблица 2 Представленность «современной архитектуры» и объектов наследия в фотоальбомах Минска (в абсолютных величинах)

Год	Общее кол-во иллюстраций	«Современная» архитектура	Верхний город	Троицкое предместье	Проспект, единичные сталинки	Пл. Независимости	Пл. Победы	Привокзальная пл.
1987	173	38	1	3	8	4	2	1
1989	160	46	0	1	8	23	2	1
1997	109	69	5	2	14	4	1	2
1998	47	4	7	1	3	2	1	2
2003	218	61	17	17	37	9	2	2
2006 (П)	166	54	14	10	29	8	1	3
2006	482	78	7	3	17	7	4	7
2011	100	7	8	1	20	1	2	1

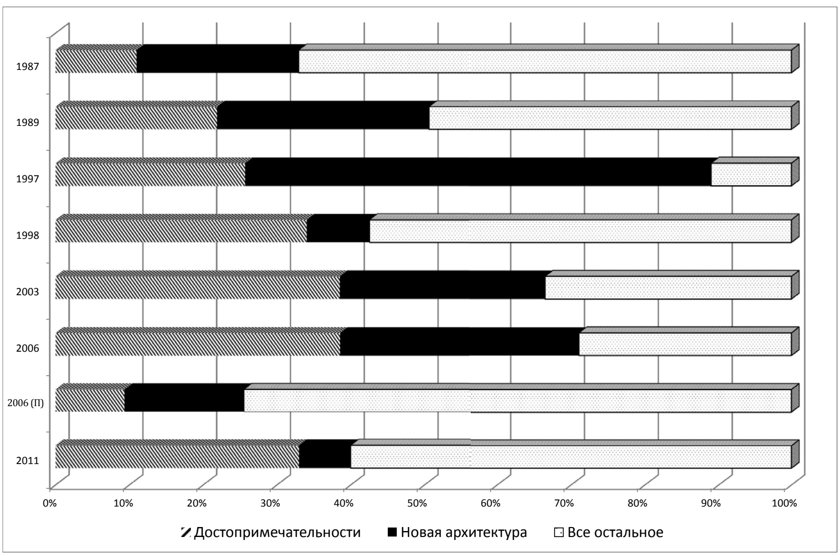

Рис.2. Представленность «современной» архитектуры и объектов наследия в фотоальбомах Минска (в долях от общего количества иллюстраций в фотоальбоме)

Для чистоты эксперимента в качестве таких знаковых объектов были выбраны архитектурные комплексы, однозначно относящиеся к наследию: Верхний город, Троицкое предместье, привокзальные Ворота города, некоторые выдающиеся сталинки (в т.ч. памятники советского конструктивизма), левая сторона пл. Независимости и пл. Победы. Результаты подсчета приведены в табл. 2.

Для удобства вновь сделаем объединение: к одной группе отнесем все достопримечательности, в другой представим «современную» архитектуру, в третьей же будут все остальные иллюстрации, помещенные в фотоальбом (рис. 2).

На приведенной диаграмме мы можем наблюдать постепенный рост доли достопримечательностей в фотоальбомах. Происходит это в разных изданиях по-разному: то за счет «новой» архитектуры, то за счет прочего фотоматериала. Трудно представить, что советские идеологи могли запрещать показывать Ленинский проспект, площадь Победы или Ворота города. Представленная диаграмма действительно показывает изменение восприятия образа города в сторону его ретроизации.

Единственное исключение – государственный пропагандистский альбом 2006 года, в котором очевидно мало внимания уделено достопримечательностям, однако данные показывают, что и архитектуры вообще в нем показано меньше, чем в других альбомах. Также обращает на себя внимание авторский альбом 2011 года. Большая часть его фото изображает людей в различных городских ситуациях; по ряду косвенных признаков можно догадаться, что многие из них запечатлены в центре города, вблизи старых зданий, однако никакой архитектуры на изображениях не присутствует, поэтому такие фотографии пришлось отнести в раздел «прочее». В целом, конечно, надо признать, что архитектура – как старая, так и новая – далека от занятия монопольного положения в репрезентации образа Минска, как это происходит в фотоальбомах западных городов. И все же ее удельный вес в годы независимости растет.

Постсоветские тенденции развития исторических центров

В заключительной части статьи будет произведена попытка определить основные особенности развития исторических центров белорусских городов. Сделано это будет вновь на основании изучения тематики (авторского интереса исследователей) публикаций журнала

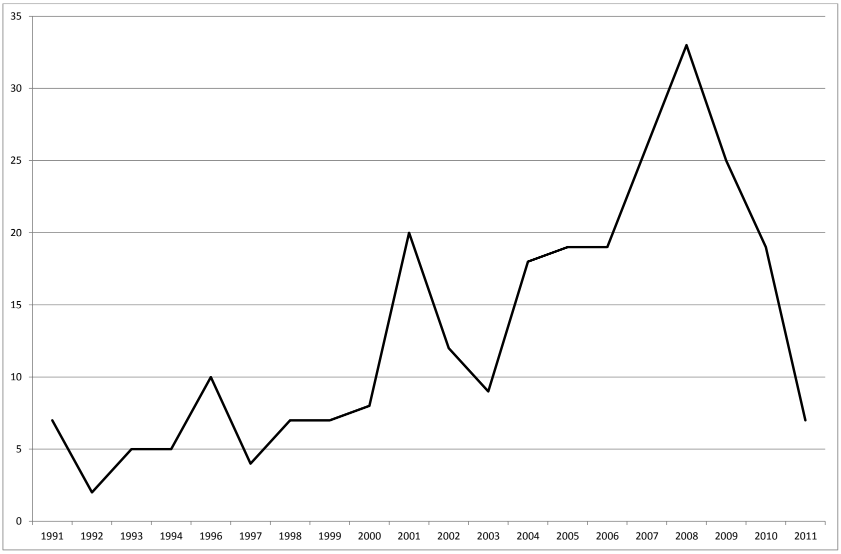

Рис. 3. Количество публикаций, посвященных историко-культурному наследию, по годам

«Архитектура и строительство». В данном случае – имея ввиду, что журнал действительно отражает актуальные проблемы, стоящие перед беларусскими архитекторами, – мы будем основываться на предположении, что и публикации, посвященные наследию, имеют своим результатом реальные действия по его преобразованию (т.е. актуализации, реставрации, восстановлению и т.д.). Они являются либо материалами текущей работы архитекторов над конкретными объектами, либо частями диссертационных исследований, формирующих практические компетенции архитекторов. Для анализа вновь были просмотрены все номера журнала за 1991–2011 годы.

Прежде всего необходимо обратить внимание на постепенный рост количества публикаций, посвященных историко-культурному наследию. Этот рост отражен в следующей диаграмме (рис. 3):

Рост этот неравномерный. Можно выделить три волны авторского интереса: 1) 1992–1996 годы – эйфория от достижения независимости и осознание важности сохранения наследия. Небольшое абсолютное количество публикаций объясняется отчасти редкими выходами журнала и небольшим фактическим объемом номеров. Так, в 1995 и 1997 годах журнал вышел лишь по два раза; 2) 1997–2001 годы – про-

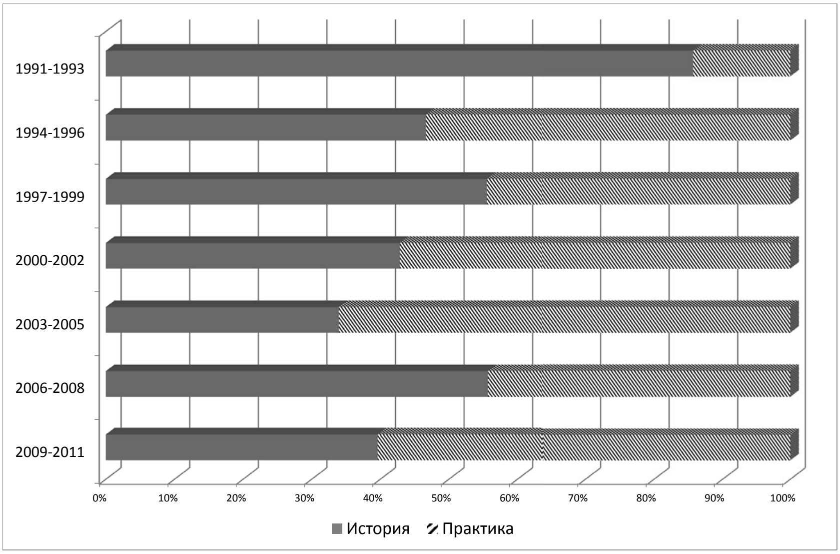

Рис. 4. Соотношение «исторических» и «практических» материалов в разные временные периоды

должение осмысления тематики; 3) 2003–2008 годы – появление своеобразного преобразовательного азарта: время больших проектов по трансформации исторических центров, созданию пешеходных улиц, активному восстановлению памятников и т.д.

В настоящее время в связи с окончанием некоторых масштабных проектов наблюдается стремительное падение интереса авторов к решению проблем архитектурного наследия, что само по себе является свидетельством наступления некоторого интеллектуального кризиса среди специалистов.

Второй фокус анализа был направлен на определение соотношения характера публикаций, которые были условно разделены на 2 категории: 1) материалы, имеющие своей целью показ исключительно истории определенных объектов; 2) материалы, обсуждающие и предлагающие пути преобразования объектов. Соотношение в разные годы получилось следующим (см. рис. 4):

Как видно из диаграммы, в первые годы независимости большинство материалов, посвященных наследию, все-таки оставалось преимущественно историческими либо искусствоведческими. Очень быстро соотношение меняется. Пик прикладных материалов приходится

на 2003–2005 годы – время обсуждения грядущей волны повсеместных преобразований. Последний период, хотя и характеризуется падением интереса авторов к наследию, все же демонстрирует большой процент именно прикладных публикаций. Связано это с продолжающейся оценкой и обсуждением уже произошедших преобразований, а также с разработкой новых проектов.

Третий фокус исследования касался географического распределения авторского интереса. На представленной диаграмме (рис. 5)

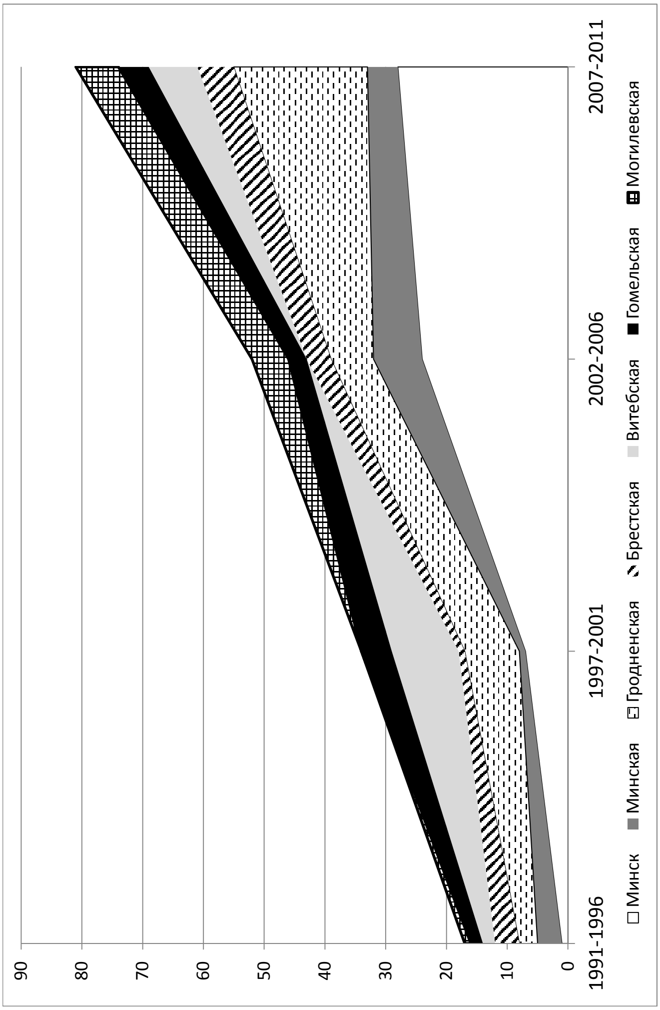

Рис. 5. Географическое распределение интересов авторов журнала

мы видим отчетливый многократный рост количества географически-определенных публикаций (в диаграмму не включались данные о публикациях, носящих обзорный, общенациональный характер).

Представленная диаграмма иллюстрирует доминирование и постоянный рост в публикациях количества тем по наследию Минска, а также Гродненской области. Небольшой рост демонстрирует также Могилевская область. Количество публикаций по наследию остальных областей устойчиво невелико. Слабость интеллектуального осмысления наследия остальных регионов вселяет опасения за качество проводимых там работ.

Данные по Минску и Гродненской области при этом удивительным образом диаметрально противоречат статистическим данным государственного списка историко-культурных ценностей, который сообщает, что именно в этих регионах находится наименьшее (!) количество охраняемых памятников в Беларуси. Наибольшее же количество наследия концентрируется как раз в Витебской и Гомельской областях. Это может свидетельствовать о неравномерном распределении исследовательских сил, но более вероятным объяснением выступает неэффективность самого института списочной охраны памятников, когда регионы их наибольшего «официального» скопления пользуются наименьшим интересом у архитекторов и реставраторов.

Четвертый фокус анализа также относится к географическому распределению тематики статей, однако здесь вопрос ставится несколько иначе: выясняется соотношение обзорных, городских и сельских объектов в предпочтениях исследователей (рис. 6).

Необходимо отметить, что с 1997 года это соотношение почти не меняется. Более того, исследовательский интерес к памятникам в крупных городах и за их пределами вполне сопоставим, как и внимание к общенациональной проблематике памятников.

Наконец, последний исследовательский вопрос – о соотношении типов наследия, рассматриваемого в публикациях (рис. 7).

Диаграмма показывает доминирование интереса к гражданской городской архитектуре (это объяснимо ее абсолютным количественным преобладанием в структуре беларусского наследия). Слоган о том, что «Беларусь – страна замков», нашел отражение в реальных архитектурных исследованиях только в последние годы, и пока что слабость этого интереса не позволяет говорить о качественном научном

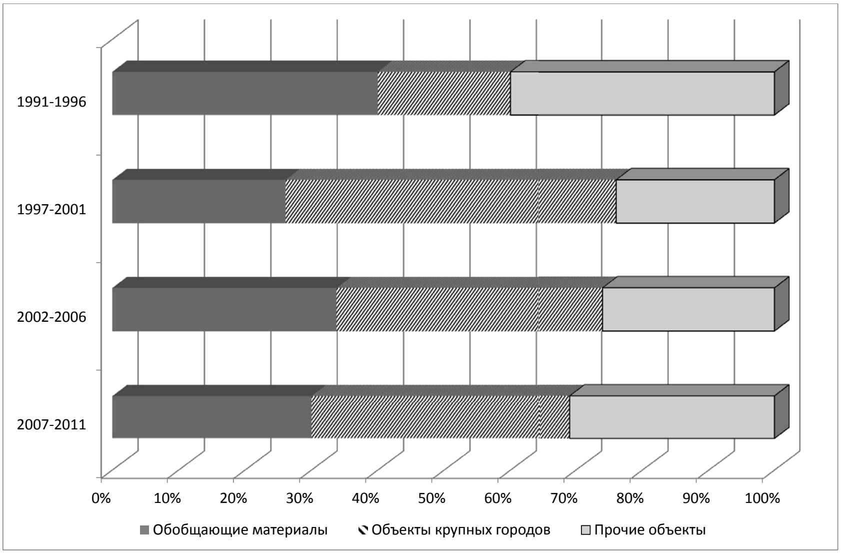

Рис. 6. Распределение тематики материалов журнала по типам населенных пунктов

обеспечении реализации принятой программы по восстановлению беларусских замков. Довольно устойчивым в период независимости было внимание авторов к сохранению и восстановлению парков, старинных усадеб и т.д. Интерес к религиозной архитектуре можно охарактеризовать скорее как неровный.

Таким образом, если принять тезис, доказывавшийся в предыдущей части, о том, что наследие теперь в гораздо большей степени определяет образ города, можно отметить несколько проблемных зон в происходящей постсоветской трансформации исторических объектов. Сам интерес специалистов-архитекторов к решению проблем исторических центров носит волнообразный, неравномерный характер. Все еще недостаточно велико количество прикладных материалов, обсуждающих будущее, а не историю памятников (для обсуждения их истории могло бы найтись место в других специализированных исторических публикациях), по-прежнему очень неравномерно географическое распределение исследовательского интереса: наследие некоторых беларусских регионов исследуется и обсуждается явно недостаточно активно, что несет в себе угрозу его сохранению.

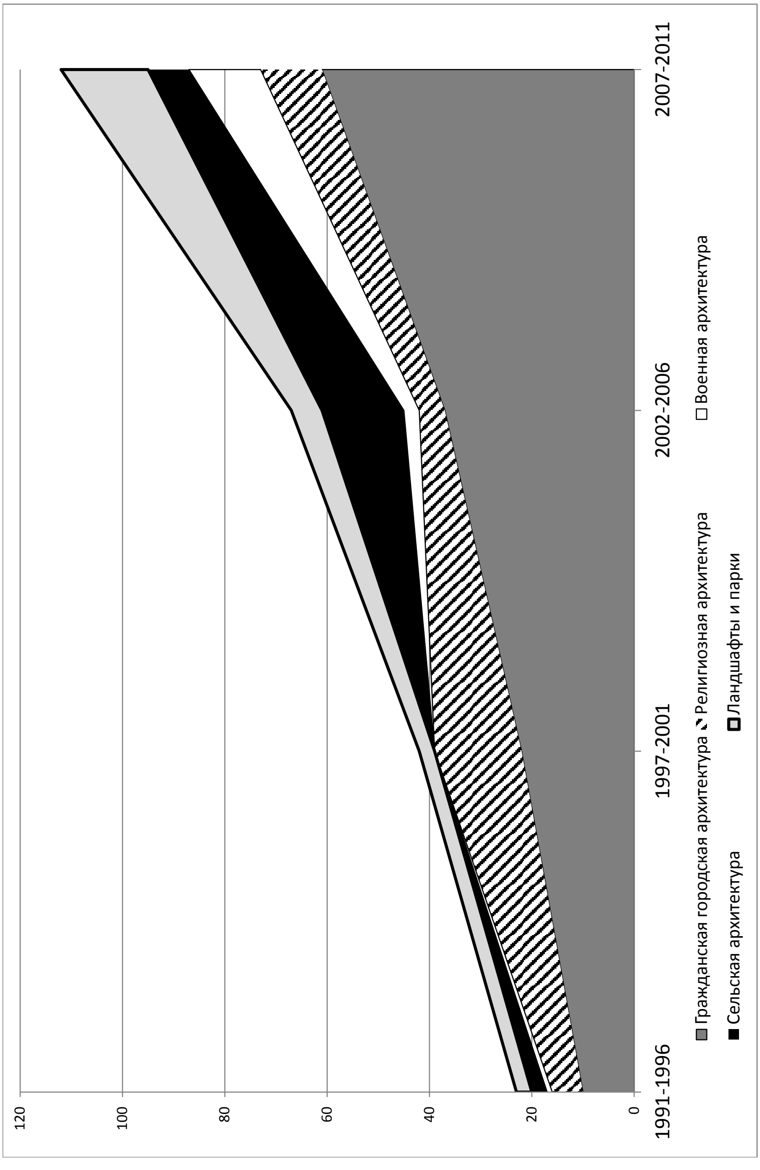

Рис. 7. Типы наследия, представленные в материалах журнала

Выводы

Обобщая итоги проведенного исследования, можно выделить следующие процессы, попадающие в рамку десоветизации города: децентрализация строительной отрасли, усиление конкурентных и коммерческих принципов ведения проектных и строительных работ, уход от теоретических норм социалистической архитектуры, приближение большой части параметров строительства к европейской практике. Одновременно происходит постепенное стирание (либо разбавление) советской символической среды. Беларусские города по своему внешнему облику постепенно приближаются к европейским.

Коммерциализация городской среды несет с собой как очевидные плюсы, так и минусы, которые касаются прежде всего взаимодействия новых структур с наследием. Отношение к нему изменяется – его одновременно популяризируют, теоретически переосмысливают и стремятся преображать. Однако стремление к трансформации у нас все еще опережает рациональное осмысление процессов, происходящих с центром города и в частности с памятниками. Отсюда многочисленные конфликты по поводу разрушения тех или иных объектов.

Вмешательство государства также двояко. Государство вкладывает огромные материальные средства в существенное преобразование населенных пунктов, строительство спортивных и инфраструктурных объектов, регулирует проникновение в беларусские города транснациональных корпораций.

Однако в случае с формированием образа города официальная репрезентация Минска идет вразрез со сформировавшимися тенденциями ретроизации городского центра. Государственные институты охраны памятников справляются со своими функциями лишь отчасти, являясь в основном молчаливым наблюдателем естественных процессов вестернизации города. Также не удается регулировать исследовательскую активность в этой сфере, направляемую на осмысление наследия и его преобразования в отдельных беларусских регионах. Иными словами, мысли не всегда успевают за действиями.

Государство попало в достаточно парадоксальную ситуацию. Оно не отрицает каждый отдельный процесс трансформации. Однако те же самые процессы, взятые все вместе в рамку десоветизации, не находят у него поддержки. Отсутствует понимание, что залог успешности протекания продолжающихся преобразований беларусских городов как

раз заключается в системном подходе деконструкции старых норм и установок. Государство не способствует десоветизации беларусского города. Напротив, поощряя отдельные процессы, оно пытается затормозить системность, вводя дополнительные ограничения. В результате наблюдаются перекосы – например, одновременное удержание коммунистической символики совмещается с поощрением рыночных процессов. Однако реально противостоять десоветизации, которая все же является скорее суммой отдельных проявлений, нежели единым движением, ему не удается. Чем скорее десоветизация будет принята в качестве основной концепции системной трансформации, тем более сбалансированным будет развитие беларусского города.

Научное издание

Десоветизация в контексте трансформации
беларусского общества
Сборник статей

Редактор *Оксана Шелест*
Корректор *Алена Плиско*
Дизайн обложки *Максим Король*

Подписано в печать 19.11.2012. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд.л. 8,43. Усл.печ.л. 9,57.
Тираж 300 экз.